

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

2
2021

МАРТ •
АПРЕЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

Флоря Б. Н. (Москва). Второй Литовский Статут о межконфессиональных отношениях в Великом княжестве Литовском	3
Коноплянко К. С. (Москва). Генезис анабаптизма в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском в 1550–1560 годах.....	8
Бабулин И. Б. (Москва). Состав и численность русского войска в Чудновском походе 1660 года.....	26
Косцьельняк К. (Познань). Попытка взятия Познани саксонско-российско-польскими войсками под командованием Иоганна Рейнгольда Паткуля в 1704 году.....	43
Кочегаров К. А. (Москва). Польный гетман литовский Григорий Огинский и царь Петр I в конце 1708 – первой половине 1709 годов.....	56
Калугин В. В. (Москва). Загадка Франциска Скорины и источник Острожской библии.....	80
Корзо М. А. (Москва). Сюжет <i>consolatio mortis</i> у Симеона Полоцкого: несколько штрихов к источникам вдохновения богослова.....	93
Виноградова Л. Н. (Москва). Русская народная демонология и ее региональные особенности. Часть I. Духи природных и домашних локусов. Персонификация смерти и болезней	102

ИСТОРИЯ СЛАВИСТИКИ

Лазарев Я. А. (Екатеринбург), Ившин В. С. (Екатеринбург). Интеграция Малой России и ее статус в трудах Г. Ф. Карпова (1839–1890)	115
--	-----

СООБЩЕНИЯ

Ростовцева Ю. А. (Москва). Странничество героев Киево-печерского патерика (на материале печатной редакции 1661 года)	131
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Вернер И. В. J. Bartoň, R. Dittmann. Český obrozenec překládá Písmo: překladatelské dílo Františka Novotného z Luže – edice Janova evangelia	136
--	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**М.А. Робинсон (главный редактор),
И.Е. Адельгейм, М.М. Валенцова, Г.К. Венедиктов, М. Гардзанити (Италия),
А.А. Гиппиус, М. Зеленка (Чехия), В.И. Косик, М.В. Лескинен, Г.Ф. Матвеев,
Л. Матейко (Словакия), В.В. Мочалова, К.В. Никифоров, В. Павлович (Сербия),
В.Я. Петрухин, Р. Прешленова (Болгария), А.С. Стыкалин, Б.Н. Флоря, О.В. Хаванова.**

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Заведующая редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу: <https://ras.jes.su/slav>

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

ВТОРОЙ ЛИТОВСКИЙ СТАТУТ О МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

© 2021 г. Б.Н. Флоря

*Чл.-корр. РАН, заведующий отделом Института славяноведения РАН**zhurslav@mail.ru*

В статье показано, как при составлении свода законов в 60-х годах XVI в. его составители реагировали на ситуацию, сложившуюся в Великом княжестве Литовском в связи с распространением в этом государстве разных течений протестантизма.

The article shows how the legislative drafters responded to the situation in the Grand Duchy of Lithuania in the 1560s when various trends of Protestantism spread out.

Ключевые слова: литовские статуты, Великое княжество Литовское, православие, Реформация.

Keywords: Statutes of Lithuania, Grand Duchy of Lithuania, Orthodoxy, Reformation

DOI: 10.31857/S0869544X0014056-4

Первая половина XVI в. была временем существования длительного межконфессионального мира между двумя главными христианскими конфессиями Великого княжества Литовского – католической и православной. Мир этот был установлен государственной властью и за его сохранение выступало дворянство. Мир не означал установления равноправия церквей, католическая церковь пользовалась в этом государстве особыми привилегиями, но православная церковь признавалась традиционным законным учреждением, для деятельности которого существовали нормальные условия, и государственная власть старалась (хотя и не всегда успешно) обеспечивать их исполнение.

Эти особенности межконфессиональных отношений в Великом княжестве нашли свое отражение в подготовленном к концу 20-х годов XVI в. тексте свода законов – Первого Литовского Статута.

В преамбуле к тексту свода указывалось о намерении монарха-законодателя «обдаровати» «правы хрестиянскими» всех своих подданных. «Права хрестиянские» выступают здесь как некоторые нормы, не имеющие узкоконфессиональной окраски, действия которых распространяются на всех христиан, живущих во владениях монарха. Такое понимание подтверждается последующим текстом, где говорится, что король подтверждает «привилія костельные как латинского

закону яко греческого закону» и намерен «подтвердити и вмоцнити [...] вечными часы» [1. С. 31]. Все это говорит о законности существования в Великом княжестве обеих конфессий и наличии у них определенных признанных прав и, соответственно, распространении на них «христианских прав».

В разных статьях Статута духовные лица или церковные учреждения упоминаются редко. Говоря о представителях духовенства, составители «Статута» используют понятие «духовные» [1. С. 43–44, 67 и др.], которое, очевидно, обозначает духовных лиц обеих конфессий. В ряде случаев, однако, говорится о духовных лицах «закону яко римского, так и греческого». В этих случаях говорится о предоставлении им равных прав. В качестве примера могут служить установления, касающиеся процедуры споров о границах. И те и другие духовные лица обязывались представить в поддержку своих претензий «по осминадцати святков». Такими свидетелями могли быть только христиане, которые регулярно исповедовались «в плебанов або в попов своих» [1. С. 90, 95]. Разумеется, далеко не все сферы отношений регулировались таким образом. Подтверждение традиционных «привилеев» означало сохранение католической церковью особых привилегий как, например, *privilegium fori* – обязанность рассматривать дела, касающиеся духовных лиц только в церковном суде, которых православная церковь не имела, но все же очевидно стремление законодателя (в соответствии с установлением межконфессионального мира) устанавливать по отношению к приверженцам двух христианских конфессий одинаковые нормы права. В этом плане характерно, что в ряде грамот городам первой половины XVI в. указывалось, что в составе городской рады должно быть равное количество католиков и православных («половину закону римского, а другую половину закону греческого» (см., например, [2. С. 624. № 459]).

Положение в стране серьезно изменилось в 50–60-х годах XVI в. с переходом в протестантизм значительных групп и в среде знати и дворянства, и среди городского населения. В связи с этим приобретал остроту вопрос; распространяются ли провозглашенные Статутом 1529 г. «христианские права» на приверженцев новых христианских конфессий, признается ли законность их существования наряду с приверженцами «римского» и «греческого» закона?

Итоги происходивших обсуждений получили отражение в ряде государственных актов 60-х годов XVI в. Первым должен быть назван привилей от 8 июня 1563 г. Его появление было связано с действием в Великом княжестве норм так называемого Городельского привилея 1413 г. (его неоднократно подтверждали последующие привилеи), согласно которому только католики могли занимать главные государственные должности в Великом княжестве. Это давало возможность литовской католической знати занимать главные позиции в государственном аппарате. С переходом значительной части литовской знати в протестантизм положение изменилось. В итоге привилей 1563 г. практически отменил такое ограничение. Привилей предоставлял одинаковые права всем шляхтичам, «як Литовского, так и Руского народу, одно бы были веры хрестиянское». И из них «никто не мает быть от того отделен и отлучен» [3. С. 120. № 32]. Разумеется, документ не содержал прямого указания на легализацию деятельности протестантов разных направлений в Великом княжестве [4. С. 88–89]. Однако предоставление равных сословных прав всем шляхтичам «веры хрестиянское» без каких либо оговорок означал косвенное признание законности существования в Великом княжестве шляхтичей, не придерживавшихся ни «римского», ни «греческого» закона.

Сходная ситуация прослеживается при рассмотрении Бельского привилея 1564 г., устанавливавшего новую организацию судебных органов в Великом княжестве (текст привилея см. [5. С. 26–30]). В нем содержится упоминание «вольностей христианских, здавна тому панству наданных», и говорится, что, выдавая этот привилей, правитель делает то, «што пану христианскому противко верных поданных [...] належит чинити». Поскольку и здесь никак не упоминалось, на кого распространялись «христианские вольности» и кто входит в число «верных поданных», о которых должен заботиться монарх, и этот документ косвенно признавал существование разных христианских конфессий (кроме двух традиционных) в Великом княжестве.

В середине 60-х годов XVI в. вопрос о такой прямой легализации был поднят по инициативе шляхты. В петиции, поданной монарху в декабре 1565 г., высказывалось пожелание, чтобы «на початку» нового подготавливавшегося свода законов был помещен текст «около поровнанья розных послушенств веры хрестьянское в том панстве» [6. Стб. 366]. Это «поровнанье» должно было сопровождаться решением ряда практических вопросов. К этому времени приобрел остроту вопрос о формулах присяг, приносившихся участниками судебных процессов. В петиции отмечалось, что в этом отношении нет порядка: одни приносят присягу «на образ, або на крыж, другие на евангелию, а иншие теж згола на самое имя Божье» [6. Стб. 373–374]. Разнобой, очевидно, вызывался тем, что протестанты разных исповеданий стремились приносить присяги в соответствии со своими убеждениями (например, отвергая почитание икон). Составители петиции рекомендовали, чтобы это «при вольности кожного зостало», что означало бы косвенную легализацию взглядов таких людей.

Упомянутый в «петиции» новый свод законов, одобренный монархом и панами-радой, был представлен сейму Великого княжества в 1566 г. Сохранились некоторые сведения о том, как была организована работа над подготовкой этого текста [С. 59–66. № 3]. Хотя над составлением Статута должна была работать комиссия из пяти католиков и пяти православных, о православных участниках никаких сведений не сохранилось, содержание выплачивалось только католическим участникам во главе с епископом Жемайтии, а главным участником работ был виленский войт (и компетентный юрист) Аугустин Ротундус, активный корреспондент главы «непримиримых» католиков в Польше С. Хозия. Подготовленный текст затем господарь Сигизмунд II поручил «дозрети и поправити» еще одной комиссии во главе с виленским епископом [Стб. 466–467. № 6].

Члены этих комиссий, несомненно, оказались в достаточно сложном положении. Идти навстречу пожеланиям составителей «петиций» католические епископы, конечно, не хотели, но и сохранять традиционное положение и представлять на обсуждение сейма традиционный текст было невозможно. Текст Статута позволяет установить, какие намечались пути выхода из создавшейся ситуации. Так, во вступительной части Статута был помещен текст привилея 1563 г., что явно было шагом навстречу пожеланиям протестантской шляхты, но ни о каком «поровнании» разных христианских конфессий в Великом княжестве в ней не говорилось.

Как отмечают исследователи, в Статуте специально не подчеркивалось особое положение какой-либо одной христианской конфессии. Общество во многих статьях делилось на «духовных» и «светских» и при этом нигде не пояснялось, кто принадлежит к числу «духовных» [8. Стб. 275–279]. Как и в более ранних текстах, в артикуле 2 раздела III Статута король обязывался «шляхту, рыцарство, мешан и всех людей посполитых» «заховати при свободах

и вольностях христианских [...] прикладом и способом вольных панств христианских» [5. С. 73]. Получалось, что всем «христианам», живущим в Великом княжестве, обеспечивались равные «христианские» «свободы и вольности», но четко этот вывод не был сформулирован, не констатировалось, что протестанты являются такими же «христианами», как католики и православные, чего, как представляется, добивались составители упоминавшейся выше «петиции».

На нехристианские меньшинства населения Великого княжества эти нормы права не распространялись. По отношению к ним в Статуте фигурировали лишь запреты, как, например, запрет иметь «хрестьян в неволе», невозможность для них быть судьями и свидетелями на судебных процессах [5. С. 90, 115, 154].

Как уже отмечалось, эта «христианская» общность населения Великого княжества делилась на «духовных» и «светских». Так, в одной из статей Статута устанавливалось, что, если «кто-либо пошел с гвалтом на зобору и на гумна шляхетские, как духовные, яко и светские», он должен быть казнен [5. С. 71]. Такой текст мог быть использован для защиты дома протестантского пастора. Вместе с тем надо отметить, что в тексте Статута ни протестантский пастор, ни протестантский «збор» нигде прямо не упоминались как объект права, которому обеспечена государственная защита. Показателен в этом плане текст ст. 3 раздела XI «О квалт костела закону христианского» — заголовок носит общий характер, но далее говорится о нападении «на костел або на цвинтар в школе, або в капланском, поповском доме» [5. С. 169]. Дом пастора здесь не упоминается. Так же обстоит дело в том же разделе в ст. 16 о покаянии убийц детей, где говорится, что они должны «в годы четьрекротъ при церкви и при костеле гловном покутовати» [5. С. 175]. Протестантский «збор» как возможное место покаяния здесь не упоминается. В этом ряду может быть отмечено и важное постановление в тексте Бельского привилея 1564 г.: «то се дотычетъ прав и судов духовных костелов Божиих [...] бискупом, архиепископами, владыкам, их милости судьям, то при моцы заставуем» [5. С. 29]. Здесь ничего не говорится о «духовном суде» в протестантских сообществах в Великом княжестве, и монарх не гарантирует сохранение его юрисдикции.

Однако дело не ограничивается таким систематическим умолчанием. Изучение Статута позволяет выявить в ряде статей кодекса нормы дискриминации по отношению к протестантам и протестантскому духовенству. В этом плане заслуживает особого внимания текст ст. 3 раздела IX, где рассматривался вопрос, кто может выступать как свидетель в спорах «о реч земскую и о довод держаня земли», т.е. по весьма важным для шляхты Великого княжества вопросам. В тексте указывается, что это должен быть христианин «Римского або Греческого закону», такие люди, «которые на кождой год у плебанов або у попов своих на исповеди бывали». Да и из этих людей не могли быть свидетелями те, кто «божьего тела не принимают» [5. С. 154]. Таким образом, протестантский шляхтич, не исповедовавшийся у католического или православного священника, таким свидетелем быть не мог. В другой статье кодекса отмечалось, что отец может лишиться детей наследства, «кгда упорне кацерства наследуютъ» [5. С. 157]. Дискриминационный характер и этой нормы очевиден.

Однако остается фактом, что Статут в таком виде был утвержден сначала сенаторами, среди которых было достаточно много протестантов, а затем и участниками сейма. По-видимому, для них главным было признание всей полноты сословных прав за всеми «христианами», членами дворянского сословия, что и было сделано уже во вводной части памятника. Не исключено при этом, что они не проявили заинтересованности в правовой защите

протестантских храмов и протестантского духовенства, так как тем самым сохранялась их глубокая и всесторонняя зависимость от светских патронов.

Составители Статута при его составлении столкнулись с одной сложной проблемой. К середине 60-х годов XVI в. в Великом княжестве четко сформировалось такое направление радикальной реформации, как арианское движение. Ариане отвергали учение о Троице, и это давало основание не только католикам и православным, но и лютеранам и кальвинистам рассматривать ариан как людей, не принадлежавших к «христианской» общности. Вместе с тем приходилось принимать во внимание, что такого учения придерживались значительные группы шляхты (например, на Волыни) и даже ряд представителей знати.

При составлении Статута арианская шляхта не была исключена из дворянской «христианской» общности Великого княжества. Очевидно, в данном случае межсословная солидарность возобладала над достаточно серьезными конфессиональными различиями. Однако был предпринят важный шаг, направленный на ограничение прав шляхтичей-ариан. Как отмечалось выше, на сейме 1565 г. было выдвинуто предложение, чтобы в будущем присяга приносилась «по вольности каждого». Составители Статута этого предложения не приняли. В двух статьях кодекса, напротив, было сформулировано, что выборные судьи по земельным делам – подкомории – должны приносить присягу, которая открывалась словами: «Я присегаю пану Богу в Троице единому» [5. С. 90, 102]. Таким образом, шляхтич-арианин таким судьей стать не мог. Это было очевидное отступление от норм привилея 1563 г., которое стало возможным благодаря общей враждебности католиков, православных и главных протестантских конфессий по отношению к арианам.

Рассмотрение норм Статута 1566 г. позволяет говорить, что, как и более ранние законодательные памятники, он закреплял традиционные права традиционных христианских конфессий – католицизма и православия. В отношении протестантизма разных конфессий, как представляется, в итоге очевидных контактов политиков разных ориентаций установилась двусмысленная ситуация, содержащая четкую фиксацию равенства сословных прав всей «христианской» шляхты Великого княжества, и косвенное признание законности существования протестантских конфессий и деятельности протестантского духовенства. От развития событий в будущем зависело, произойдет ли их легализация или, напротив, они останутся в положении не обеспеченном позитивными правовыми нормами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960.
2. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI века. М., 2015. Т. I.
3. Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб, 1848. Т. III.
4. *Chodyncki K.* Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska. Zarys historyczny. 1370–1632. Warszawa, 1934.
5. Статути великого князівства Литовского у 3-х томах. Одеса, 2003. Т. II. Статут Великого князівства Литовского 1566 року.
6. Русская историческая библиотека. Юрьев, 1914. Т. 30.
7. *Подозерская Г.Ф.* Второй Литовский Статут (к истории его составления) // Исторические записки. М., 1945. Т. 17.
8. *Василяускене А., Висконтайте М.С.* Второй Литовский Статут и религиозное положение в Великом княжестве Литовском // Наш родовод. Гродно, 1992. Кн. 4. Ч. 2.

ГЕНЕЗИС АНАБАПТИЗМА В КОРОЛЕВСТВЕ ПОЛЬСКОМ И ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В 1550–1560 ГОДАХ

© 2021 г. К.С. Коноплянко

Аспирант, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН

brest1596@gmail.com

Памяти Леха Щуцкого (1933–2019)

Статья посвящена проблеме рецепции анабаптистской доктрины польскими и литовскими антитринитариями во второй половине 1560-х годов. Раскрывается последовательная и религиозно детерминированная связь между отрицанием детского крещения и пацифистской социально-этической концепцией в вероучении моравских анабаптистов (гуттеритов). Данное вероучение появилось в Великом княжестве Литовском, а затем и в Королевстве Польском благодаря Петру из Гонендза и было воспринято в ранних сочинениях польско-литовских антитринитариев. Принятие основных принципов анабаптизма столкнулось с неоднозначной реакцией синодов: большинство участников считали обоснованным отказ от детского крещения, но не готовы были принять социально-этическую концепцию анабаптизма.

The article reveals the issue of reception of the Anabaptist doctrine by Polish and Lithuanian antitrinitarians in the second half of the 1560s. The author analyses consistent and religiously substantiated relations between the Anabaptists' denial of infant baptism and social-ethic concept of non-resistance in the belief of Moravian Anabaptists (Hutterites). This belief was introduced to the Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland by Piotr z Goniądza, and it was perceived in some early works of Polish and Lithuanian Antitrinitarians. However, synods showed ambiguous reaction to Anabaptism: the majority accepted the Baptist doctrine, but they were not ready to meet its social-ethics demands.

Ключевые слова: радикальная реформация, анабаптизм, антитринитарии, гуттериты, изоляция, общность имущества.

Keywords: Radical Reformation, Anabaptism, Antitrinitarians, Hutterites, isolation, community of goods.

DOI: 10.31857/S0869544X0014058-6

Ранняя фаза Реформации в польских и литовских землях характеризуется специфическими чертами, особенно заметными при сравнении с аналогичными процессами в других регионах Центральной и Восточной Европы. В это время (до Люблинской унии 1569 г.) Королевству Польскому (далее – КП) и Великому княжеству Литовскому (далее – ВКЛ) была присуща религиозная

терпимость, которая привлекала в этот регион множество последователей протестантизма, как представителей различных нормативных течений Реформации (например, Общины чешских братьев), так и вольнодумцев, исповедовавших радикальные и потому неприемлемые для многих протестантов воззрения – антитринитаризм и анабаптизм¹. Последние учения обрели немалое количество сторонников, что во многом повлияло на последующий упадок реформационного движения на польских и литовских территориях, начиная с раскола реформатского лагеря в 1565 г. и заканчивая успехом католической реакции и окончательным изгнанием антитринитариев, а затем и с притеснениями остальных протестантов [3. С. 165–207; 4. С. 279–285].

Формирование анабаптистского движения связано преимущественно с территориями Германии и Швейцарии. Его история освещалась многими современниками разных конфессиональных убеждений [5–6; 7. Р. 65–79 vers.; 8. f. 524–526; 9. С. 223–224, 237–239, 294–299, 303–305, 325–326; 10. Р. 207; 11; 12. С. 14]. Можно говорить о пестроте анабаптистских доктрин, в некоторых принципах не согласующихся между собой, что свидетельствует о неоднородности и разобщенности всего движения. Лишь термин «анабаптизм» характеризует единое для различных общин и деноминаций теологическое направление, основанное на критическом понимании таинства крещения. Анабаптистами или перекрещенцами называли противников детского крещения, считавших данный акт недействительным, а потому практиковавших крещение в сознательном взрослом возрасте. Идея повторного крещения сопровождалась социально-этическими установками, некой идеализацией образа жизни раннехристианских общин, что во многом определило замкнутый уклад жизни анабаптистов [1; 2. Р. 249–276; 13. Р. 9–23; 14].

Проникновение анабаптизма в КП и ВКЛ происходило одновременно с восприятием польскими и литовскими реформатами антитринитаризма и проистекающим из этого восприятия расколом реформатского лагеря [4. С. 280–281]. Источники однозначно связывают появление анабаптизма в регионе с деятельностью Петра из Гонендза. По возвращении из Падуи Петр стал членом литовской реформационной общины, находящейся под патронатом виленского воеводы Миколая Радзивилла Черного [15. С. 103; 16. С. 9]. Путь Петра в Литву пролегал через Моравию, где он познакомился с учением и жизненным укладом общины моравских анабаптистов (гуттеритов). Сочинение, приписываемое Ш. Будному, свидетельствует о том, что в Литве Петр развернул пропаганду анабаптизма и «написал книги против крещения детей» [15. С. 103]². Один трактат такого содержания был зачитан Петром на синоде в Бресте Литовском (дек. 1558 г.) [17. Р. 41]. К сожалению, большинство сочинений Петра из Гонендза были либо утеряны, либо намеренно уничтожены. Так, безвозвратно исчезла книга «О первоначальной христианской церкви» («De primatu ecclesiae christianiae»), дат. ок. 1561–1563 гг., известная лишь благодаря упоминаниям Ш. Будного [18. f. 1, 126]; не сохранились и упоминаемые хронистом Х. Сандием книги от 1558 и 1562 г. направленные против крещения детей (книга от 1558 г. была публично зачитана на синоде в Бресте Литовском в дек. 1558 г.) [17. Р. 41]. В 1556 г. по приказу Радзивилла был

¹ Под «нормативными течениями» Реформации имеются в виду стандартные ответвления, согласно классификации Дж.Х. Уильямса – «magisterial reformation», – лютеранство, реформатство (кальвинизм) и пр., которым противоположны радикальные – «radical reformation», – анабаптизм, антитринитаризм, см. [1; 2. Р. 249–276].

² «książki przeciw dzieciokrzeństwu napisał».

уничтожен весь тираж книги Петра «О Божьем сыне, человеке Иисусе Христе» («De Filio Dei, homine Christo Jesu»), лишь один ее экземпляр был отправлен Меланхтону. И также неизвестна судьба сочинения «Об общении свойств, не диалектическом или физическом, а следовательно вообще не существующем» («De communicatione nec dialectica, nec physica, ideoque prorsus nulla»), с которым Гонезий ездил к Меланхтону. В 1557 г. Петр вел переговоры с издателем Малецким о публикации своего трактата, но этому воспрепятствовал прусский герцог Альбрехт Гогенцоллерн [19. С. 142; 16. S. 13–17]. До наших дней дошли лишь три небольших поздних теологических трактата Петра из Гонендза, увидевших свет в 1570 г. в Венгрове — «О христианском крещении» («О pomyzaniu chrystyjańskim») (Warszawa, 1960), «О сыне Божьем» («О synu Bożym») (Warszawa, 1961), «О Трех» («O Trzech») (Warszawa, 1962). Судя по заголовкам эти работы не отличались тематически от некоторых не дошедших до нас более ранних сочинений.

Благодаря Петру из Гонендза Вильна стала центром распространения анабаптизма в ВКЛ и КП. Сочинение, приписываемое Будному свидетельствует о том, что многие министры (*ministri verbi Dei*) после знакомства с книгами Петра «пришли к познанию правды в этом вопросе и вскоре начали отвергать крещение детей» [15. S. 104]³. Среди первых таковых упоминаются три виленских министра — Мартин Чеховиц, Войцех Кошченьский и Миколай Вендроговский [15. S. 104–105]. Первые два стали убежденными анабаптистами, последний же, после знакомства с книгами Петра, засомневался в необходимости крещения детей [15. S. 104–105], но решительно отверг его лишь на смертном одре, о чем сообщил в завещании [15. S. 108; 20. P. 189].

Рецепция анабаптизма в ВКЛ происходила достаточно турбулентно, что показывают прения на синодах. Предпосылкой успеха анабаптизма стала смерть патрона виленской общины Радзивилла, не склонного к введению новшеств в учении [15. S. 106–107; 21. S. 215]. В Коронные земли анабаптизм проник несколько позже, этому отчасти способствовала связь виленской общины с люблинским «збором», которым руководил Станислав Паклепка, поддерживаемый и защищаемый Радзивиллом [12. S. 73]⁴. Уже после смерти последнего состоялся синод в Бжезинах на Куявах (10 июня 1565 г.), где литовские министры Чеховиц, Вендроговский, Кшишковский и Будный ознакомили с анабаптистской повесткой братьев из Коронных земель. Большинство последних еще не были знакомы с этим вопросом — кроме С. Паклепки и Г. Шомана [15. S. 107]. Сам Паклепка умер в 1565 г. и оставил весьма интересное завещание, свидетельствующее о его анабаптистских взглядах. Он предписывал люблинскому «збору» воспитывать его детей «в учении Христа [...], чтобы их крестить пока в свою веру не уверуют не допускали, [...] и чтобы были обучены вере и крещены если бы на то была воля Божья» [23. Л. 93]⁵.

Реакция на успех пропаганды Петра из Гонендза в ВКЛ и КП отражена в сведениях современников. Представители нормативных течений Реформации были встревожены популярностью анабаптизма, в котором им, также, как и в антиринитаризме виделась угроза, способная дискредитировать Реформацию и спровоцировать рост католической агрессии. Так, участники синода

³ «ku poznaniu prawdy w tej rzeczy przyszli i wrychle dzieciokrzczeństwo miotać poczęli».

⁴ О связи литовских общин с общиной С. Паклепки см.: [22. S. 387]

⁵ «w nauce christusowej [...], abij ich chrzczicz asz swą wiarę wiznaią nie dopuszczali, [...] ażeby to biłi wiari nauczone, i ochrzczone jeślubi tak wola Boża biła». «Завещание» Паклепки впервые нашел и опубликовал Б.Н. Флоря (см. [24. S. 164–168]).

в Пинчuve (от 24 апреля 1556 г.), ознакомившись с опубликованными в Кракове книгами Петра, приняли решение опровергнуть (*refutować*) его учение, «а к краковскому епископу по данному вопросу послать двух панов, которые бы ему пояснили, что никогда этот еретик к ним не относился и не относится и т.д.» [25. Т. 1. S. 72]⁶. После смерти Радзивилла, протестантский пастор Георг Вейгель пытался изгнать из виленской общины анабаптистов, решивших на синоде в Венгрове отказаться от детского крещения [21. S. 212–226]. Быт общины был описан Вейгелем так: перекрещенство сопровождалось требованием всеобщего равенства (проводилась совместная трапеза) и общности имуществ [21. S. 222–226; 19. С. 157–161]. В его письменных обращениях к литовским реформатским магнатам он обвинял Вендроговского, Кошчиньского, Курницкого и Катерлю в арианстве и анабаптизме и полагал, что за воспринятым учением могут последовать прочие новшества, такие как многоженство, презрение к светской власти и судам, к образованию и порядку [21. S. 218, 225].

Конечно, резкость посланий Вейгеля отражает реальный кризис, переживаемый общиной после смерти патрона, а также собственное беспокойство автора за судьбу общины и состояние вероучения. Вряд ли стоит сомневаться в достоверности описанного Вейгелем быта общины. Однако в предположениях о том, что за нововведениями следует ожидать полигамию и антигосударственную пропаганду, видится лишь полемический прием. Единомысленники Вейгеля неоднократно предпринимали попытки изгнать представителей радикальной Реформации из КП и ВКЛ, ссылаясь на социальный радикализм их учения [26. S. 277]. Так, 8 мая 1566 г. на люблинском сейме был поставлен вопрос об издании эдикта, изгоняющего антитринитариев и анабаптистов из КП и ВКЛ. Эдикт не был принят благодаря католической стороне и стараниям папского нунция Руджери, для которых изгнание радикалов фактически означало признание других ответвлений протестантизма [27. S. 54–59; 3. S. 168; 28. S. 195].

Информация об анабаптистском «презрении к светской власти» встречается преимущественно у различных противников анабаптизма, она весьма фрагментарна и неконкретна, поскольку использовалась в полемических целях. Например, в корреспонденции польских и литовских католиков говорилось, что анабаптисты «учат о презрении светской власти» [29. S. 272]⁷, пропагандируют «общность имуществ» и перестроение действительного социального порядка на принципах равенства «между королем и народом, господами и подданными, знатью и плебсом» [29. S. 291]⁸. Цель Вейгеля и прочих противников анабаптизма дискредитировать анабаптистское учение не столько в доктринальной части, сколько путем актуализации неприемлемых для общехристианской этики положений, имеет конкретную историческую основу. Для многих современников разных конфессиональных убеждений анабаптизм был связан с социальным радикализмом, сведения о котором могли быть следствием знаний о Крестьянской войне в Германии и Мюнстерской коммуне, полученных из различных хроник Реформационного движения. Например, Ш. Будный, ссылаясь на четвертую и десятую книги хроники И. Слейдана (см. [7. Lib. IV, X]), с досадой вспоминает о беспорядках во время Крестьянской войны, а также о Мюнстерской коммуне (см. [18. f. 12]).

⁶ «a do biskupa krakowskiego o to posłać dwu panu, ktorzy by mu dali znać, iż nigdy z nich nie był a nie jest ten heretyk etc.».

⁷ «de contemptu magistratus docetur».

⁸ «inter regem et populum, principes et subiectos, nobiles et plebeios».

Действительно ли польский и литовский анабаптизм был столь радикален, каковым он предстает во фрагментарных и неполных сведениях оппонентов? Свидетельства о стремлении анабаптистов к реорганизации общества на принципах равенства, презрении к светской власти, хотя и несут негативные коннотации, но все же не доказывают наличие реальных призывов к свержению власти и перестройке государственной и общественной модели. Неизвестны также какие-либо примеры насильственных действий и столкновений между анабаптистами с их оппонентами или властями. Кроме того, в конце 1550-х — середине 1560-х годов анабаптизм представляется неоднородным и маргинальным, что иллюстрирует польское и литовское реформационное движение времени раскола реформатской церкви.

Выяснить по первоисточникам, каким было реальное социально-этическое учение раннего польского и литовского анабаптизма, не представляется возможным. От распространителя учения Петра из Гонендза остались лишь поздние сочинения. Достоверно известно, что знакомство с укладом моравских анабаптистов сделало Петра противником крещения детей и сторонником пацифистского этического учения о том, что христианину следует удалиться от государственных и общественных дел, отвергнуть всякое насилие, социальную иерархию, любые формы зависимости и вести жизнь по образцу ранних христианских общин [4. С. 280]. У мораван Петр перенял привычку ходить с деревянным мечом («*cum ense ligneo*»), чем показывал невозможность и нежелание причинять вред ближнему [4. С. 280; 29. S. 271–272].

Утраченные сведения о пропаганде анабаптистского учения Петром можно восстановить благодаря сочинению Будного «О власти, мечом карающей» («*O urzędzie miecza urzuwającym*»), в котором приводится частичная реконструкция социально-этической доктрины Петра из книги «О первоначальной христианской церкви» («*De primatu ecclesiae echristianiae*»). Будный называет Петра первым проповедником учения «против светской власти» («*pręwszy przeciw Urzędowi u nas pisał*») [18. f. 1]. Главный тезис книги Петра, воспроизведенный Будным, подразумевал призыв к «истинным христианам» отказаться от насилия, социальной иерархии, любых форм зависимости, а также вообще удалиться от общественно-политической жизни и обратиться к примеру «первоначальной церкви» [18. f. 1–2, 126]. На практике такая своеобразная «изоляция» виделась в недопущении к таинствам светских служащих («*urzędników*») [18. f. 1 vers.]. Шляхту призывали к отказу от имений, различных прав (городских, земских, польских, литовских и пр.), от несения военных обязанностей и присяги [18. f. 2–2 vers.]. Проповедовался запрет на ношение оружия даже в оборонительных целях [18. f. 2–2 vers.]. Аргументацию своей позиции Петр строил на собственном понимании обоих текстов Библии, где ветхозаветный Закон, ассоциированный с несовершенным внешним миром, считался недействительным с приходом Нового Закона, изложенного Христом в Нагорной проповеди и воспроизведенным в пятой главе Евангелия от Матфея [18. f. 2 vers., 126]. Будный раскритиковал позицию и аргументацию Петра, основываясь на том, что Христос был не законодателем, а толкователем Закона («*ale tylko Zakonu Bożego tłumaczem*») [18. f. 126], а также подверг детально рассмотрению аргументы его сторонников (главным образом на основе 12-й главы «Христианские беседы» («*Rozmowy Christiańskie*») М. Чеховица), именуемых учениками Петра из Гонендза [18. f. 3].

Для дальнейшего анализа необходимо выявить, насколько близкой была связь теологической и социально-этической доктрины польско-литовского

анабаптизма и моравской общины гуттеритов. Для этого следует в первую очередь проанализировать особенности общины моравских анабаптистов, а во-вторых, рассмотреть их учение по имеющемуся в нашем распоряжении основному вероучительному тексту, который был знаком польско-литовским антитринитариям уже на момент пребывания в Моравии в 1570 г. [11. S. 339; 30. S. 322].

Начало моравского анабаптизма связано с прибытием в Никольсбург (Mikulov) в 1520-е годы виднейшего немецкого анабаптиста и участника Крестьянской войны Бальтазара Губмайера. Он стал одним из лидеров так называемой Никольсбургской Реформации (см. [31. P. 165–172]). В то время как анабаптизм массово преследовался в Германских землях, Швейцарии и Италии, беженцы находили приют в городах, селах, а также в доменах моравской знати [31. P. 163–164; 32. S. 124]. Таким образом, местная аристократия демонстрировала независимость от власти Габсбургов и одновременно получала экономическую выгоду [33. P. 357–358; 34. P. 231–248; 35. S. 69–78]. По данным современных исследований, к концу XVI ст. в южной Моравии обосновались более 22 000 анабаптистов [35. S. 61–68].

Между 1527 г. и 1535 г. в результате серии конфликтов от Никольсбургского движения отделились несколько анабаптистских групп, ядро которых было сформировано из австрийских беженцев-сторонников апокалиптического спиритуализма Ганца Гута. Они отказались от публичных богослужений и уплаты налогов на войну с турками, за что в марте 1528 г. были изгнаны из Никольсбурга князем Леонардом фон Лихтенштейном и поселились в Аустерлице (Slavkov u Brna) в ожидании конца света [11. S. 38–39; 33. P. 371–372; 31. P. 177–178]. Между 1528 и 1531 г. деятельность Аустерлицких братьев (они называли себя так по аналогии с Чешскими братьями) предполагала формирование сети связанных между собой общин, которые, согласно их (братьев) пониманию, образовывали «истинную церковь» на основе апостольской преемственности [11. S. 60–62; 32. S. 124]. В их учении эсхатология переплеталась с радикально-пацифистской идеей удаления от мирского, воспринятой из так называемых Шляйтхаймских статей М. Заттлера, пацифистского манифеста швейцарских и южнонемецких анабаптистов [32. S. 124; 36. S. 8]. Строгий пацифизм выражался и в символической традиции ношения деревянной палки (меча), символизирующей отказ от насилия [11. S. 336; 37. S. 144, 193, 290], за что современники называли последователей данного течения «stäbler» («палочники») [5. f. 54; 6. f. B vers.; 8. f. 495].

В 1531 г. от общины Аустерлицких братьев отделилась группа анабаптистов, обосновавшаяся в местечке Ауспиц (Hustopeče), от которой, в свою очередь, обособилась община гуттеритов, названная так в честь ее лидера, тирольского ремесленника, изготовителя шляп Якоба Гуттера. Вскоре община гуттеритов стала одной из наиболее крупных анабаптистских деноминаций в Моравии [11. S. 71–73; 32. S. 125; 38. P. 54–132, 214–257]. По оценке И. Пайера к концу XVI в. община насчитывала по меньшей мере 20 000 персон в 54 поселениях [35. S. 61–68]. Ключевую модель организации общины на принципах ненасилия (Gewaltlosigkeit) (Мф 5: 38–48) и общности имущества (Gutergemeinschaft) (Деян 2: 44–47) гуттериты наследовали от Аустерлицких братьев, но существенно дополнили ее строго отлаженным ремесленным производством, которое давало прибыль общине и ее патронам [11. S. 334; 32. S. 125], позволявшую покрыть дефицит от идеологически обоснованной неуплаты налогов на войну [32. S. 130].

Систематическое изложение учения гуттеритов составил один из ведущих теологов общины Петер Ридеман. Текст сочинения зародился во время его пребывания в Гессене в 1540–1542 гг. и впервые был напечатан в Моравии, предположительно, в 1545 г. [37. S. 59–61, 169]. Существуют два издания данного сочинения, имеющих лишь небольшие отличия в названии [37. S. 58–59]. В статье используется текст второго издания «Исповедание нашей религии, учения и веры, созданное братьями, которых называют гуттеритами, [составлено] Петером Ридеманом» («Rechenschafft unserer Religion / Leer unnd Glaubens / Von den Buedern so man die Huterischen nennt außgangen / Durch Peter Ryedeman»), о котором достоверно известна дата выхода в свет – 1565 г. и имя издателя – Филлипс Волландт. «Rechenschafft» состоит из 288 листов, на которых приводится 764 ссылки из канонических книг Ветхого Завета, 100 из ветхозаветных апокрифов и 2085 ссылок на Новый Завет [33. P. 388]. Книга делится на две части, которые, по мнению А. Худаски, являются двумя самостоятельными текстами, собранными под одним заголовком [37. S. 54]. Вторая часть текста – образец первой, более детализированной и сформированной в виде постатейного изложения доктрины. Авторство обоих текстов Худаска приписывает самому Ридеману [37. S. 54–55, 216, 231].

Рассмотрим содержательную составляющую «Rechenschafft». Принцип общности имущества завуалировано отражен в формуле причастности христиан к общине («gemeinschaft haben»): «Никто не имеет чего-либо для самого себя, но всем располагает для остальных» [39. f. 44]⁹. Эта мысль получила развитие в статье «Об общности имущества» («Von gemeinschaft der gütter») [39. f. 105–110 vers.]. Под общиной подразумевается церковь как «столп и основание истины» («ein seule, und pfiment der wahrheit») [39. f. 40], к которой могут быть причастны лишь соблюдающие творение духа Христа («das werk des geists Christi») [39. f. 40 vers.], т.е. те, кто верует от сердца («vo herze glaubt») [39. f. 41 vers.]. Роли духа уделено большое внимание. Сотворение человека по образу и подобию Божьему (Быт 1: 26) согласно моравской трактовке (опирающейся, в свою очередь, на четвертую главу Евангелия от Иоанна) подразумевает подобие не по плоти и крови, а по духу, так как сам бог – дух («Got (spricht Christus) ist ein Geist») [39. f. 57–58 vers.]. Именно через дух объединяется христианская церковь [39. f. 37, 41]. Однако действию духа в человеке препятствует первородный грех (erbsünde), из-за которого человек предрасположен к греху (neigug zu der sünde) и обречен на смерть [39. f. 62–63 vers.]. Человек в таком состоянии не может быть причастен к церкви. Возможность искупления греха связана с появлением Евангелия и приходом в мир Христа, [39. f. 63 vers.]. Евангелие называется «Божьей силой, которая делает блаженным всех, кто в нее верит» [39. f. 75 vers.]¹⁰ и противопоставляется ветхозаветному Закону (Декалогу / Десятисловию), который был призван объяснить человеку, что такое грех («weist und machet dem menschen die sünde bebandt») [39. f. 74].

Ветхозаветные десять заповедей в «Rechenschafft» связываются с миром грешников, материальным миром, евангельские же обетования соотносятся с миром духовным, божественным. Десятисловие пренебрежительно называется «законом Моисея» («gesetz Mose») [39. f. 75], «законом греха и смерти» («gesetz der sünden und todes») [39. f. 77 vers.], «иудейским господством» («das jüdisch Regimet») [39. f. 128 vers.], а Ветхий Завет вообще ассоциируется с «темнотой и несовершенством» («dunckle und unvollkomeheit») [39. f. 76 vers.].

⁹ «alles gemein, und zugleich mit ein habe, keiner im selbernichtz, sonder alles einer dem andern hat».

¹⁰ «eine kraft gottes die do selig machet, alle die doran glauben».

В вероисповедании подчеркивается значимость даже материальных носителей ветхозаветного учения, запечатленного (schriftlich verfasst / buchstablich) на камне или бумаге (in die steine oder papier), в то время как духовность Евангелия подтверждается воплощением его в «скрижалях сердца» («tafflen des hertzens») «не пером и чернилами, но Божиим пальцем, его святым Духом» [39. f. 76 vers.]¹¹.

За «материальным» и «плотским» миром ветхозаветного Декалога стоят вполне конкретные социальные реалии, отраженные в статьях вероисповедания «О светской власти» («Von der Oberkeit») [39. f. 124 vers.—126], «Почему светская власть учреждена» («Wagumb die Oberkeit geordnet sey») [39. f. 126 vers.—127 vers.], «Может ли светская власть тоже быть христианской» («Ob die Oberkeit auch Christen sein mögen») [39. f. 128—131 vers.]. Так, господствовавший в то время светский порядок, согласно моравскому вероучению, дан людям Богом «когда они покинули Бога и последовали плоти» [39. f. 127]¹². Соответственно, он ориентирован на язычников (heiden) и неверующих (ungläubigen) [39. f. 128 vers.]. В другой статье моравского документа «Что представляет собой образ Бога» («Was Gottes Bildnis sei») приводится противопоставление понятий «дети Дьявола» («die kinder des teüfels») и «дети Божьи» («die Kinder gottes») [39. f. 59]. Из данной статьи ясно, что первые соответствуют язычникам и неверующим, на коих распространяется Декалог и его социальные реалии — «власть светского меча» («der gewalt weltliches schwerts»), последние же ассоциируются с «духовным мечом» («geistlichenn Schwert») Христа [39. f. 128 vers.] — Евангелием, благодаря которому они избавлены от ветхозаветной «плотской» действительности [39. f. 76].

Как же, согласно учению моравских анабаптистов, грешник по рождению может прийти к вере? Учение гуттеритов о вере само по себе противоречиво. С одной стороны, в их тексте вера — это не человеческий, а Божий дар (Gottes gaab), который даруется лишь боящимся Бога («wirt denen allein so Gott fürchten gegeben») [39. f. 48 vers.]. С другой стороны, вера, благодаря которой человек может стать частью церкви, является не просто критерием оправдания, а подразумевает соблюдение определенных этических норм, которые способствуют избавлению от первородного греха и связанных с ним «плотских» и «материальных» предписаний Закона. Соблюдение или несоблюдение этих норм ложится на человека, которому предоставлена возможность выбора между принятием дьявольского образа (teüfels bildnus) — грехом [39. f. 59] и послушанием Евангелию [39. f. 43 vers.]. Что подразумевалось под «послушанием Евангелию», мы видим на примере анабаптистской социально-этической программы, в которой изложены необходимые меры, способствующие вступлению в христианскую общину. В ней отражена традиция анабаптистского пацифизма и изоляции, берущая исток в статьях iii «Изоляция от зла» («Absundrung von greweln») [40. f. Aiii vers — Aiiii vers] и vi «Меч» («Schwerdt») [40. f. Aiiii vers — [Avi]] «Шляйтхаймских статей»¹³, которую П. Ридеман модифицировал до менее радикальной аполитичной формы [37. S. 295; 41. S. 31].

Социально-этическая программа гуттеритов не лишена парадоксов, порожаемых противоречивостью библейского контекста. Так, составитель моравского вероисповедания не смог обозначить четкий рубеж между материальным и духовным мирами, поэтому призвал христиан повиноваться действительному

¹¹ «nit mit feder und tinten, sonder mit dem finger gottes, seinem heilige Geist».

¹² «wen sy got verliessen, un dem fleisch folgete».

¹³ Постулаты из «Шляйтхаймских статей» кратко изложены в Хронике гуттеритов, см.: [11. S. 40].

социальному порядку [39. f. 125 vers.], терпеть несправедливое отношение со стороны светской власти («alles mit geduld leiden») [39. f. 133] и платить налоги [39. f. 134]. Однако, если светская власть потребует совершить то, что противоречит божественному, то христианину следует действовать согласно предписанию из Деян 5: 29, – повиноваться богу, а не людям [39. f. 125 vers.]. Поэтому следует отказаться от тех норм мирской жизни и деятельности, которые считаются несовместимыми с их (анабаптистов) пониманием истинно христианского образа жизни. К этим нормам относится любое кровопролитие, включая месть и войну, а также судебные наказания, сравниваемые с ветхозаветным принципом талиона [39. f. 133]. Неприятие всякого насилия влечет за собой призыв христианам отказаться от оружия [39. f. 136], как и от уплаты налогов на военные расходы [39. f. 134 vers.]. Такая попытка примирить окружающую действительность с христианскими идеалами получила окончательное завершение в изоляции и удалении анабаптистской общины от социума. Понимание того, что между светским и духовным мирами не может быть ничего общего, привело к призывам ориентироваться на царство Христа (Ин 18:36) [39. f. 129 vers.] и поступиться земными благами ради духовных, что ясно выразилось в отношении гуттеритов к социальной иерархии. Ссылаясь на Мф 21: 25–27 они возвысили бедность над богатством и властью: «Светских князей называют уважаемыми господами и сильнейшие господствуют над народом; [...] но кто наивысший среди нас, станет нам всем слугой [...]. Кто сам себя возвысит, тот будет понижен, и кто сам себя принизит, будет возвышен» [39. f. 129 vers. – 130]¹⁴.

Итак, «послушание Евангелию», которое, согласно учению гуттеритов, заключалось в данных предписаниях, являлось важным критерием веры и условием приобщения к церкви, посредством таинства крещения [39. f. 94]. В моравском вероисповедании подчеркивалась значимость крещения как акта единения с Богом (verbindung mit Got) и обретения людьми состояния «детей Бога» в противовес грешникам – «детям дьявола» [39. f. 92 vers.]. Именно это основное таинство предполагало перерождение (widergeburt), т.е. искупление первородного греха и переход от греховного и плотского образа Адама (adamischer Weise) к «новому Сотворению» («newe Creatur»), – божественному христианскому образу (christlicher Weise) [39. f. 90–92 vers.]. Акцентировалась важность именно взрослого крещения как осознанного и подготовленного процесса, результата обращения грешника к вере и чуткого исполнения евангельских обетований [39. f. 79]. Детское же крещение категорически отрицалось, поскольку ребенок, рожденный во грехе, в силу неразвитости не может осознанно прийти к вере и исполнить евангельские предписания: «Поскольку дети не рождены от Бога христианским образом, то есть через проповедуемое слово, веру и Святого Духа, они не могут верным способом стать крещеными, так как крещение – это принятие в общину Христа» [39. f. 78]¹⁵. В качестве дополнительных аргументов против детского крещения использовались характерные реформационные принципы критики традиционного христианского вероучения. Во-первых, принцип буквального понимания Священного Писания (sola scriptura), согласно которому если в Библии не говорится о крещении детей, то следует от него отказаться [39. f. 79]. Во-вторых, неугодное учение

¹⁴ «Die weltlichen fürsten heist man genedige herren, und die gewaltigen beherrsche das volck; [...] sonder wer der grösset ist, under euch, sy ewer aller diener [...] Wer sich selbs erhöcht der wirdt ernideret, unnd wer sich selbs ernideret, wird erhöcht werden».

¹⁵ «Djeweil die Kinder von Gott Christlicher Weise, Das ist durch das gepredigte wort, glauben un heiligen Geist nit geboren sein, So mögen sy rechter art nitt getaufft werden. Den der taufft ist ein annemen in die gemein Christi».

связывалось со злоупотреблениями папских уставов [39. f. 79 vers.], что, по-видимому, было намеренно призвано придать ему негативную окраску в глазах прочих реформационных ответвлений.

Таким образом, религиозная доктрина анабаптизма строилась на двух взаимосвязанных компонентах: отрицание крещения детей и требование крещения в сознательном возрасте были обусловлены социально-этическим учением, которое заключалось в строгом пацифизме (отрицании социальной иерархии, различных форм зависимости, участия в войне, исполнения любых обязанностей, связанных с наказанием) и стремлении к организации общины на принципах изоляции и отказа от личного имущества. Это переплетение неслучайно, ведь совершение основного таинства предполагало внутреннее обновление, — избавление от греховной «плотской» жизни и переход к жизни духовной в общине Христа — церкви. Для добросовестного исполнения таинства анабаптистам необходимо было заведомо исключить любую возможность вести греховную деятельность как до, так и после крещения, что фиксировалось в своеобразных нравственных императивах.

«Rechenschaft» представляет интерес для понимания доктринальной преемственности польского-литовского анабаптизма с его моравским первоисточником. Хроника гуттеритов и анонимный польский трактат «Против моравских коммунистов» («Przeciwno komunistom morawskim») свидетельствуют о том, что польско-литовские антитринитарии уже были знакомы с этим текстом на момент их пребывания в Моравии в 1570 г. [11. S. 339; 30. S. 322]. К сожалению, сохранились лишь фрагментарные сведения о знакомстве поляков с «Rechenschaft». Вполне вероятно, что оригинал на ранненововерхненемецком языке читал польский антитринитарий немецкого происхождения Георг Шоман [42. P. 192] во время первой делегации в Моравию в 1569 г. [42. P. 195]. В том что Шоман владел немецким языком вряд ли стоит сомневаться, так как он воспитывал представителей немецкой знати рода Мальтцанов [42. P. 195] и какое-то время пребывал в Виттенберге, где общался с Меланхтоном [42. P. 193]. Хроника гуттеритов содержит сведения, что в 1570 г. следующая польская делегация уже была знакома с текстом и требовала внести в него правки [11. S. 339]. Можно предположить, что существовал польскоязычный или латиноязычный перевод «Rechenschaft», но такую возможность ставит под сомнение следующий факт. Автор трактата «Против моравских коммунистов» ошибочно воспроизводит название моравского документа как «Rachenszaufem» [30. S. 322], что говорит о незнании им не только немецкого языка, но и содержательной части сочинения. Вряд ли автор текста упустил бы возможность подвергнуть критике «Rechenschaft», если бы мог ознакомиться с содержанием документа на понятном ему языке. При этом он подробно описывает быт моравской общины, используя опыт своего разговора с моравской делегацией в Кракове в 1569 г. и свидетельства своих единомышленников, посещавших моравскую общину [30. S. 318].

Хорошо известно, за что польско-литовская сторона критиковала «Rechenschaft»: гуттериты признавали Троицу [39. f. 35 vers.; 30. S. 332; 11. S. 339; 42. P. 195; 20. P. 227]. Но этот факт вряд ли снижает влияние моравского сочинения на формирование доктринальных основ польского и литовского анабаптизма. Как уже отмечалось выше, анабаптизм проникал в КП и ВКЛ практически одновременно с антитринитаризмом, когда польские реформаты еще не были формально разобщены спорами о Троице (окончательный раздел произошел на сейме в Пиотркуве) [43. Л. 1–17об.; 25. Т. 2. S. 191; 42. P. 194].

Да и трудно отрицать саму инициативу польско-литовской стороны в знакомстве с гуттеритами.

Мы не имеем сведений о том, мог ли Петр из Гонендза быть знаком с самим сочинением моравян. Во всяком случае, реконструированное мной выше пацифистское учение Петра, проповедуемое в его собственных сочинениях, говорит о том, что Петр, посетив общину, вполне мог воспринять основные постулаты анабаптизма через устную проповедь и общение с представителями моравской стороны.

О некоторой рецепции моравского вероучения из «*Rechenschafft*» говорит сходство общих формулировок вероучения и их аргументации в дошедших до нас сочинениях других сторонников анабаптизма в КП и ВКЛ. Ш. Будный, например, в трактате «*O urzędzie*» приводит диспут с двумя «учениками Гонезия» Якубом из Калиновки и Павлом из Визны, состоявшийся на синоде в Ивье (январь 1568 г.), где поднимался вопрос о том, позволительно ли христианину иметь собственность и крепостных (вместе с этим вопросом в повестку синода входил вопрос о крещении). Позиция Якуба и Павла вполне соответствовала пацифистской линии моравского образца и аргументировалась противопоставлением Закона Евангелию. На приведенный Будным пример Авраама как праведного человека, владевшего рабами [18. f. 108 vers. – 109 vers.] было выдвинуто возражение о неубедительности аргументации из Ветхого Завета: «Так было в то время, но сейчас под Евангелием уже иначе. Бог через сына своего Иисуса постановил, которого он выбрал показал и приказал слушать» [18. f. 109 vers.]¹⁶. Противопоставление заповедей Блаженства из Нагорной проповеди ветхозаветному Десятисловию (так же как в моравском вероисповедании) объяснялось архаичностью последнего, ветхозаветные идеалы достатка и богатства вытеснялись идеалами евангельской бедности и нестяжательства. Именно Нагорную проповедь Якуб из Калиновки использовал в качестве аргумента [18. f. 109 vers.]. По информации Будного, за 20 лет до выхода его сочинения «*O urzędzie*» аналогичную аргументацию использовал Петр из Гонендза [18. f. 126]. Обращение Якуба к цитате из Нагорной проповеди встретило ряд замечаний со стороны Будного. Он обратил внимание на неточность в цитировании Якубом слов Христа: «Господь Христос там не прямо говорит – блаженны нищие, а говорит: «Блаженны нищие духом»» [18. f. 126]¹⁷. По мнению Будного, эти строки не следует понимать буквально, ведь речь идет не о материальном положении человека, а о его благочестии. В пример он привел как неблагочестивых нищих, так и благочестивых богатых, таких как Авраам, Лот и пр. [18. f. 110–110 vers.]. Из всего сказанного Будный заключил, что, если Христос «был беден, но за этим не следует, что его ученику не должно иметь дома, земли, поместья, денег, золота, серебра, челяди и т.д.» [18. f. 110 vers.]¹⁸. А если древним христианам это не возбранялось, то по логике Будного «и сейчас они это все иметь могут» [18. f. 117 vers. – 118]¹⁹.

Три сочинения Гжегожа Павла из Бжезин, датированных 1568 г., являются наиболее ранними из дошедших до нас текстуальных отражений, характеризующих восприятие анабаптизма антиринитариями, системное рассмотрение

¹⁶ «Tak było na on czas, ale teraz pod Ewangeliją iuż inaczej. Bóg przez syna swego Jezusa postanowił, którego obwołał, ukazał i słuchać go rozkazał».

¹⁷ «Pan Chrystus tam nie prosto mówi – błogosłownieni ubodzy, ale mówi: «Błogosłownieni ubodzy duchem»».

¹⁸ «ubogi był, ale to za tem nie idzie, żeby sie iego uczniowi nie godziło mieć domu, roli, imienia, pieniędzy, złota, srebra, czeladzi, etc».

¹⁹ «przeto i teraz to wszystko mieć mogą».

которых демонстрирует доктринальное и аргументационное соответствие идейной линии Гжегожа Павла моравскому документу. В полемическом памфлете против детского крещения [44] приводятся аналогичные моравским аргументы, свидетельствующие о схожем понимании Гжегожем Павлом веры, церкви и обязанностей христианина как перед вступлением в церковь посредством крещения, так и в дальнейшем, после получения возможности участвовать в церковной жизни и таинстве Вечери Господней (евхаристии). Обращу внимание на следующие доводы:

1. «В слове Божьем нет ничего о детском крещении, нет о нем никакого постановления, нет ни одного примера такого крещения: Поэтому оно должно быть отброшено как человеческий вымысел» [44. f. A ii]²⁰.

5. «Кто не верит, не должен быть допущен к крещению. Младенцы не верят (и не знают, разумеется, что было бы злым, а что добрым [...]). Поэтому и к крещению не должны допускаться» [44. f. Aii vers.]²¹.

13. «Таинства, являясь совершенными, к своему принятию требуют тоже совершенных. Но младенцы слишком далеки от понимания этого совершенства: Посему эти Таинства или печати им не принадлежат» [44. f. Aiii vers.]²².

14. «Вечеря Господня требует исповедания веры: И также крещение. [...] Ибо крещение есть не что иное как открытое о вере и надежде своей перед всем миром заявление и в ней утешенное укрытие» [44. f. Aiii vers.—[Aiv]]²³.

16. «Вера из послушания, а послушание от Слова Божьего [...]. Младенцы не слушают и не понимают: посему и веры не имеют, и так наготове не могут быть крещены» [44. f. [A iv]]²⁴.

21. «Кто приступает к таинствам или печатям, Христом постановленным, должен себя впредь хорошо испытать. Младенцы этого сделать не могут, посему приступить к ним тоже не могут» [44. f. [Aiv vers.]]²⁵.

22. «Кто хочет быть истинным христианином должен умертвить старого Человека и переоблечься в нового и практически новым сотворением стать. Ибо лишь такой может к Святому Кресту приобщиться. Дети об этом ничего не знают и не понимают: посему к крещению приступить не могут» [44. f. [Aiv vers.]]²⁶.

В этом сочинении, однако, не оговаривались конкретные обязанности христианина перед вступлением в церковь, что получило развитие в трактатах «Об истинной смерти, воскрешении и вечной жизни» («O prawdziwej śmierci, zmartwychwstaniu y żywocie wiecznym») и «Отличие Ветхого Завета от Нового» («Rozdział Starego Testamentu od Nowego»). И хотя оба трактата не посвящены

²⁰ «W słowie Bożym nie masz nic o Dziecinnym krzcie, nie masz onim żadnego roskazania, nie masz też żadnego takiego krztu przykłądu: Przeto iako ludzki wymysł ma być odrzucony».

²¹ «Kto nie wierzy, nia ma być do krztu przypuszczony. Niemowlęta nie wierzą (owszem ani coby było złego або dobrego nie wiedzą [...]). Przeto do krztu przepuszczone być nie mają».

²² «Doskonałe będąc Sacramenta, doskonałych też ku przyjęciu swemu potrzebią. Lecz niemowlęta od rozumienia tey doskonałości dalekimi bardzo są: Przeto te Sacramenta або pieczęci nic im przynależą».

²³ «Wieczerza Pańska wyznania wiary potrzebuje: A tak y Krzest. [...] Co bowiem iest Krzest innego, iedno iawne o wierze y nadziei swey przed wszystkim Swiatem oświadczenie, y w niey pocieszne zapieczętowanie».

²⁴ «Wiara s słuchania, a słuchanie s słowa Bożego [...]. Niemowlęta niesłuchaia ani rozumieją: przetoż wiary nie mają, a tak w pogotowiu nurzane być nie mogą».

²⁵ «Kto przystępuje do Sacramentów або pieczęci od Krysthusa ustawionych, ma siebie w przod dobrze doświadczyć. Niemowlęta tego uczynić nie mogą: przeto theż y przystąpić do nich nie mogą».

²⁶ «Kto chce być prawdziwym krześcianinem, ma zewłoczyć starego Człowieka, a przyobłoczyć nowego a prawie się nowym stworzenim stać. Bo taki dopiro do Krztu S. przystąpić może. Dzieci o thym nie wiedzą nic ani rozumieją: przeto do krztu przystąpić nie mogą».

специально тематике крещения, поднимаемые в них проблемы раскрыли более конкретные нормы, необходимые для совершения таинства. Они, по мнению Гжегожа Павла, отличают поведение истинного христианина, и в этом соглашаются с социально-этической программой анабаптизма. Некоторые формулировки в этих сочинениях схожи с формулировками из «Rechenschaft». Первое сочинение описывает борьбу внутреннего — «духовного» и бессмертного «нового сотворения» («nowe stworzenie») с внешним — «плотским» и, в конечном итоге, смертным [45. f. LVi]. Все это выражено в формуле «тело против Духа» («ciało przeciwko Duchowi») [45. f. XXXii–XXXiiii]. Для того, чтобы пополнить ряды бессмертных и стать «внутренним человеком» («wewnętrznym Człowiekiem») [45. f. LVi], — согласно идейной линии Гжегожа Павла, — христианину следует отречься от внешнего, как синонима порока, подлежащего осуждению [45. f. LViii].

Во втором сочинении моральные предписания для христиан рассматривались в контексте соотношения Ветхого и Нового Заветов. Гжегож Павел стремился показать, что с появлением в мире Христа Бог уничтожил ветхозаветный Закон вместе с иерусалимской церковью «и народ Израильский по миру раскидал» [46. f. Jiii]²⁷. Социально-этические вопросы рассматривались в подобном моравскому вероучению соотношении Ветхого Завета с миром материальным, а Нового — с миром духовным. Нарочито акцентируется иудейское происхождение Ветхого Завета [46. f. A], с ним ассоциируется плотское «Старое сотворение» («Stare stworzenie»), «Старый мир» («Stary świat») [46. f. O-Overs.], которое соответствует «служению смерти» («służba śmierci») [46. f. A].

Ветхозаветному «старому сотворению» противопоставляется новозаветное «Новое сотворение» («Nowe stworzenie»), «Новый мир» («Nowy świat») [46. f. O—Overs.] или «Царство небесное, Царство Божье и Христово» [46. f. O—O vers.]²⁸, означающее «обновление, возрождение, преобразование» [46. f. O—Overs.]²⁹ (с помощью Св. Духа [46. f. [Div vers.] —Evers.]), которое понимается как служение жизни («służba żywota») [46. f. A]. Риторика Гжегожа Павла очень схожа по формулировкам с риторикой моравского вероисповедания. Вполне возможно, что подобный ход мыслей Гжегож Павел заимствовал из ранних, не сохранившихся до наших дней сочинений Петра из Гонендза, посещавшего общину гуттеритов. Во всяком случае, в дошедшем до нас позднем памфлете Петра противопоставление «сынов бога» и «сынов гнева» [47. S. 50] идентично моравским «die kinder gottes» и «die kinder des teufels». Подобное же противопоставление встречается и у Гжегожа Павла: ветхозаветным «сынам плоти, гнева, темноты и недоверия» [46. f. Oiii]³⁰ противостоят новозаветные «Сыны Божьи, Сыны обетования, Сыны Царства, Сыны света» [46. f. Oiii]³¹. Такие построения намеренно пересекаются с критикой католической церкви, корыстолюбие которой, по мнению Гжегожа Павла, Папа римский (в реформационной терминологии — «антихрист») защищал Законом [46. f. [Kiv]]. Мир духовный, ассоциируемый с Евангелием, не подразумевал наличия того, чего в Евангелии не сказано [46. f. Jiii vers., L—L vers.]. На этом основана критика папских злоупотреблений, а именно, осуждение десятин, племаний (двора священнослужителя), монастырей [46. f. Jiiivers., L—L vers.],

²⁷ «y lud Israelski po świecie rozrzucił».

²⁸ «Królestwo niebieskie, Królestwo Boże, y Krystusowe».

²⁹ «odnowienie, odrodzenie, przetworzenie».

³⁰ «Synowie świata. Synowie ciała. Synowie ludzcy. Synowie gniewu, ciemności, niedowiarstwa».

³¹ «Synowie Boży, Synowie obietnice, Synowie Królestwa, Synowie światłości».

крестоносцев и пр. [46. f. [Kiv vers.]]. Папство обвинялось в основании нового Вавилона [46. f. Lii-Lii vers.], а все перечисленное воспринималось как ветхозаветный пережиток. Вопрос светской власти также рассматривался в контексте полемики с католицизмом и отрицания ветхозаветных норм. Мысль о невозможности для христиан соучаствовать в убийстве каким-либо способом противопоставлялась папской практике наказаний (kaźni) с помощью светских властных инстанций [46. f. L vers.-Lii]. Эти абстрактные наказания воспринимались как преследование католиками вольнодумцев: их стремление расправиться с инакомыслием руками судей Гжегож Павел сравнил с иудейским решением выдать Христа Понтию Пилату [46. f. Lii].

Изучение рассмотренных текстов, сравнение их смыслового содержания с идейным наполнением «Rechenschaft» позволяет отметить явную общую доктринальную преемственность польско-литовского анабаптизма от моравского образца. Эта преемственность проявилась в основных маркерах анабаптизма — в учении о крещении и социально-этической доктрине, но все же осталась общей, т.е. не детальной.

Во-первых, польско-литовские тексты являются, скорее, полемическими сочинениями, чем систематическим изложением веры, что в корне отличает их от «Rechenschaft». Они не столь подробны в изложении деталей вероучения, что свидетельствует о том, что польско-литовский анабаптизм находился еще лишь в начальной стадии формирования. Так, в текстах Гжегожа Павла нет столь подробного описания процедуры крещения как в «Rechenschaft» [39. f. 92 vers.—94]. Он употребляет термин «krzest», который в дошедшем до нас позднем трактате раскритиковал Петр из Гонендза, предлагая более точный, не связанный с крестом термин — «ponurzenie» (погружение, окунание) [47. S. 12—15].

Во-вторых, вряд ли можно говорить о прямых заимствованиях в польско-литовских сочинениях из моравского документа. Встречая идентичные моравскому документу словосочетания: «Nowe stworzenie» — «Newe Creatur», «synowie gniewu» — «die kinder des teufels», следует признать, что каких-то явно схожих длинных текстовых пассажей не наблюдается. В качестве исключения удалось найти лишь один весьма интересный пример из сочинения Гжегожа Павла «Rozdział Starego Testamentu od Nowego». Это парафраз 1 Кор. 3., при помощи которого объяснялось различие Ветхого и Нового Заветов. Его привел и составитель «Rechenschaft», поясняя тем самым разницу между живым Евангельским словом (lebendige Wort) и мертвой буквой Ветхого Завета, следуя традиции из приписываемого Ганцу Гуту сочинения «О живом и письменном словах» («Vom lebendigen wort und geschribnen») [33. P. 375, 388; 48. S. 96—99; 49. S. 212—215]. Приведу парафразы из трех сочинений в таблице:

«Vom lebendigen wort...» [49. S. 212]	«Rechenschaft...» [39. f. 76 vers.]	«Rozdział...» [46. f. E ii vers.]
Das unentlich wort wirt nit gschriben, weder auf papier oder auf taflen, wirt auch nit geredt oder geprediget, allein der mensch wirt bei im selbs von Got darmit versichert in abgrund der seelen und wirt eingeschriben in ein fleischen herz durch den finger Gottes.	Ist aber wirt in die steine oder papir gemoldet / und gebildet / sonder inn die fleischne taffeln des herzens / nit mit feder und tinten, sonder mit dem finger gottes, seinem heilige Geist.	Tak ono mieysce I, cor. 3. Choć samo wziąwszy łatwie obaczy wielki rozdział Testam: bo tam Zakon zowie litherą / a Ewangelia Duchem. Litera zabija / a duch ożywa. Zakon służba śmierci na kamieniu napisany / a Ewangelia służba Ducha na sercu napisana.

Заемствованный в «Rechenschaft», предположительно, у Ганца Гута концепт *lebendige Wort*, являющийся краеугольным столпом анабаптистского понимания и толкования Библии [33. Р. 373], отсутствует не только в «Rozdział», но и в других рассмотренных ранних польско-литовских анабаптистских текстах. Это, наряду с прочими немногочисленными текстуальными совпадениями, говорит о неглубокой и фрагментарной рецепции польско-литовской сторонай анабаптистского учения по моравскому образцу.

Анабаптистское учение было неоднозначно воспринято антиринитариями КП и ВКЛ. Именно пацифистская социально-этическая доктрина надолго определила череду споров и разногласий между различными представителями этого реформационного течения. История обсуждения анабаптизма на синодах, как было указано выше, связана с виленской реформатской общиной. Сочинение, приписываемое Будному, рассказывает о виленском синоде от января 1564 г., на котором поднимался вопрос крещения детей. Разногласия тогда были не только среди министров, а внутри всего виленского «збора». Однако виленский синод не разрешил это внутреннее противоречие: было постановлено отложить вопрос до следующего синода, а крестить или не крестить детей определялось персональным выбором министров [15. S. 105]. Данное решение дошло до патрона виленской общины Радзивилла, который не принял новшеств и писал несвижскому и клецкому старостам «чтобы министры этих зборов напоминали и новшества под строгим наказанием сдерживали» [15. S. 106]³².

Утверждение анабаптизма как части вероучения виленской общины, а затем и «ecclesia minor» связана с сочинением М. Чеховица «Трехдневная беседа» («Trzech dni rozmowa»). Это сочинение было написано в 1564 г., а увидело свет лишь в 1578 г. К сожалению, мне не удалось ознакомиться с единственным экземпляром, находящимся в библиотеке Stokkloster в Швеции. Тематическое и хронологическое соответствие этого сочинения прочим материалам показано в статье Л. Щуцкого. Он долгое время предпринимал попытки поиска этого сочинения, пока наконец в 1982 г. в Швеции П. Бухвальд-Пельцовой не был найден микрофильм, которым она поделилась [50. S. 93]. До этого момента об этом сочинении было известно лишь от самого Чеховица [51. S. 260; 52. Р. **4 vers.], Х. Сандия [17. Р. 50–51, 174] и литовского караима Исаака из Трок [53. S. 86, 91].

Основное содержание трактата посвящено проблеме крещения и социально-этическим вопросам. Щуцкий заключил, что именно это сочинение положило начало оформлению социально-этических взглядов Чеховица, которые впоследствии теолог развил в двенадцатой главе «Rozmowy christiańskie» [50. S. 96]. Переплетение учения о крещении и социально-этической доктрины в «Trzech dni rozmowa» не случайно и представляет собой, по аналогии с моравским вероисповеданием (а также с рассмотренными выше польско-литовскими сочинениями), составную часть формулировки «общих мест» анабаптистской теологии.

После виленского синода Чеховиц познакомил со своим сочинением покровителя виленской общины Радзивилла, который предложил обсудить спорные вопросы на синоде [15. S. 106–107]. Синод состоялся в Бжезинах уже после смерти Радзивилла [15. S. 106–107; 25. Т. 2. S. 193–194]. Далее по согласию участников заседание было перенесено в Венгров, где обсуждение крещения детей вызвало у многих негативное отношение, навеянное ассоциацией

³² «aby onych zborów ministry napominali, a odnowin pod srogim karaniem hamowali».

анабаптизма с Мюнстерской коммуной (Monasteriensium). Несмотря на это, синод принял основные принципы анабаптистского учения – отказ от крещения детей и недопущение к таинству Вечери Господней без крещения [15. S. 106–107; 25. Т. 2. S. 199; 54. S. 232, 234].

Решение Венгровского синода было окончательно подтверждено на синоде в Сквишно в 1567 г. [15. S. 108], однако и оно осталось формальным. О неготовности ариан принять анабаптистское учение со всеми его доктринальными атрибутами свидетельствует исход синода в литовской Ивье (январь 1568 г.). Предложения Якуба из Калиновки и Павла из Визны отказаться от шляхетских имений, крепостных и должностей приняты не были: этому способствовала не только убедительность аргументов их оппонента Ш. Будного, но и нежелание участников синода (преимущественно шляхты и мещанства) поддержать эти предложения [18. f. 115–115 vers.]. Вероятно, такой исход сказался на последующих обсуждениях в Коронных землях. Если Будный привел только полемику по социальным вопросам на синоде в Ивье (лишь упомянув проблему крещения как часть повестки синода), то из протокола синода в Пелшнице (октябрь 1568 г.) видно, что разногласия по социальным вопросам воспрепятствовали окончательному решению вопроса о крещении. Его обсуждение спровоцировало появление куявской группы Чеховица, принявших это таинство в имении шляхтича Я. Немоевского [25. Т. 2. S. 221; 15. S. 108]. Тогда Чеховиц вместе с Гжегожем Павлом предложили участникам синода продать шляхетские имения, «которые предкам вашим даны за пролитие крови» [25. Т. 2. S. 221]³³, полученные же средства отдать бедным, а также отказаться от использования труда крепостных и самим зарабатывать себе на жизнь. Участники процесса восприняли предложенное двояко: «На что одни соглашались, а другие противились, и так в этой мере ничего не решив, полюбовно разъехались» [25. Т. 2. S. 221]³⁴. Можно сделать вывод, что формальное принятие анабаптистской доктрины на синоде в Венгрове свидетельствует о принятии большинством ариан учения анабаптистов о повторном крещении как религиозно обоснованного, а исход синода в Пелшнице ясно показывает, что споры по социальным вопросам тормозили принятие окончательного решения об этом таинстве. Колебания общины – не что иное, как результат нежелания реализовать на практике этические требования, обязывающие перед крещением оторваться от «плотского» мира и отказаться от многих социальных благ.

Итоги синодов второй половины 1560-х годов показывают крайнюю неготовность многих представителей «ecclesia minor» полноценно принять анабаптистское учение. Все это говорит как об отсутствии какого-либо единого мнения между наиболее влиятельными членами общины, так и об абсолютно разном понимании ими текстов Священного Писания, трактовка которого обосновывала ту или иную позицию. Эти итоги крайне важны для понимания идейной готовности арианской общины к социальным экспериментам 1569–1570 гг. (организации эгалитаристской общины по моравскому образцу в Ракуве и путешествия в Моравию для полноценного ознакомления с бытом гуттеритов), анализа их краха, а также последующих разногласий внутри «ecclesia minor», продолжавшихся вплоть до начала XVII в.

³³ «które przodkom waszym nadano za rozlanie krwi».

³⁴ «Na co jedni zezwalali, a drudzy się sprzeciwiali, i tak w tej mierze nic nie konkludowawszy, w miłości się rozjechali».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Williams G.H.* The Radical Reformation. Philadelphia, 1962.
2. *Stayer J.M.* The Radical Reformation // Handbook of European history, 1400–1600: late Middle Ages, Renaissance, and Reformation. Leiden, New York, Köln, 1995. Vol. 2: Visions, Programs and Outcomes.
3. *Tazbir J.* Walka z Braćmi Polskimi w dobie kontrreformacji // Odrodzenie i reformacja w Polsce. Warszawa, 1956. T. 1.
4. *Коноплянко К.С.* Польские братья // Православная энциклопедия. М., 2020. Т. 57.
5. *Eder G.* Euangelische Inquisition Wahrer und falscher Religion. [S. 1.] 1574;
6. *Ehrhard Ch.* Gründliche kurtz verfaßte Historia. Von Münsterischen Widertauffer: und wie die Hutterischen Brüder so auch billich Widertauffer genent werden / im Löblichen Marggraffthumb Märhern / deren uber die sibentzehen tausent sein sollen / gedachten Münsterischen in vilen änhlich/ gleichformig und mit zustimmet sein. München, 1589.
7. *Sleidani I.* De statu religionis et rei publicae, Carolo Quinto, Caesare, commentarii. [S. 1.], 1555.
8. *Franck C.* Catalogus haeticorum. Ingolstat, 1576.
9. *Bullinger H.* Reformationsgeschichte. Frauenfeld, 1838. T. 1.
10. Confessione di Marcantonio Varotta // *Caccamo D.* Eretici italiani in Moravia, Polonia, Transilvania (1558–1611), Florence-Chicago, 1970.
11. Geschicht-buch der Hutterischen brüder hrsg. von Hutterischen brüder in Amerika, Canada, durch prof. dr. Rudolf Wolkan in Wien. Standoff-colony bei Macleod, Alta, 1923.
12. *Commendone L.F.* Pamiętniki o dawnej Polsce. Wilno, 1851. T. 1.
13. *Laube A.* Radicalism as a research problem in the history of Early Reformation // Radical tendencies in the Reformation. Kirksville, 1988. Vol. 9.
14. *Goertz H.J.* Die Täufer, Geschichte und Deutung. München, 1988.
15. [*Budny S.*] O dzieciokrzęństwie krótkie wypisanie: o zaczęciu sporu i polerowania około pierwszego sakramentu. To jest świętego Ponurzenia w Księstwie Litewskim a potem i w Polsce // *Szczucki L.* Szymona Budnego relacja o początkach i rozwoju anabaptyzmu w zborze mniejszym // Odrodzenie i reformacja w Polsce, XXXI, 1986.
16. *Jasnowski J.* Piotr z Goniadza // Przegląd historyczny. 1936. T. 33.
17. *Sandii Ch.* Bibliotheca antitrinitariorum. Freistadii (Amsterdam), 1684.
18. *Budny S.* O Urzędzie Miecza urzywiałcem Wyznanie Zboru Pana Chrystusowe[go] który w Litwie, z Pisma świętego krótko spisane. Przy tem, tegoż urzędu obrona przeciw wszem iego Sprzeciwnikom przez Simona Budnego napisana. K temu, jasne z Pisma świętego pokazanie, że Christianin może mieć poddane wolne y niewolne, gdyby iych tulo bogobojnie używał. Nad to, list zanego męża Marcina Krowickie[go] też o Urzędzie, że ie może Christianin z dobrym summieniem trzymać, y złoczyńcę wedle roskazania Bożego karać. Łosk, 1583.
19. *Дмитриев М.В.* Киевская митрополия во второй половине XVI в. и генезис Брестской церковной унии. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2002.
20. *Lubieniecii S.* Historia Reformationis Polonicae. Freistadii (Amsterdam), 1685.
21. *Kot S.* Ausbruch und Niedergang des Täufertums in Wilna. 1563–1566 // Archiv für Reformationsgeschichte. 1958. Bd. 49.
22. *Jasnowski J.* Mikołaj Radziwiłł Czarny, Warszawa 1939.
23. РГАДА. Ф. 12. Оп. 1. № 6. Л. 92–94.
24. *Floria B.* Materiały do dziejów polskiej reformacji w moskiewskim Centralnym Państwowym Archiwum Akt Dawnych // Odrodzenie i Reformacja w Polsce, XXXIV. 1989.
25. Akta synodów różnowierczych w Polsce. Acta synodalia ecclesiarum poloniae reformatorum / Oprac. Maria Sipayło. Warszawa, 1966. T. 1; Warszawa, 1972. T. 2.
26. *Drzymała K.* Bracia polscy zwani arianami // Studia Theologica Varsaviensia ½, Warszawa, 1963.
27. *Bodniak S.* Sprawa wygnania arian w r. 1566 // Reformacja w Polsce, 1928. T. V.
28. *Górski K.* Grzegorz Paweł z Brzezin. Monografia z dziejów polskiej literatury arjańskiej XVI wieku. Kraków, 1929.
29. Der Briefwechsel der Schweizer mit den Polen // Archiv für Reformationsgeschichte. Ergänzungsband III / Ed. by *Wotschke T.* Leipzig, 1908.
30. *Szczucki L., ed.* Traktat przeciwko «komunistom» morawskim // 700 lat myśli polskiej. Filozofia i myśl społeczna XVI wieku. Warszawa, 1978.
31. *Rothkegel M.* Anabaptism in Moravia and Silesia // A companion to anabaptism and spiritualism, 1521–1700 / Ed. by J.D. Roth and J.M. Stayer. Leiden, 2007.

32. *Rothkegel M.* Institutionalisierte Rebellion: Aufsässige Praktiken der Hutterischen Täufer in Mähren // *Gabriella Erdélyi (ed.)* Armed Memory: Agency and Peasant Revolts in Central and Southern Europe (1450–1700), Göttingen, 2016.
33. *Rothkegel M.* The Living Word: Uses of the Holy Scripture among Sixteenth-Century Anabaptists in Moravia [translated by James M. Stayer] // *Mennonite Quarterly Review*, July 2015.
34. *Pánek J.* The Question of Tolerance in Bohemia and Moravia in the Age of Reformation // *Tolerance and Intolerance in the European Reformation* / ed. by Ole Peter Grell and Bob Scribner. Cambridge, 1996.
35. *Pajer J.* Studie o novokřtěncích. Strážnice, 2006.
36. *Rothkegel M.* Antihabsburgische Opposition und täuferischer Pazifismus // *Mennonitische Geschichtsblätter*, 69 (2012).
37. *Chudaska A.* Peter Riedemann. Konfessionsbildendes Täufertum im 16. Jahrhundert // *Quellen und Forschungen zur Reformationsgeschichte*. Heidelberg, 2003. Vol. 76.
38. *Packull W.O.* Hutterite Beginnings. Communitarian Experiments during the Reformation. Baltimore, Maryland, 1995.
39. Rechenschaft unserer Religion / Leer und Glaubens / Von den Brüdern so man die Huterischen nennt außgangen / Durch Peter Ryedeman. [Brno], 1565.
40. Brüderliche vereynigung erzlicher kinder Gottes, sieben Artikel betreffend. [Schleitheim], 1527.
41. *Stayer J.M.* Noch einmal besichtigt. Anabaptists and the Sword. Von der Radikalität zum Quietismus // *Mennonitische Geschichtsblätter* 47/48 (1990–1991).
42. *Schomani G.* Testamentum // *Sandii Ch.* Bibliotheca antitrinitariorum. Freistadii (Amsterdam), 1684.
43. ПГАДА. Ф. 12. Оп. 1. № 5. Л. 1–17об. (Переговоры на сейме Пиотрковском).
44. *Grzegorz Paweł z Brzezin.* Krótkie dowody, kthóre dziecinny krzest od ludzie przeciwnych Bogu wymyślony zbiiaia. [S. l.], [1568].
45. *Grzegorz Paweł z Brzezin.* O prawdziwej śmierci, zmartwychwstaniu y żywocie wiecznym Jezusa Krystusa Pana naszego y każdego za thym wiernego thudziesz theż y o prawdziwych pociechach stąd pochodzących, a to przeciwko fałecznemu zmyśleniu Antykrystowemu o jego duszach, którymi wszytek świat zwiódł y smrodliwe pożytki królestwa swego wynalawszy nieleda iako wzmocnił, Kraków, 1568.
46. *Grzegorz Paweł z Brzezin* Rozdział Starego Testamentu od Nowego, żydostwa od krześcijaństwa, skąd łatwie obaczysz prawie wszytki różnice około wiary, Kraków, 1568.
47. *Piotr z Goniądza.* O ponurzaniu chrystyjańskim przeciwko chrztu nowochrzeńców niedawnym. Warszawa, 1960.
48. *Seebaß G.* Müntzers Erbe. Werk, Leben und Theologie des Hans Hut / *Quellen und Forschungen zur Reformationsgeschichte*. B. 73. Gütersloh, 2002.
49. Vom lebendigen wort und geschribnen // *Müller L. (Hg.)* Glaubenszeugnisse oberdeutscher Taufgesinnter I. Leipzig, 1938.
50. *Szczucki L.* Szymona Budnego relacja o początkach i rozwoju anabaptyzmu w zborze mniejszym // *Odrodzenie i reformacja w Polsce*, XXXI, 1986.
51. *Czechowicz M.* Rozmowy christiańskie. Które z greckiego nazwiska, dialogami zowią, a ty ie nazwać możesz wielkim Katechizmem, w których są rozmaite gadania o przedniejszych artykułach wiary christiańskiej: A z osobna Żydowskich gadkach, którymi Pana Jezusa Christusa y Ewangelia wyniszczyć chcą. Kraków, 1575.
52. *Czechowicij M.* De paedobaptistarum errorum origine, et de ea opinione, qva infantes Baptisandos esse in primo natiutatis eorum exortu creditur. [Lublin, 1575].
53. *Rabbi Jizchak.* Befestigung im Glauben. Gohrau, 1865.
54. *Miscellanea arianica.* Oprac. J. Domański i L. Szczucki. Archiwum historii filozofii i myśli społecznej. 1960. T. 6.

СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ РУССКОГО ВОЙСКА В ЧУДНОВСКОМ ПОХОДЕ 1660 ГОДА

© 2021 г. И.Б. Бабулин

*Канд. ист. наук, преподаватель Московского колледжа транспорта
ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта» (г. Москва)*

dalyell@mail.ru

В статье исследуется проблема состава и численности русской армии под началом воеводы В.Б. Шереметева, принявшей участие в Чудновской кампании 1660 г. в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг. Поражение Шереметева в боях под Чудновым фактически привело к разделу Украины по Днепру между Россией и Речью Посполитой.

The article examines the question of the composition and size of the Russian army under the command of the governor V.B. Sheremetev, who took part in the Chudnovsky campaign of 1660 during the Russian-Polish war of 1654–1667. Sheremetev's defeat in the battles near Chudnov actually led to the division of Ukraine along the Dnieper between Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Ключевые слова: русско-польская война 1654–1667 гг., Чуднов, русская армия, состав и численность.

Keywords: Russian-Polish war of 1654–1667, Chudnov, Russian army, composition and strength.

DOI: 10.31857/S0869544X0014059-7

Крупнейшим сражением русско-польской войны 1654–1667 гг. на землях Украины стала так называемая Чудновская кампания 1660 г., исход которой в дальнейшем повлек за собой раздел казачьих земель по Днепру. Победа польских и крымско-татарских войск в тяжелейших боях под Чудновым позволила Речи Посполитой вернуть Правобережную Украину, в то время как Московское государство перешло от наступления к обороне, сохранив к концу войны под своей властью Левобережье Днепра и Киев.

Несмотря на обилие польских источников и исследований по истории Чудновской кампании, вопрос состава и численности армии, находившейся под командованием воеводы В.Б. Шереметева, до настоящего времени остается открытым. В различных исторических работах разброс данных достаточно велик: авторы называют от 15 до 40 тыс. бойцов. Можно ли анализировать причины

поражения русских войск, если не решена одна из важнейших проблем — соотношение сил противников?

Полного списочного состава русской армии в Чудновской кампании 1660 г. среди архивных материалов обнаружить не удалось. Вероятно, он не сохранился, но установить состав, структуру и численность армии под командованием В.Б. Шереметева, а также определить персональный старший офицерский состав, принимавший участие в Чудновском походе 1660 г., можно по сохранившимся документам. Достижение данной цели представляет не только исторический интерес, но и является данью памяти «государевым ратным людям», в тяжелейших условиях героически сражавшимся с превосходящим по силам противником.

Следует сказать, что первый опыт такого исследования, предпринятый мной еще в 2006 г. [1] нельзя назвать удачным. В настоящей работе привлечены неопубликованные архивные источники, что позволило исправить ранее сделанные ошибки и максимально подробно, насколько это возможно, реконструировать состав и численность русского войска в Чудновском походе.

По причине отсутствия полной росписи русской армии, непосредственно касающейся кампании лета — осени 1660 г., установить численность поместной конницы, бывшей в походе, весьма затруднительно. Однако, используя сохранившиеся документы, можно определить, какие именно полки и стрелецкие приказы входили в армию Шереметева.

Для начала рассмотрим общую численность армии В.Б. Шереметева, а затем каждую «дивизию» («воеводский полк») отдельно.

Вопрос общей численности армии воеводы В.Б. Шереметева в Чудновском походе 1660 г. до настоящего времени не нашел однозначного ответа у исследователей. Российский историк С.М. Соловьев вообще не указал численность московской армии, Н.И. Костомаров сообщил о 27 000 чел., «по известиям польских летописцев и дневников» [2. С. 191]. А.П. Барсуков написал про 15 000 русского войска и 20 000 украинских казаков Т. Цецеры, ссылаясь на отписку самого В.Б. Шереметева [3. С. 304]. Д.Ф. Масловский [4. С. 26–37] и В. Герасимчук [5. С. 14] — о 19 000 русских и 20 000 казаков. А.К. Баиов считал, что армия состояла из 20 000 русских и 20 000 казаков [6. С. 157–158], а Т.Г. Таирова-Яковлева — из 40 000 в войске Шереметева и 30 000 — Цецеры [7. С. 99].

Что касается историков Польши, то автор наиболее основательного исследования по рассматриваемой теме А. Хнилко привел сведения из сочинения С. Лещинского и данные из отписки В.Б. Шереметева [8. С. 36–37]. Авторы статьи в «Военной энциклопедии» под ред. О. Ласковского оценили армию Шереметева в 50 000 чел. [9. С. 789]. Р. Романьский написал о 50-тысячной московской-казацкой армии, при этом ссылаясь на сочинение историка XVII в. В. Коховского, который сообщал о 60-тысячном войске [10. С. 20]. Л. Оссолинский оценил армию Шереметева в 16 000 чел. [11. С. 37].

Долгие поиски полной росписи войска в архивных документах РГАДА, предпринятые мной, ни к чему не привели. В связи с этим приходится признать, что о численности армии Шереметева в походе известно лишь по одному документу, заслуживающему полного доверия. Речь идет о записи в «Крымских делах», сделанной с отписки Шереметева от 9 сентября 1660 г., т.е. накануне начала активных боевых действий, в которой воевода сам определил свои силы:

«Во 169 году (1660) сентября в 9 день писал к великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белья Росии

самодержцу ис походу боярин и воевода Василей Борисович Шереметев с товарищи, государевых ратных конных и пеших розных чинов людей с ним в походе русских 15031 человек, полкового наряда 33 пушки. С наказным гетманом с Цыщурею 6 полков конных и пеших, а в них 20 000 человек, наряду 7 пушек.

И в октябре месяце в Черкасских городех меж местечек Чюдново и Пяток боярина и воевод Василья Борисовича Шереметева с товарищи и ево полку ратных людей всех и наряд и обоз крымские и нагайские воинские люди и с ними полские и литовские люди взяли за присягою, а иных побили» [12. Ф. 123. Оп. 1. 1658. № 14. Л. 30–31].

Анализ других сохранившихся сведений о численности армии Шереметева приводит к однозначному выводу, что вышеназванное число является единственно верным из множества других, обычно сильно завышенных, упомянутых в разных летописях и исследованиях. Приведенное Лещинским число в 19 200 бойцов, также как встречающиеся в исторических исследованиях утверждения историков о якобы 30–40-тысячном русском войске под Чудновым, не соответствуют действительности. В реальности Шереметев располагал лишь 15 000 вооруженных русских ратных людей, готовых к бою и походу.

Определив общую численность армии Шереметева, можно перейти к рассмотрению состава и численности каждого воеводского полка (в польских источниках – «дивизии»), входившего в его армию.

Соединение (воеводский полк) под командованием стольника кн. Григория Афанасьевича Козловского было сформировано летом 1659 г. в Брянске и Севске. В его состав вошли дворяне и дети боярские Стародуба, Рославля, Трубчевска, Почепа, Путивля и Чернигова (737 чел.), белгородские (полк М. Гопта) и комарицкие драгуны (790 чел.), белгородские (полк Я. Ронарта) и севские солдаты (1041 чел.), полковые казаки (365 чел.) и севские стрельцы (130 чел.). Всего 3063 чел. конных и пеших [12. Ф. 210. Оп. 12. № 423. Л. 113–117]. В таком составе 10 августа 1659 г. полк Козловского направился в Путивль на соединение с армией кн. А.Н. Трубецкого [13. Стб.197–198]. В начале сентября того же года вместе с Трубецким Козловский выступил на Украину. 15 сентября они были в Нежине, откуда Трубецкой послал Козловского к Киеву [14. Т. 4. С. 253]. Для усиления авангарда, главнокомандующий дополнительно выделил Козловскому конные части из своего полка и воеводского полка кн. П.А. Долгорукова: дворян и детей боярских из Нижнего Новгорода, Алатыря, Курмыша, Арзамаса и Свяжска (1154 чел.), мурз и татар (300 чел.), рейтарскую шквадрону с подполковником (628 чел.) и драгун с подполковником (265 чел.). Всего 2347 чел. [12. Ф. 210. Оп. 12. № 423. Л. 113–117].

Из другого документа известно, что в составе полка Козловского в Киев отправился рейтарский подполковник Андрей Чубаров, возглавивший рейтар бывших полков Г.А. Фанстробеля и В. Джонстона (полковники погибли в битве под Конотопом) – «пятьсот тритцать человек» [12. Ф. 210. Оп. 12. № 418. Л. 160]. Драгунами в то время командовал подполковник Юрий Франк.

В конце декабря 1659 г. Козловский со своим воеводским полком численностью 5410 чел. находился в Белой Церкви [12. Ф. 210. Оп. 12. № 423. Л. 113–117]. Вероятно, позднее часть его отряда ушла в Киев под начало Шереметева, поскольку в конце февраля следующего 1660 г., когда Козловский прибыл в Умань, под его командованием насчитывалось лишь 2933 чел. [12. Ф. 210. Оп. 6. № 35. Л. 20об.–21]. Причиной уменьшения численности его

соединения также мог быть поход против поляков к Могилеву-Подольскому в середине февраля 1660 г.

Для данного исследования важны сведения о составе и численности его воеводского полка непосредственно накануне Чудновской кампании лета — осени 1660 г. В документах Разрядного приказа сохранились такие данные на начало лета 1660 г., когда полк Козловского все еще стоял в Умани. По книгам, «каковы прислал к великому государю ис Киева» боярин и воевода В.Б. Шереметев на 8 июня 1660 г. в Умани с кн. Г.А. Козловским находились конные и пешие части, насчитывавшие 4 107 чел. (см. *табл. 1*, составленную по [12. Ф. 210. Оп. 12. № 423. Л. 146]):

Табл. 1.

Роспись полка кн. Г.А. Козловского в Умани на 8 июня 1660 г.

Служилые люди	Численность (чел.)
Сотенная служба	
Московские чины (жилец)	1
Городовые дворяне и дети боярские	1 138
Мурзы и татары	55
Севские и путивльские казаки	205
Монастырские слуги	9
Полки/шкwadроны начал. люди/рядовые	
Рейтарская шкwadрона (А. Чубарова)	37/536
Драгунский полк (М. Гопта)	37/1 039
Драгунский полк (Ю. Франка)	
Солдатский полк (Я. Ронарта)	30/1 014
Пушкари	7
Всего:	4 107

Стоит уточнить, что в приведенной в архивном документе росписи нет имен полковников рейтарского, драгунского и солдатского строя. Однако их можно установить из других документов, поэтому в таблице они указаны в скобках. Известно, что у Козловского остались рейтары Чубарова — после боя под Хмельником (16 ноября 1659 г.) Козловский «посылал с сеунчем рейтарского строю подполковника Ондreja Чубарова» [12. Ф. 210. Оп. 12. № 806. Л. 134], а позднее вышедшие из плена сообщали, что шкwadрона Чубарова в ходе Чудновского похода входила в соединение Козловского [12. Ф. 210. Оп. 13. № 223. Л. 133, 194–195, 270]. В частности, воевавший под Чудновом рейтар Семен Федоров сын Домогацкий, сказал, что служил у подполковника Ондreja Чубарова, «взят в полон», когда был в полку с кн. Г.А. Козловским [12. Ф. 210. Оп. 13. № 223. Л. 194]. Вышедший из Польши «полоняник каширянин рейтарского строю полуполковника Ондreja Чубарова Роман Федоров сын Дуров» рассказал, что был взят в плен «под Чудново и Пяток» [12. Ф. 210. Оп. 6е. № 12. Л. 234]. Рейтар полка А. Чубарова Петр Сумароков находился на службе «в Умани в полку стольника и воеводы князя Григорья Афанасьева сына Козловского» [12. Ф. 210. Оп. 13. № 954. Л. 414]. Майором в полку Чубарова был Родион Хомутов, слуга которого также попал в плен под Чудновом [12. Ф. 210. Оп. 6е. № 10. Л. 88].

Что касается белгородских полков Михаила Гопта и Якова Ронарта, то в ноябре 1659 г. солдатский полк Я. Ронарта был оставлен Трубецким в гарнизоне Киева [14. Т. 7. С. 316], а драгунский полк М. Гопта — в гарнизоне Переяслава

[12. Ф. 210. Оп. 6. № 35. Л. 130об.]. Впоследствии они снова перешли под командование Козловского. Причем известно, что полковник Михаил Гопт не принял участие в Чудновском походе 1660 г., поскольку его имя в документах среди пленных офицеров не встречается. К тому же, согласно другим источникам, в октябре 1660 г. Гопт значится командиром рейтарского полка в Белгороде [15. Л. 175]. Вероятно, его отозвали из Умани в Белгород накануне летней кампании для обучения «новоприбранных» рейтар Белгородского разряда. Драгунский полк, ранее бывший под его началом, в походе возглавил подполковник Антон Полозов [12. Ф. 210. Оп. 6. № 35. Л. 30об.], об его участии в походе и последующем пленении писал царю Алексею Михайловичу сам Шереметев в докладе о боях под Чудновом [16. С. 29–30]. В январе 1660 г. среди бойцов драгунского полка М. Гопта кроме подполковника Антона Полозова упоминается майор Дмитрий Харитонов сын Лопухин [12. Ф. 210. Оп. 6. № 35. Л. 2об.–22, 130об.–137об.].

Яков Ронорт возглавлял солдатский полк, набранный в Козлове в июне 1658 г. и первоначально входивший в Белгородский разряд. С осени 1658 до августа 1659 г. его полк находился в Брянске, а затем с полком Козловского пришел в Киев, где был оставлен в гарнизоне города. Позднее он отправился в Умань. Об участии полка солдатского строя в Чудновском походе свидетельствуют показания позднее вышедших из плена офицеров и солдат. Так, в частности среди них были: сам полковник солдатского строя Яков Ронорт [12. Ф. 210. Оп. 6е. № 12. Л.160об.], солдат козловец Маркушка Подгузов из полка Ронарта [12. Ф. 210. Оп. 6е. № 12. Л. 54] и др. Например, капитан полка Якова Ронорта, Варфоломей Ронорт в расспросе сказал, что «был он на службе великого государя в полку боярина и воевод Василья Борисовича Шереметева с товарищи в Черкасских городех меж местечек Чудново и Пяток взят в полон и был в полону в Полше [...] и в Розряде сказал. Вышел ис полону в Новгород» [12. Ф. 210. Оп. 6е. № 12. Л. 35об.]. В январе 1661 г. вышли из польского плена полка кн. Г.А. Козловского «козловцы салдацкого строю» Исая Елшин и Фрол Ерохов [12. Ф. 210. Оп. 13. № 954. Л. 273]. Об участии в походе с Козловским и боях под Любаром и Чудновом сообщил позднее «козловец сын боярской салдацкие службы Кондрашко Выборного» [12. Ф. 210. Оп. 13. № 954. Л. 291–292].

Что касается драгунского полка Юрия Франка, то, как следует из документов, Франк (в иных документах – Франц) возглавил бывший полк Семена Брынка, погибшего при штурме Конотопа в апреле 1659 г. Такой вывод можно сделать на основании достоверно установленного факта, свидетельствующего о том, что этот полк состоял исключительно из драгун скопинцев и романовцев [12. Ф. 210. Оп. 9. № 1101. Л. 47], так же как полк С. Брынка (городов Скопин и Романово городище). Скорее всего, драгуны прибыли в Нежин весной 1660 г., так как полковник Франк находился в Нежине с апреля 1660 г., где он получал жалование [12. Ф. 210. Оп. 6. № 58. Л. 246]. Еще до начала июня 1660 г. драгуны Франка были переброшены в Умань и вошли в состав полка Козловского. Подполковником названного полка в Чудновском походе был Кондратий Ленарт, бывший майор полка Брынка [12. Ф. 210. Оп. 6. № 58. Л. 440], позднее вышедший из плена [12. Ф. 210. Оп. 6е. № 12. Л. 29]. В «Крымских делах» имеются сведения о пребывании в ханском плену майора полка Ю. Франка – Тихона Павлова сына Кафтырева [12. Ф. 123. № 42. Оп. 1. 1661. Л. 3–4, 54–54об.]. Согласно документам разряда, после Чуднова выходили из плена «драгуны Юрьева полку Францова скопинцы» [12. Ф. 210. Оп. 6е. № 12. Л. 160], также как «Романова городища» драгуны «полку Фрянцова» [12. Ф. 210. Оп. 6е. № 12. Л. 165].

Учитывая тот факт, что Козловский находился в Умани до самого начала Чудновской кампании и выступил на соединение с Шереметевым в середине августа 1660 г. с теми силами, которые были под его непосредственным командованием, можно утверждать, что в самом походе с князем были те же части, которые значатся в росписи на 8 июня 1660 г. Сведений о том, что какие-либо полки покинули его «дивизию» или прибыли на смену бывших в Умани накануне похода, обнаружить не удалось.

Таким образом, данные о составе и численности воеводского полка Козловского на 8 июня 1660 г. являются наиболее полными и известными сведениями о рассматриваемом соединении.

Соединение (воеводский полк) под командованием окольного кн. Осипа Ивановича Щербатова было сформировано летом 1660 г. в Переяславле-Рязанском (совр. Рязань). Под началом Щербатова царским указом «велено быть» трем рейтарским полкам: Ивана Ельчанинова, Александра Вода и Давыда Фандернизина (129 начальных людей, у Ельчанинова и Вода по 1000 рядовых, у Фандернизина — 409), а также приданным рейтарским полкам севским драгунам под началом двух майоров (750 чел.). Кроме того, с Щербатовым предполагалось послать полки солдатского строя Вилима Брюса и Василия Челюсткина (62 начальных человека и по 1000 солдат в каждом) [12. Ф. 210. Оп. 12. № 806. Л. 420]. Однако солдат к Щербатову посылать передумали. Всего, таким образом, под его командой должно числиться 3278 рейтар и драгун.

Рейтарские полки И. Ельчанинова и А. Вода были сформированы во второй половине 1659 г. из рязанских дворян и детей боярских, ранее служивших в рядах поместной конницы. Такой вывод можно сделать на основании того факта, что в Конотопском походе (весна-лето 1659 г.) большая часть рязанцев служила в сотнях и вышеуказанные полки в документах не упоминаются. Это означает новоприборный характер полков Ельчанинова и Вода, вероятно не достаточно хорошо обученных рейтарского строю в отличие от «старых» рейтарских полков.

20 июня 1660 г. Щербатов прибыл в Севск, где собирался его полк [12. Ф. 210. Оп. 12. № 806. Л. 425]. Известно также, что конные части должны были пополнить дворяне и дети боярские из Чернигова и Путивля, а также путивльские казаки. Щербатова сопровождал способный дипломат — думный дворянин Иван Павлович Акинфов, который позднее активно вел переговоры с польской стороной об условиях прекращения военных действий.

1 августа, когда Щербатов выступил из Путивля в Киев, в его полку было 2251 чел. [12. Ф. 210. Оп. 12. № 806. Л. 596–597]. В состав полка входили: рейтарские полки Ивана Ельчанинова (903 чел.), Александра Вода (598 чел.) и приданные им севские драгуны (750 чел.), вероятно поровну распределенные между полками.

Как писал в Москву князь, в Путивле на смотре 30 июля черниговцы «объявились не многие люди, а путивльцы, государь, дворяне и дети боярские и путивльские казаки на смотре не объявились ни один человек». А когда воевода выступил в поход, и черниговцы с ним «не пошли» и на станах «августа по 3 число не объявились никто». Щербатов писал путивльскому воеводе кн. Григорию Долгорукову, чтобы он указанных дворян и детей боярских выслал к нему в полк «без всякого мотчанья». Ко всему почему, рейтарский полковник Давыд Фандернизин с начальными людьми и рядовыми рейтарами, также как дворяне и дети боярские брянчане, почепцы, мещеряне, ряжане, по словам Щербатова,

«не бывали ни один человек» [12. Ф. 210. Оп. 12. № 806. Л. 597]. Щербатов так стремился побыстрее прибыть к Шереметеву, что шел с ратными людьми «наспех днем и ночью», в результате у многих «от скорого походу лошади стали, а у иных и попадали» [12. Ф. 210. Оп. 13. № 953. Л. 1]. 20 августа его полк пришел «в местечко Федорково за петнатцать верст до Котельны», где в то время находился лагерь Шереметева.

На следующий день Щербатов соединился с Шереметевым под Котельной. Согласно отписке Щербатова, в то время с ним было 2984 чел. (см. табл. 2, составленную по [12. Ф. 210. Оп. 13. № 953. Л. 1–2]).

Табл. 2.

Роспись полка кн. О.И. Щербатова под Котельней на 21 августа 1660 г.	
Служилые люди	Численность (чел.)
Рейтарский полк И. Ельчанинова	979
Рейтарский полк А. Вода	907
Севские драгуны в рейтарских полках	750
Путивльцы и черниговцы дворяне и дети боярские	225
Путивльские казаки	123
Брянчане, почепцы, мешеряне, ряшенцы дети боярские, ценские мурзы и татары	0
Всего:	2984

В документах сохранились сведения о начальных людях указанных полков. Для большей полноты исследования приведу имена старших офицеров рейтарского и драгунского строя:

– рейтарский полк полковника стольника Ивана Дорофеева сына Елчанинова: подполковник Тимофей Гак, майор Андрей Золотилов, драгунского строя майор Меркурей Козимеров;

– рейтарский полк полковника Александра Вода: подполковник Вилим Кармихель, майоры: Яков Макланих, Назарей Ртищев; драгунского строя майор Микифор Ртищев [12. 27. Ф. 210. Оп. 6. № 58. Л. 300–319].

Все они приняли участие в Чудновском походе и разделили судьбу армии Шереметева. Личный состав указанных полков большей частью состоял из дворян и детей боярских Рязани, Коломны, Шацка, Алатыря, Рязска, Мешеры.

Рейтарский полк Давыда Фандернизина (подполковник Осип Коковинский, майор Матвей Сипягин) не успел собраться к началу выступления Шереметева в поход, вследствие чего был оставлен в Киеве.

Указанная численность полка Щербатова (2984 чел.) наиболее точно отражает реальные силы под началом названного воеводы непосредственно накануне первых боевых столкновений. В данном случае мы имеем наиболее точные сведения об одном из трех соединений.

Об участии вышеуказанных полков и полковников в Чудновском походе свидетельствуют показания позднее вышедших из плена офицеров, рейтар, драгун и солдат. Так, в частности среди них были: рейтары полков Вода и Ельчанинова, а также комарицкие драгуны и севские полковые казаки [12. Ф. 210. Оп. 6е. № 12. Л. 28–44об., 124]. Так, например, рязанец Федор Сухачев, рейтар полку Ивана Ельчанинова сказал, что «был в полку у околничего князя Осипа Щербатова и в нынешнем во 169 году взяли его в полон татарове меж Чудново и Пяток» [12. Ф. 210. Оп. 6е. № 12. Л. 56]. В «Крымских делах» имеются сведения

о пребывании в ханском плену майора полка И. Ельчанинова — Андрея Тихонова сына Золотилова [12. Ф. 123. № 42. Оп. 1. 1661. Л. 3—4, 54—54об.].

Ввиду того, что точных сведений о составе и численности самого большого «воеводского полка» В.Б. Шереметева непосредственно перед Чудновским походом 1660 г. найти не удалось, начать исследование данного вопроса следует с имеющейся в документах информации, относящейся к осени 1659 г., связанной с пополнением и частичной сменой русского гарнизона в Киеве.

20 октября 1659 г. царь Алексей Михайлович велел кн. А.Н. Трубецкому, находившемуся с основными силами армии в Переяславе, усилить киевский гарнизон, отправив ратных людей в полк к воеводе В.Б. Шереметеву. Трубецкой послал в Киев «ратных конных людей полковника рейтарского строя Федора Зыкова с ево полком, да полк же рейтар полковника Офонася Траурнихта, и велел тому полку быти у полковника у Федора Зыкова, а полковнику Офонасью Траурнихту с начальными людьми ево полку велел быть у себе в полку» [12. Ф. 210. Оп. 6а. № 10. Л. 65]. В полку у Федора Зыкова значилось «рейтарских начальных людей двадцать шесть человек да рейтар пятьсот сорок человек». В рейтарском полку Афанасия Траурнихта в то время числилось «шестьсот восемьдесят восемь человек». Рейтарам «Офонасьева полку Траурнихта» следовало «быть в полку у Федора Зыкова» [12. Ф. 210. Оп. 6а. № 10. Л. 66об.]. Самому Траурнихту с начальными людьми его полка было приказано вернуться в Москву [12. Ф. 210. Оп. 6а. № 10. Л. 65об.]. Таким образом, оставленный в Киеве полк Федора Зыкова достиг штатной численности и насчитывал 1254 чел.

Произошла также смена московских стрельцов, несших службу в Киеве. С Шереметевым было приказано быть «голове стрелецкому Ивану Монастыреву с приказом». Ранее этим приказом командовал голова Логин Аничков, отличившийся в обороне Могилева (1655 г.). Приказ Ивана Зубова, стоявший в Киеве с весны 1658 г., был отправлен в полк к Трубецкому [12. Ф. 210. Оп. 6а. № 10. Л. 65об.]. Согласно записке о посылке денежной казны в черкасские города от 5 октября 1659 г., в московском стрелецком приказе Ивана Зубова в то время было 402 чел., в приказе Ивана Монастырева — 487 чел., и, кроме того, в киевском стрелецком приказе Дея Грекова — 422 чел. [14. Т. 7. С. 315].

Руководствуясь царской волей, Трубецкой должен был «в городех, которые пристойно, оставить пехоты» из полка кн. П.А. Долгорукова по своему «разсмотренью», а с остальными вернуться в Путивль. В Путивле следовало распустил большую часть войска, а Долгорукова оставить там до «государева указа» [12. Ф. 210. Оп. 6а. № 10. Л. 65об.]. Как следует из отписок в Москву кн. Петра Долгорукова (от 12 ноября 1659 г.), Трубецкой взял у него «из полку дворян и детей боярских и мурз и татар шестьсот человек, да рейтар сто человек» выслал их из Нежина в полк кн. Г.А. Козловского [12. Ф. 210. Оп. 12. № 418. Л. 167]. Он же забрал «дворян и детей боярских и послал из Нежина с товарищем со князем Григорьем Григорьевичем (Ромодановским. — *И.Б.*), да в Чернигов послал полковника Кашпира Яндера, а с ним салдат 650 чел, да из Нежина послал в Киев к боярину и воеводе Василью Борисовичу Шереметеву полковника Андрея Гамонтна, а с ним салдат 1000 чел., да в Киев послал рейтар Офонасьева полку Траурнихта 688 чел., а полковнику Офонасью с начальными людьми тех рейтар велел проводить до Киева» [12. Ф. 210. Оп. 6а. № 10. Л. 107об.]. Кроме того, как выше было отмечено, из полка кн. Петра был отправлен в Киев приказ московских стрельцов Ивана Монастырева. В Переяславе Трубецким оставлены полки Данилы Краферта и Ефима Франсбекова. В результате этих отсылок воеводский полк Долгорукова значительно сократился численно. По прибытии князя

в Путивль в начале ноября 1659 г. в нем «осталось ратных людей дворян и детей боярских и мурз и татар и белозерских и алатырских 1141 чел., да полковника Адама Гохварта салдат 200 человек» [12. Ф. 210. Оп. 6а. № 10. Л. 107об.]. При чем сто солдат из полка Гохварта ранее было «дано в Ондреев полк Гамонтона» [12. Ф. 210. Оп. 12. № 418. Л. 167–168].

О составе киевского гарнизона до прибытия всех вышеназванных подкреплений можно судить по данным на 3 ноября 1659 г. При раздаче государева жалования ратным людям В.Б. Шереметева, в городе находились следующие начальные люди со своими полками: драгунского строя полковники Рафаил Ананьин сын Корсак, Вилим Елизарьев сын Еглин; солдатского строя полковник Миколай Яковлев сын Фанстаден; голова стрелецкий Дей Ефимьев сын Греков; «рейтарского строя» подполковники Иван Алексеев сын Шепелев, Семен Семенов сын Скорняков-Писарев.

В том же документе, без указания конкретных полков, в Киеве названы подполковники: Михайло Тимофеев сын Вырубов, Григорий Васильев сын Булгаков (прислан из Москвы осенью 1659 г.), Агап Силин сын Спешнев, Яков Фанголстен (полк Н. Фанстадена) и Андрей Балк (в 1656 г. майор полка И. Мевса); а также майоры: Савва Алексеев сын Шепелев, Василий Иванов сын Лаговчин, Андрей Тимофеев сын Колычев, Иван Иванов сын Кафтырев, Борис Фадеев сын Глебов, Володимир Ортемьев сын Заверхов [12. Ф. 210. Оп. 6. № 35. Л. 2–3об.]. Следует отметить, что упомянутый выше Андрей Балк в мае 1660 г. находился в Москве среди тех начальных людей, которые «за полками» (ошибочно назван майором) [12. Ф. 210. Оп. 6. № 58. Л. 495], т.е., вероятно, он убыл из Киева до начала похода. Из других документов известно, что майор Савва Шепелев служил в полку Ивана Шепелева, а Василий Лаговчин – в полку Семена Скорнякова-Писарева [12. Ф. 210. Оп. 12. № 605. Л. 109–112].

Сохранились сведения о даче жалования рядовому составу и, в связи с этим, численности некоторых из указанных полков. Так, драгунов полков Р. Корсака и В. Эглина в то время было 2 192 чел., солдат полка Н. Фанстадена – 1 200 чел., да «того же полку выборные конные сотен» солдат 346 чел., стрельцов Д. Грекова – 321 чел., пушкарей – 40 чел. [12. Ф. 210. Оп. 6. № 35. Л. 2–9об.]. В декабре 1659 г. старого полковника комарицких драгун В. Эглина сменил Юрий Гутцын [12. Ф. 210. Оп. 12. № 497. Л. 201].

5 декабря 1659 г. по указу царя дано жалованье ратным людям, находившимся тогда в Киеве, в указе упомянуты следующие начальные люди: стрелецкий голова Иван Монастырев, драгунского строя полковник Юрий Гутцын, подполковники рейтарского строя: Иван Алексеев сын Шепелев, Семен Семенов сын Скорняков-Писарев и Яков Бернет (Обернат); майоры драгунского строя: Михайла Тимофеев сын Вырубов, Иван Иванов сын Кафтырев, Тимофей Васильев сын Тургенев (в полку Я. Бернета или Оберната), Яков Матвеев сын Левшин; капитаны: Лев Иванов сын Волженской, Федор Игнатьев сын Гринев и Афанасий Елизарьев сын Лавров [12. Ф. 210. Оп. 6. № 35. Л. 18–19]. Известно также, что в январе 1660 г. Яков Левшин (названный в другом документе «головой» у драгун) был отпущен из Киева Шереметевым в Москву с пленными [15. С. 15–16].

Полк солдатского строя Николая Фанстадена – один из самых старых полков пехоты Белгородского разряда, сформированный в 1653 г. в Карпове. Первым его полковником был Юрий Гутцын. Вскоре после создания полк вошел в киевский гарнизон. В 1655 г. этим полком командовал Яган Краферт, а с конца 1656 г. – Николай Фанстаден [12. Ф. 210. Оп. 6. № 57. Л. 328].

В ноябре 1659 г. из полка Н. Фанстадена из способных к службе в конном строю солдат сформировали новую рейтарскую шквадруну. Возглавили ее подполковник Яков Обернат, майор Тимофей Васильев сын Тургенев и четыре ротмистра [12. Ф. 210. Оп. 12. № 806. Л. 11–11об.]. Из отписки Шереметева, которую привел А.П. Барсуков, следует, что из киевского солдатского полка воевода выбрал в рейтары 340 чел. [3. С. 287].

По отписке кн. А.Н. Трубецкого от 7 ноября 1659 г. с окольников и воеводой А.В. Бутурлиным в Переяславе было оставлено: «Новгородка Северского, черниговцов, рьян дворян детей боярских и казаков 281 чел., замосковных разных городов дворян ярославцов, костромич, галичан, арзамасцов – 10 чел. Белгородского полку драгунского строю: полковник – 1 чел., начальных людей – 30 чел., драгунов – 330 чел., голов стрелецких – 2 чел., Московских стрельцов – 1289 чел. Да полку окольников и воеводы князя Петра Алексеевича Долгоруково: салдацкого строю полковников – 2 чел., с начальными людьми [...], солдат у них 1480 чел.» [12. Ф. 210. Оп. 12. № 806. Л. 393–394]. Из других источников видно, что в гарнизон Переяслава вошли драгунский полк М. Гопта, стрелецкие приказы Ф. Александрова и А. Бестужева, полки солдатского строя Д. Краферта и Е. Франсбекова [12. Ф. 210. Оп. 6. № 35. Л. 124–196]. В Нежине у воеводы кн. С.И. Шаховского оставлены драгунский полк И. Мевса [14. Т. 7. С. 316], солдатский полк А. Гамолтона и стрелецкий приказ А. Мещеринова. В декабре того же года драгуны полка И. Мевса были отпущены по домам. Полк М. Гопта предполагалось перевести из Переяслава в Нежин [14. Т. 7. С. 317], но, судя по росписи от 26 марта, он остался в Переяславе.

Кроме того, к концу 1659 г. в Киеве было «Яганова полку Разонбаха рейтар [...] ныне четыре роты» [12. Ф. 210. Оп. 12. № 497. Л. 225]. Речь идет о бывшем полку В. Фангалена, который снова возглавил полковник Я. Фанрозенбах. Киевской шквადруной командовал подполковник Иван (иначе – Яган) Фанговен. Известно, что его шквадруна приняла участие в Чудновском походе в составе полка В.Б. Шереметева. Как писал Шереметев, прислал к нему Трубецкой «райтарского строю подполковника Ивана Фанговена, а с ним начальных людей и райтар триста семьдесят шесть человек, и апреля государь в 3 день (1660. – *И.Б.*) подал нам [...] подполковник Иван Фанговен роспись полку своего рейтаром, которые рейтары в полку по розбору на (службу) не поехали, а в свое место прислали братью и детей своих и племянников, а иные, государь, райтары Иванова полку из рейтар из дороги сбежали» [12. Ф. 210. Оп. 12. № 806. Л. 376].

Согласно сведениям источников, в январе 1660 г. в солдатском полку Д. Краферта служили подполковник Михаил Вестов и майор Ондрей Иванов сын Бабин, в полку Е. Франсбекова – подполковник Иван Франсбеков [12. Ф. 210. Оп. 6. № 35. Л. 2об.–22, 130об.–137об.], а в феврале – в полку Федора Зыкова майор Василий Зубов [14. Т. 7. С. 318].

После прибытия подкреплений численность русского гарнизона в Киеве значительно увеличилась. Согласно данным позднее составленной «перечневой росписи», до ноября 1659 г. в киевском гарнизоне служили 5868 чел., а после присылки Трубецким подкреплений в городе находилось «служилых людей, которые сидели в осаде и которые присланы после осады» – 9329 чел. [12. Ф. 210. Оп. 12. № 806. Л. 654, 658]. В марте 1660 г. В.Б. Шереметев писал в Москву, что у него в Киеве и «в полку столника и воеводы князя Григорья Козловского служилых всяких чинов людей налицо 9271 чел». [12. Ф. 210. Оп. 12. № 806. Л. 533].

Наиболее точные данные о гарнизонах Киева, Переяслава, Нежина и Чернигова приводятся в «перечневой росписи» от 26 марта 1660 г. Согласно смотренным книгам, которые прислал из Киева в Москву В.Б. Шереметев, в то время в Киеве находились следующие части (см. табл. 3, составленную по [12. Ф. 210. Оп. 12. № 806. Л. 651–664]):

Табл. 3.

Роспись гарнизона в Киеве. (26 марта 1660 г.)	
Служилые люди	Численность (чел.)
Сотенная служба	
Московские чины	14
Городовые дворяне и дети боярские	109
Полки /шкwadроны и стрелецкие приказы	
Рейтарская шкwadрона С. Скорнякова-Писарева	1 309
Рейтарская шкwadрона И. Шепелева	
Рейтарская шкwadрона Я. Обернета	
Драгунский полк В. Эглина – Ю. Гутцына	2 080
Драгунский полк Р. Корсака	
Солдатский полк Н. Фанстадена	1 989
Трубчевские солдаты	
Киевский приказ Д. Грекова	
Пушкари	40
Всего налицо, которые в осаде сидели:	5 867¹
<i>сбежали:</i>	154
<i>убито, пленено, умерло и без вести пропало в осаде и в бою под Хмельником 16 ноября 1659 г.</i>	482
Присланные после осады в октябре-ноябре 1659 г.	
Рейтарский полк Ф. Зыкова	1 440
Московский приказ И. Монастырева	565
Солдатский полк Я. Ронарта	1 458
Всего, прислано после осады:	3 463
Всего налицо:	9 330
Роспись гарнизона в Переяславе.	
Служилые люди	Численность (чел.)
Сотенная служба	
Городовые дворяне и дети боярские	23
Полки и стрелецкие приказы	
Драгунский полк М. Гопта	104
Солдатский полк Д. Краферта	1 297
Солдатский полк Е. Франсбекова	
Стрелецкий приказ Ф. Александрова	1 306
Стрелецкий приказ А. Бестужева	
<i>сбежали:</i>	760
<i>умерли:</i>	116
<i>отпущены по различным причинам:</i>	36
Всего налицо:	2 730

¹ В документе ошибочно – 5868 чел. и в общем подсчете 9329 чел.

Роспись гарнизонов в Нежине и Чернигове.

Город и служилые люди	Численность (чел.)
Нежин	
Солдатский полк А. Гамолтона (4 роты)	585
Стрелецкий приказ А. Мещеринова	687
Чернигов	
Солдатский полк К. Яндера	603
<i>сбежали:</i>	4
<i>умерли:</i>	7
Всего налицо:	1875

Таким образом, всего в декабре 1659 г. в Киеве, Переяславе, Нежине и Чернигове русским командованием было размещено пятнадцатитысячное русское войско. К началу весны 1660 г. численность его уменьшилась примерно на тысячу человек в результате побегов и естественной убыли личного состава.

Драгунский полк Ягана Гевиша Фанговена, вероятно, прибыл из Севска в Киев весной 1660 г. Точной даты найти не удалось. Согласно «Книге окладной денежного жалования в придачу к поместным окладам» начальным людям, в сентябре 1656 г. подполковнику Томасу Мингесу (он же: Мензис. — *И.Б.*) велено быть в драгунском строю в Яганове полку Гевиша Фанговена» [12. Ф. 210. Оп. 6. № 57. Л. 364]. Позднее шотландец Мензис или Менезис, по свидетельству П. Гордона, погиб в боях под Чудновом.

Следует отметить, что не стоит путать рейтарскую шквадру подполковника Ивана (Ягана) Фанговена и драгунский полк Ивана (Ягана) Гевиша Фанговена. По документам это два разных человека и два разных соединения [12. Ф. 229. № 46. Оп. 1. 1660. Л. 196–197].

Еще в начале 1656 г. в полку Ягана Гевиша Фанговена упоминается капитан Андрей Тимофеев сын Колычев [12. Ф. 210. Оп. 12. № 1035. Л. 423]. Учитывая, что Колычев в конце 1659 г. находился в Киеве, можно предположить, что в это время он продолжал службу в том же полку, но уже в чине майора. Из этого следует, что часть полка Фанговена с майором Колычевым была в Киеве уже в конце 1659 г.

Ввиду плохой сохранности документов, относящихся к Чудновской кампании, важнейшими источниками, подтверждающими участие того или иного полка в походе, являются показания позднее вышедших из плена начальных людей, дворян и детей боярских, рейтар, драгун и солдат. Так, в частности, среди них были: дворяне рейтарского строя Федорова полку Зыкова [12. Ф. 210. Оп. 6е. № 12. Л. 28–44об.], капитан Прохор Полозов из полка комарицких драгун Ивана (Ягана) Фанговена [12. Ф. 210. Оп. 6е. № 12. Л. 56об.]. Со слов пленных известно, что драгунского строя Юрьева полку Гутцына драгуны были в походе под началом подполковника Агапа Силыча Спешнева (названного в польском источнике по отчеству: «Силич»): «Агапова полку Спешнева драгуны севченин Титко Сергеев» и другие [12. Ф. 210. Оп. 6е. № 12. Л. 124, 130об.]. Солдат «Кашпинова полку Яндыря» (т.е. Кашпира Яндера) Прокофей Дренов сообщил, что взят был в полон под Чудновом [12. Ф. 210. Оп. 6е. № 12. Л. 148]. О том же рассказал «Гришка Закурдаев пешего полка солдацкого строя Кашпинова полку Михайловича Янгирева [...], и в окопах я, холоп твой, сидел и всякую нужду терпел, и на реке на Тетереве на боях, (и как. — *И.Б.*) боярин и воеводы Василей Борисович Шереметев шел отходом

от крымских и от литовских людей» его «в полон взяли и секли левую руку саблею» [12. Ф. 210. Оп. 13. № 347. Л. 64]. Об участии московских стрельцов в походе свидетельствовал «Иванова приказа Монастырева стрелец» Андрей Исаев, попавший в плен «в местечке Чуднов» [12. Ф. 210. Оп. 6е. № 12. Л. 124]. В документах сообщается, что в мае 1661 г. «отпущены из Киева к Москве выходцы из полону московские стрельцы Иванова приказу Монастырева — десятник Федор Еремеев и Гурько Степанов» [15. С. 365].

После поражения и капитуляции армии Шереметева в неволе оказались рейтарские полковники Александр Вод и Яган фон Говен (Фанговен), которые позднее писали в челобитной царю о пожаловании их за выход из польского плена (не ранее августа 1661 г.): «Были мы на твоей службе в полку и в походе с боярином и воеводой Василием Борисовичем Шереметевым с товарищи, и под Либорем (Любаром. — *И.Б.*) и под Чудновом в трех окопах сидели, и в отходное время и на вылогах с неприятелем билися, не щадя головы своей. А как польские и крымские люди боярина и воевод и нас за присягою взяли, и мы в Польше в полону живот свой мучили и сидели в тюрьме, окованы в кандалы» [15. С. 420].

В сентябре 1661 г. освобожден из польского плена полковник Даниил Краферт, успевший переманить на русскую службу знаменитого впоследствии учителя царя Петра I — Патрика Гордона. Краферт сообщил, что был он в полку боярина и воеводы «Шереметева с товарищи» и «был взят в полон [...]. А ныне я Божьей милостью из полону от польских людей вышел» [15. С.437]. Солдаты полка Д. Краферта показали в Разряде, что «меж местечек Чуднов и Пяток взяли их в полон», также как солдаты полка Н. Фанстадена [12. Ф. 210. Оп. 6е. № 12. Л. 28—44об.].

В том же 1661 г. из плена освободились подполковники рейтарского строя Андрей Чубаров и Тимофей Гак, а также майор Савелий (Савва) Шепелев [12. Ф. 210. Оп. 12. № 1035. Л. 58]. Полковник Федор Зыков (в исследовании В. Герасимчука — ошибочно: «Суков») и голова стрельцов Иван Леонтьевич Монастырев (названный в польском источнике по отчеству «Левонтович») приняли участие в переговорах с польскими послами по поводу капитуляции и заключения перемирия под Чудновым [5. С. 128].

Известно, что первое боевое столкновение противников произошло 17 августа 1660 г. под Бердичевым, когда польские конные отряды, отправленные в разведку, встретились с рейтарами подполковников Скорнякова-Писарева и Фанговена, которые были высланы «проведать про Хмельницкого и поляков» [12. Ф. 229. № 46. Оп. 1. 1660. Л. 3]. После капитуляции Шереметева, подполковники рейтарского строя Семен Скорняков-Писарев и Иван Шепелев были отпущены поляками в Киев с грамотами об условиях Чудновского договора [17. С. 77].

Погибшими в боях под Чудновым из старшего командного состава в источниках числятся: полковник драгунского строя Кашпир Яндер и подполковник Томас Мензис [17. С. 77]. Кроме того, достоверно известно о гибели в сражении рейтарского полковника Ивана Ельчанинова [18. С. 61].

Согласно польским сведениям, в плен к коронным гетманам попали восемь полковников [3. С. 427]. Исходя из имеющихся данных, можно сделать вывод, что это были: Федор Зыков, Александр Вод, Иван Гевиш Фанговен, Даниил Краферт, Николай Фанстаден, Яков Ронарт, Юрий Франк и стрелецкий голова Иван Монастырев, который по своему званию и должности фактически являлся полковником.

Согласно сохранившейся росписи полоняников в Крыму в 1661 г., из полка Шереметева в то время там находились следующие начальные люди: сотенный голова Иван Иванов сын Нармацкой, подполковник Григорий Васильев сын Булгаков, майор Василий Федоров сын Тургенев (из полка Е. Франсбекова), майор Андрей Иванов сын Бабин (из полка Д. Крафорта) [12. Ф. 123. № 42. Оп. 1. 1661. Л. 3–4, 54–54об.]. Присутствие в полону В.Ф. Тургенева может означать то, что накануне предстоящего похода он был переведен в другой полк, принявший участие в Чудновской кампании (вероятнее всего в полк К. Яндера, поскольку полк Е. Франсбекова остался в Переяславе).

Кроме того, мной установлено, что «Яковлева полку Обернятина усмонеч Родион Чарнышов, написан из солдат в рейтарскую службу [...] взят под Чудновом» [12. Ф. 210. Оп. 6е. № 12. Л. 240]. Осенью 1661 г. вышли «из полону рейтарского строя Яковлева полку Обернятина карповцы Алексей Семенов» и другие рейтары [12. Ф. 210. Оп. 6е. № 12. Л. 28–44об.]. Однако из других сведений достоверно известно, что сам подполковник Яков Обернет (Бернет, Обернятин, Абернетти) в Чудновском походе не был, что, однако, не исключает возможное участие одной-двух рот из его шквадроны в Чудновской кампании.

В отношении полковника Рафаила Корсака имеются сведения, что в январе 1661 г. он находился в Киеве [12. Ф. 210. Оп. 13. № 954. Л. 326, 436]. Поскольку сведений о выходе его из плена обнаружить не удалось, вероятнее всего, он не был в походе лично, а его драгун возглавил подполковник Михаил Вырубов, оказавшийся в плену после капитуляции Шереметева [3. С. 449].

В таком достаточно информативном документе, как отписка кн. Ю.Н. Бяратинского от 30 октября 1660 г., перечислены вырвавшиеся из польского плена в Киев бойцы из почти всех соединений армии Шереметева: дворяне и дети боярские Стародуба, Путивля, Новгорода-Северского, Рыльска, Костромы, Арзамаса, Алатыря; полков рейтарского строя: Семена Скорнякова-Писарева, Ивана Шепелева, Федора Зыкова, Ивана Фанговена, Ивана Ельчанинова, Александра Вода, Андрея Чубарова; драгунского строя: Ивана Гевиша Фанговена, Юрия Гульцына, Михаила Гопта, Юрия Франца; солдатского строя Николая Фанстадена, Якова Ронарта; стрелецкого приказа Ивана Монастырева, а также путивльские казаки [12. Ф. 229. № 46. Оп. 1. 1660. Л. 192–200].

Для завершения исследования необходимо выяснить, какие воинские части остались в Киеве, Переяславе, Нежине и Чернигове после ухода армии Шереметева в Чудновский поход. Это важно для того, чтобы определить, какие полки не принимали участие в кампании и исключить их из состава бывших под Любаром и Чудновом.

Известно, что после ухода Шереметева непосредственно в Киеве осталось 4288 чел. ратных людей. Это прежде всего 300 дворян и детей боярских — из тех, что не успели присоединиться к Шереметеву (брянчане и мешеряне) и приехали позднее; 1000 рейтар полка Д. Фандернизина, стрелецкие приказы Ф. Александрова и А. Мещеринова, солдатский полк Е. Франсбекова, стрелецкие приказы Б. Глебова и А. Подтопкина (из Нежина и Чернигова).

Московский стрелецкий приказ А. Бестужева в сентябре 1660 г. находился в Переяславе [12. Ф. 229. № 46. Оп. 1. 1660. Л. 60], т.е. он также не принимал участие в летне-осенней кампании. Стрелецкого голову Бориса Аристова сына Глебова не следует путать с майором рейтарского строя Борисом Фадеевым сыном Глебовым, последний также был в польском плену после Чудновского похода [12. Ф. 210. Оп. 12. № 1035. Л. 58]. Следует дополнить, что в 1660 г. на

«вечное житье» в Нежин были определены городовые стрелецкие приказы голов Михайлы Полянского, Бориса Глебова, Павла Глебова, включая 20 сотников и 2031 стрельца. В Чернигов – головы Михайло Кабанов и Алексей Подтопкин с стрелецкими приказами (1078 чел.) [12. Ф. 210. Оп. 12. № 806. Л. 423–424].

11 января 1661 г., когда киевский воевода Бярятинский с полками ходил из Киева под город Димер (Дымер – ныне поселок в Вышгородском районе Киевской области), с ним были рейтарского сроду полковник Давыд Фандернизин и подполковник Яков Обернятин с полками, головы стрелецкие Федор Александров и Алексей Мещеринов с приказами, солдатского сроду полковники Ефим Франсбеков и Андрей Гамолтен с полками. В то же время в Киеве с воеводой Чаадаевым оставались драгунского сроду полковники Юрий Гутцын, солдатского сроду Юрий Грабов с полками и головы городских стрельцов Дей Греков и Михаил Кабанов с приказами [12. Ф. 229. № 46. Оп. 1. 1660. Л. 369].

Таким образом, все вышеназванные части можно вычеркнуть из состава армии Шереметева, поскольку, как мы видим, вскоре после окружения и гибели русского войска на Волыни перечисленные выше полки со своими командирами находились в Киеве и окрестностях.

Перечень соединений и полков, о которых есть достоверные данные об их участии в Чудновском походе, представлен в *табл. 4*.

Табл. 4.

**Роспись воеводского полка В.Б. Шереметева в походе
(реконструкция на август 1660 г.)**

Служилые люди	Примерная численность (чел.)
Сотенная служба	
Московские чины	14
Городовые дворяне и дети боярские	109
Полки /шквადроны и стрелецкие приказы	
Рейтарская шквадрона С. Скорнякова-Писарева	1 000
Рейтарская шквадрона И. Шепелева	
Рейтарский полк Ф. Зыкова	1 400
Рейтарская шквадрона И. Фанговена	400
Драгуны Я.Г. Фанговена	500
Драгуны А. Спешнева (полк Ю. Гутцына)	500
Драгуны М. Вырубова (полк Р. Корсака)	500
Солдатский полк Н. Фанстадена	1 200
Солдатский полк Д. Крафорта	1 000
Солдатский полк К. Яндера	600
Московский стрелецкий приказ И. Монастырева	565
Всего:	7 788

Исходя из известной общей численности всей армии в Чудновской кампании (15031 чел.), а также воеводских полков Козловского и Щербатова, в которых в июне – августе числились 7091 чел., можно определить приблизительное число бойцов в воеводском полку Шереметева на начало похода. Согласно этим данным, на 9 сентября 1660 г. у боярина могло быть не более 8000 чел. Это число почти совпадает с выше полученным результатом, т.е. проведенные расчеты не противоречат известным по другим источникам данным.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод, что общая численность всей русской армии в Чудновском походе соответствовала данным, приведенным в отписке В.Б. Шереметева (15031 чел.). В воеводском полку («дивизии») главнокомандующего было не более 8000 чел., в воеводских полках кн. Г.А. Козловского и кн. О.И. Щербатова – 7091 чел. (4107 чел. и 2984 чел. соответственно). Полученные результаты не противоречат данным В.Б. Шереметева и П. Гордона, но вместе с тем позволяют считать цифры, указанные С. Лещинским (19200 чел.) завышенными. Благодаря широкой известности сочинений польских авторов, их сведения легли в основу большинства исследований о Чудновской кампании, но тем не менее нет оснований считать приведенные ими данные более точными.

В ходе данного исследования удалось установить почти весь персональный старший офицерский состав, принимавший участие в Чудновской кампании 1660 г. Трудности возникли лишь при определении принадлежности нескольких лиц к конкретному полку ввиду недостатка необходимой информации. Речь идет об участниках Чудновского похода, подполковниках: Григории Булгакове и майоре Василии Тургенева, оказавшихся в крымском плену. Известно только, что Булгаков и Тургенов являлись начальными людьми солдатского строя. Булгаков, предположительно, являлся подполковником полка Я. Ронарта, а Тургенов – К. Яндера.

Приложение.

Старший офицерский состав в полках армии

В.Б. Шереметева в Чудновском походе 1660 г.

ВОЕВОДСКИЙ ПОЛК В.Б. ШЕРЕМЕТЕВА

Рейтарские полки

п-ка Федора Зыкова (м-р Василий Зубов)

п/п-ка Семена Скорнякова-Писарева (м-р Василий Лаговчин)

п/п-ка Ивана Шепелева (м-р Савва Шепелев)

п/п-ка Ягана (Ивана) Фанговена

Драгунские полки

п-ка Ивана Гевиша Фанговена (п/п-к Томас Мензис, м-р Андрей Колычев)

п/п-ка Агапа («Силыча») Спешнева (м-р Борис Глебов?)

п/п-ка Михаила Вырубова (м-р Иван Кафтырев?)

Солдатские полки

п-ка Николая Фанстадена (п/п-к Яков Фанголстен, м-р Иван Заверхов?)

п-ка Данила Крафорта (п/п-к Михайла Вестов, м-р Андрей Бабин)

п-ка Кашпира Яндера (м-р Василий Тургенов?)

Московский стрелецкий приказ

головы Ивана Монастырева

ВОЕВОДСКИЙ ПОЛК кн. О.И. ЩЕРБАТОВА

Рейтарские полки

п-ка Ивана Ельчанинова (п/п-к Тимофей Гак, м-р Андрей Золотилов)
п-ка Александра Вода (п/п-к Вилим Кармихель, м-р Яков Макланих)

Драгуны в рейтарских полках

(комарицкие, вероятно, из полка И. Мевса)

м-р Меркурий Казимиров (у Ельчанинова) – 3 роты

м-р Микифор Ртищев (у Вода) – вероятно, тоже 3 роты

ВОЕВОДСКИЙ ПОЛК кн. Г.А. КОЗЛОВСКОГО

Рейтарский полк

п/п-ка Андрея Чубарова (м-р Родион Хомутов)

Драгунские полки

п-ка Юрия Франка (п/п-к Кондратий Ленарт, м-р Тихон Кафтырев)

п/п-ка Антона Полозова (м-р Дмитрий Лопухин)

Солдатский полк

п-ка Якова Ронарта (п/п-к Григорий Булгаков?)

Прим. Используемые в списке сокращения: «п-к» – полковник, «п/п-к» – подполковник, «м-р» – майор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Бабулин И.Б.* Состав русской армии в Чудновской кампании 1660 года // Рейтар. Военно-Исторический журнал. № 28 (4/2006).
2. *Костомаров Н.И.* Гетманство Юрия Хмельницкого // *Костомаров Н.И.* Казаки. Исторические монографии и исследования. М., 1995.
3. *Барсуков А.П.* Род Шереметевых. СПб., 1888. Т. 5.
4. *Масловский Д.Ф.* Шереметевская война // Записки по истории военного искусства в России. СПб, 1891. Вып. 1. 1683–1762.
5. *Гарасимчук В.* Чуднівська кампанія // Записки НТШ. Львів, 1912–1913. Т. 110–114, 116.
6. *Баиов А.В.* Шереметевский поход 1660 года // История русского военного искусства. М., 2008.
7. *Яковлева Т.Г.* Руїна гетьманщини. Від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659–1667 рр.). Київ, 2003.
8. *Hnilko A.* Wyręga Cudnówka 1660 roku. Warszawa, 1931.
9. Encyklopedia Wojskowa / pod red. O. Laskowskiego. Warszawa, 1931. Т. 1.
10. *Romański R.* Cudnów 1660. Warszawa, 1996.
11. *Ossoliński Ł.* Cudnów – Słobodyszcze 1660. Warszawa, 2006.
12. Российский государственный архив древних актов.
13. Дополнения к III тому Дворцовых разрядов. СПб., 1854.
14. Акты, относящиеся к истории южной и западной России. СПб., 1863. Т. 4; СПб., 1872. Т. 7.
15. Акты Московского государства. СПб., 1901. Т. 3.
16. *Барсуков А.П.* Род Шереметевых. СПб., 1892. Т. 6.
17. *Гордон П.* Дневник 1659–1667. М., 2002.
18. Боярская книга 1658 года. М., 2004.

ПОПЫТКА ВЗЯТИЯ ПОЗНАНИ САКСОНСКО-РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИМИ ВОЙСКАМИ ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ИОГАННА РЕЙНГОЛЬДА ПАТКУЛЯ В 1704 ГОДУ

© 2021 г. К. Косъчельняк

*Канд. ист. наук, преподаватель исторического факультета Университет
им. Адама Мицкевича (г. Познань)*

kkos@amu.edu.pl

В ходе Северной войны 1700–1721 гг. Познань, имевшая слабые укрепления и неготовая к обороне, была захвачена шведами в 1703 г. Попытки саксонских войск с ходу отбить город не увенчались успехом, и польским королем Августом II было принято решение направить к Познани саксонско-российско-польский корпус под командованием Паткуля. Ее месячная осада закончилась поражением. Среди причин неудачи можно выделить не достаточную компетентность Паткуля как военачальника, отсутствие боевого опыта у большинства из принимавших участие в осаде солдат и офицеров, но главное – промедление с решающим штурмом. Имея превосходство в людях, мощную артиллерию, сделав три пролома в крепостной стене, командующий так и не отдал приказа о решающей атаке, а получив известия о приближении к городу войск шведского короля Карла XII и приказ Августа II об отступлении, немедленно отошел. Неудачная осада Познани является ярким примером одного из тех стратегических просчетов польско-саксонского командования в борьбе с войсками Карла XII, которые обусловили господство шведов в Великой Польше и во всей Речи Посполитой до Полтавской победы 1709 г.

There were cases in the world military history when hesitation of the commander led to the defeat of the army. The siege of Poznan by Johann Reinhold Patkul in 1704 is an excellent example here. Patkul had all the resources and opportunities to capture the city, yet he failed due to a range of possible factors, including incompetence, impudence of the commander and the lack of military experience of most of the soldiers who besieged Poznan. It is an indisputable fact that Patkul did not have enough courage to launch the assault, even though he had more people and better artillery than the enemy and he had already made three breaks in the wall. Everything was ready for a successful attack, people were eager to fight, thus, one decision, one order would have been enough to make August II the ruler of Poznan. Still, it did not happen and the text below shows how the events unfolded during the siege.

Ключевые слова: Познань, осада Познани 1704 г., Северная война, Иоанн Рейнгольд Паткуль.

Keywords: Poznan, siege of Poznań in 1704, Northern War, Johann Reinhold Patkul.

DOI: 10.31857/S0869544X0014060-9

Ход боев за Познань и осада города войсками Иоганна Рейнгольда Паткуля является ярким примером того, как недостаток решительности у командующего может привести к потере шанса занятия «открытого города». Паткуль располагал достаточными силами, средствами и возможностями, чтобы овладеть Познанью, но их должным образом не использовал¹.

Великая Северная война затронула Познань в 1703 г., когда шведский король Карл XII начал военные действия против саксонско-литовских войск, разбив их 2 мая 1703 г. под Пултуском. Это открыло ему путь на Куявию, где шведская армия осадила Торунь, которая капитулировала в октябре 1703 г. В то же самое время действовавший в Великой Польше шведский корпус фельдмаршала Карла Густава Реншильда получил распоряжение занять Познань, которую защищали жители и около шестидесяти городских солдат [12. S. 256] (об организации обороны города см. [14. S. 51–52]). Следует подчеркнуть, что Познань не была крепостью несмотря на то, что располагалась на важном торговом пути с востока на запад. Стратегическое значение города заключалось в том, что она была центром богатого региона Речи Посполитой, заняв ее, шведы получили бы контроль над великопольскими воеводствами. Кроме того, водным путем – по рекам Одре и Варте, из Щецина можно было доставлять в Познань, а фактически в центр страны, подкрепления действовавшим там войскам Карла XII. Шведы полностью заняли Познань 18 сентября [2. S. 19–20]. Они начали устанавливать в городе свою власть, а также готовиться к отражению возможных попыток Августа II вернуть город. В целом, однако, шведский гарнизон чувствовал себя в безопасности, будучи уверенным, что в данный момент господству Карла XII в Великой Польше ничего не угрожает, в том числе и потому, что его поддерживала специально организованная конфедерация великопольских воеводств [6. S. 186–188].

В мае 1704 г. в Познань прибыл генерал Арвид Аксель Мардефельт, чтобы по распоряжению Карла XII принять главное командование над всеми шведскими войсками в Великой Польше [2. S. 26–27]. Ему довольно скоро пришлось столкнуться с угрозой потери контроля над провинцией, поскольку в июле 1704 г. туда со стороны Кросна и Губина вступили саксонские войска генерала Иоганна Маттиаса фон дер Шуленбурга (16 тыс. солдат, 24 орудия). Подобная армия могла достаточно легко восстановить власть Августа II в Великой Польше при условии взятия Познани, которую защищал не слишком многочисленный гарнизон, насчитывавший несколько сотен солдат [3. S. 125–126]. При известии о приближении неприятеля на выручку Познани из Торуня вышел шведский генерал Юхан Август Мейерфельдт во главе трех тысяч солдат, главным образом драгун [3. S. 126]. Противники встретились 18 сентября в районе Хвалишова, деревни в окрестности Познани. Сражение было успешным для саксонских войск, которые не пропустили шведов в осажденный город [15. P. 1–12; 2. S. 24; 7. S. 359–360]. Окрыленные успехом саксонцы бросились на штурм укреплений Познани, который, однако, окончился неудачей [3. S. 126–127].

Три недели простоял Шуленбург под Познанью, безуспешно пытаясь взять город. Наконец, 13 сентября, получив приказ Августа II, он свернул лагерь

¹ Наиболее подробное на сегодняшний день описание осады см. [1–8]. Отражение осады в свидетельствах очевидцев и мемуарной литературе см. [9–10]; и богатая переписка Яна Рейнгольда Паткуля (Российский государственный архив древних актов в Москве; Sächsische Hauptstaatsarchiv Dresden, 10026 Geheimes Kabinett¹). Краткая информация об осаде содержится также в хрониках познанских монастырей, см. [12–13].

и двинулся по направлению к Варшаве. Для контроля за действиями шведского гарнизона у города остался наблюдательный отряд великопольского генерала Мачея Радомицкого и гнезненского старосты Адама Шмигельского, включавший хоругви (шляхетское ополчение) Познанского и Калишского воеводств (около 500 чел.), а также 100 саксонских пехотинцев и столько же кавалеристов. Эти силы стремились не допустить сбор противником контрибуций и фуража [2. S. 24–26], но были разбиты шведами в сентябре 1704 г. еще до прибытия к городу отрядов Паткуля.

Познань рубежа XVII–XVIII вв. была городом, в котором средневековые укрепления по-прежнему выполняли свои функции даже при наличии оборонительных сооружений более современного типа. До середины же XVII в. город был окружен только средневековыми стенами, как это показано на известном изображении авторства Георга Брауна 1618 г. «*Posnania elegans Poloniae in finibus Silesiae Civitas...*», на котором не видно никаких фортификаций нового времени [4. S. 106].

Общая протяженность внутренней средневековой стены составляла 1725 м. Познань обладала также внешней линией укреплений с полукруглыми башнями, которые лучше выдерживали огонь осадной артиллерии и были более приспособлены к размещению на них орудий. При этом внешняя стена не была полностью замкнутой [16. S. 49].

Познань имела также «водные фортификации», благодаря которым город фактически располагался на полуострове, защищенном укреплениями и рвами. Однако со времен его осады в период шведского «Потопа» рвы с водой перестали играть доминирующую роль в обороне города, а на первое место вышли земляные укрепления: шанцы, редуты, бастионы [17. S. 125].

Можно допустить, что именно боевой опыт 1655–1657 гг. стал непосредственной причиной возведения постоянных фортификационных сооружений, основой которых стали бастионы² [4. S. 119]. Вероятнее всего, первое такое сооружение – бастион перед Вроцлавскими воротами – появилось в Познани в 1660 г. [7. S. 50].

Следующее укрепление было построено только лишь в 1703 г., когда, учитывая угрозу нападения шведов, были предприняты меры по подготовке города к обороне [19. Rps. I 284. S. 55]. Наиболее крупным шагом, хотя и значительно запоздалым, стало строительство так называемого Гарбарского шанца [2. S. 10], который закрывал доступ в Гарбары (район города), а также блокировал подход к Большим и Водным воротам. Напротив него находились здания монастыря бернардинцев, которые могли послужить осаждающим опорным пунктом для атаки на городские укрепления, а также отличной артиллерийской позицией.

Если принять во внимание уже существовавший бастион у Вроцлавских ворот, то этот район города мог стать наиболее защищенным, если бы фортификационные работы на Гарбарском шанце и на участке, прикрывавшем иезуитский коллегиум были начаты вовремя. Коллегиум мог бы использоваться в качестве своеобразной бастионной куртины (вал, соединяющий бастионы), а протекавший рядом Кармелитанский ручей – послужить дополнительным элементом обороны. Этого не произошло, поскольку Гарбарский шанец

² В 1655 г., после оккупации города, шведы приступили к разработке системы современных укреплений Познани, которые, впрочем, так и остались в планах [18].

в свое время строился в спешке и не был завершен до конца, так же как и участок укреплений перед иезуитским коллегиумом, в котором жители в 1703 г. заделывали бреши подручным материалом буквально на глазах подходивших к Познани шведов [4. S. 124].

По причине несовершенства, а то и отсутствия современных укреплений, при обороне города приходилось использовать главным образом башни внешних стен, приспособленные для установки орудий. Однако некоторые из них также были в плачевном состоянии, в связи с чем, например, на стене у Вроцлавских ворот можно было установить только одно орудие. Утраты по всему периметру стен были такими значительными, что из 38 орудий, которыми располагал город к концу 1703 г., на них можно было установить едва ли несколько [20. Л. 52об.—53]. Таким образом, город, хотя и осуществив некоторые, правда, скорее символические, мероприятия по подготовке к обороне, в итоге оказался к ней не готов. В этой ситуации не было ничего удивительного в том, что Познань сдалась шведам.

Шведы, заняв город, сразу приступили к ремонту оборонительных сооружений, и, прежде всего, к их расширению и приведению в соответствие со стандартами оборонительного искусства того времени. Большой частью это были земляные работы по укреплению шанцев (земляные укрепления для защиты артиллерийских орудий) [12. S. 256]. Была также начата установка палисадов, прикрывавших наиболее уязвимые места. Позднее был начат ремонт стен за Вроцлавскими воротами, а также на других участках, требовавших обновления. Были также снесены все постройки, которые прилегали к городским стенам. Велась подготовка квартир для армии и помещений для караульных на стенах [19. I 2022. S. 22–27].

В итоге, во-первых, шведам удалось перестроить бастион у Вроцлавских ворот, который был надстроен и усилен внутренним валом. Въезд в него расположили в боковой части, в куртине, что усилило оборонительную мощь всего сооружения. Шведы завершили строительство Гарбарского шанца, придав ему окончательную форму и профиль, включая вал, ров и бруствер. Шанец закрывал путь на Гарбары, опираясь флангами на Кармелитанский ручей и Варту. Для защиты слабой одиночной стены у иезуитского коллегиума был насыпан еще один шанец на высоте Темной калитки (небольшие ворота). Укрепление оказалось протяженным, поскольку прикрывало стену от Темной калитки до Водных ворот (правда, ко времени осады города войскам Паткуля шанец завершен не был). Появился также редут на лугу у Кармелитанского ручья. Дополнительно оккупанты построили совершенно новое укрепление — так называемый Мельничный шанец. Он обезопасил их от возможного нападения противника через Варту с востока. Наконец, были насыпаны шанцы на Хвалишеве и на Дамбе, которые защищали мост через Варту, установлен палисад на берегу Варты на высоте Гарбарского шанца, протянувшийся до моста у Больших ворот, а на участке от Вроцлавских Ворот до Замка расположены в несколько линий «испанские козлы» (легкие оборонительные заграждения в виде поперечных балок, к которым под разными углами крепились заостренные палки). Такие же «козлы» появились у самих Вроцлавских ворот и к югу от них, чтобы лишить противника возможности атаковать с этой стороны. Были разрушены или сожжены несколько зданий, которые могли стать помехой при обороне. Сожгли также большую часть познанских мостов. Следует, однако, подчеркнуть, что подобные разрушения не были осуществлены шведами повсеместно,

чем воспользовались во время осады войска Паткуля, получив в ряде мест под городом прикрытие как для своей артиллерии, так и солдат.

В феврале 1701 г. в Биржах был заключен договор между Августом II и Петром I, согласно которому обе стороны обязывались воевать против общего врага — Швеции и не заключать с ней сепаратного мира. Дополнительно Петр I брал обязательство прислать Августу II 12000 солдат и выплатить в течение трех лет 100000 талеров [5. С. 18].

Следуя своим обязательствам, русская сторона летом 1704 г. сформировала в Киеве корпус вспомогательных войск. Три из входивших в него полков — полковника Андрея Романовского (895 чел.), Дениса Бильса (956 чел.) и Петра Левенстона (979 чел.) — были сформированы в 1700 г. и имели какой-то боевой опыт. Остальные были созданы непосредственно перед отправкой к Августу II: четыре полка — полковника Ивана Конишева (975 чел.), полковника Василия Данилова (910 чел.), Ивана Нелидова (865 чел.) и Иоахима Гулица (937 чел.) в 1703 г.; и еще два полка — майора Германа фон Делдина (919 чел.) и майора Артемия Кривцова (942 чел.) — на рубеже 1703—1704 гг. К ним добавились полк Бориса Батурина (972 чел.) и полк смоленских стрельцов Дмитрия Каховского (438 чел.). В середине июня 1704 г. корпус состоял из 11 полков, насчитывавших вместе 88 рот общей численностью 9852 чел. [21. С. 93].

Во главе корпуса стоял киевский губернатор князь Дмитрий Михайлович Голицын. В августе 1704 г. под Сокалем он соединился с армией Августа II. Командование русскими войсками в тот момент перешло к Иоганну Рейнгольду Паткулю, генерал-поручику на службе Петра I. На 18 августа численность русского корпуса составляла 9086 чел. Паткуль, приняв командование, реорганизовал русские части, создав из них девять полков под командованием саксонских и немецких офицеров, перешедших на русскую службу, тогда как русские офицеры были оставлены в чинах подполковников и майоров (заместителей). Корпус состоял теперь из полков Паткуля (1088 чел.), Гольштейна (1096 чел.), Романовского (1076 чел.), Гулица (1067 чел.), Герца (1106 чел.), Беллинца (1086 чел.), Шепинга (1016 чел.), Бильса (1092 чел.) и батальона стрельцов подполковника Пауля Румора (460 чел.) [21. С. 93].

Прибытие русских войск, а также саксонских отрядов генерала Маттиаса фон дер Шуленбурга, сделало возможным для Августа II попытаться овладеть Варшавой и вернуть утраченные земли. В том числе он решил выделить из главной армии корпус для марша на Познань, чтобы взять город и освободить таким образом дорогу в Саксонию [22. 1704 г. Д. 50. Л. 30—31, 45].

С этой целью польский король направил в Великую Польшу генерал-поручика Михала Брандта с конницей и Иоганна Рейнгольда Паткуля с пехотой [2. S. 45]. В состав последней вошла часть русского вспомогательного корпуса численностью 4200 чел. Это были пехотные полки Паткуля (девять рот, 896 чел.), Гольштейна (девять рот, 943 чел.), Гулица (девять рот, 976 чел.), Бильса (девять рот, 894 чел.) и батальон стрельцов Румора (четыре роты, 432 чел.) [22. 1705 г. Дела Паткуля. Д. 2. Л. 30]³. Конница Брандта состояла из 37 польских хоругвей (четыре-шесть тысяч чел.), двух тысяч заднепровских казаков и двух-трех тысяч саксонских кирасиров и драгун (полк кирасиров Бойста, полк наследника престола, полк Айхштедта, Герсдорфа и неполные драгунские полки Бранденбург-Байройта и Эртцена [23. S. 161]). Весь

³ Об организации и численности русского вспомогательного корпуса на польско-саксонской службе в 1704—1706 гг. см. [21. С. 93—94].

корпус союзников насчитывал около 12–15 тыс. чел. с шестью полковыми орудиями. Осадная артиллерия, состоявшая из 17 пушек (из них восемь тяжелых орудий – 18-фунтовых полукартаун) и немногочисленных мортир, вместе со всеми необходимыми припасами должна была быть прислана вдогонку из Дрездена [4. S. 223].

Шведский гарнизон Познани под командованием Габриэля Лилленхука насчитывал около 500 чел.: 400 солдат пехоты (по 200 из Зюдерманландского и Кроноборгского полков) и роты (около 100 чел.) лейб-драгун с 14 орудиями, из которых четыре (трехфунтовых) были шведскими, а десять – взяты из познанского цейхгауза. Остальные 38 местных орудий, судя по всему, либо не представляли боевой ценности, либо не имели снаряжения, или же, наконец, у шведов не было возможности установить их на позициях, коль скоро все они не были использованы в ходе военных действий [4. S. 224].

Дополнительно гарнизон был усилен тремя полками драгун под командованием генерала Иоганна Августа Мейерфельда. Наиболее оптимистичные оценки численности шведских сил составляют 2000 чел. Однако, по сведениям датского посла Йессена, отряд Мейерфельда насчитывал 1200 чел., что снижает общую численность гарнизона до 1700 солдат. Самым старшим по званию среди шведских офицеров был генерал-майор А.А. Мардефельд [2. S. 52; 4. S. 224]. Он, Мейерфельд и Лилленхук образовали своеобразный военный совет, руководивший обороной города.

Первым на Познань выступил генерал Брандт с конницей, имея своей задачей прикрыть пехоту от возможной атаки из Торуня, а также разведать окрестности, собрать информацию об укреплениях и гарнизоне города. 28 сентября передовые разъезды Брандта подошли к Познани с восточной стороны. Генерал двинулся к переправе через р. Варту, где ранее располагался наведенный Шуленбургом мост, позднее уничтоженный шведами. Уровень воды в реке был низкий, и конница Брандта стала переходить реку вброд. На противоположном берегу уже находилось около 300 чел., когда 350 шведских драгун во главе с графом Нильсом Гилленстремом совершили вылазку и загнали саксонцев обратно в реку [2. S. 53–54].

29 сентября к Познани подошел Паткуль с остальными силами [2. S. 46–47]⁴, соединившись с Брантом в нескольких километрах от города, на правом берегу Варты. Союзники заняли позиции в сожженных шведами предместьях и приступили к регулярным осадным работам, стараясь как можно ближе подобраться к городским укреплениям и расположить батареи в соответствии с общепринятыми правилами инженерного искусства, в первую очередь на холме святого Мартина. В остальных местах по причине болотистой почвы окопы укрепляли корзинами и фашинами (перевязанные связки прутьев и пучков хвороста), наполненными землей. Для защиты от обстрела со стороны защитников города использовали каменные стены костелов, а также дома, которые не успели сжечь шведы. После прибытия артиллерии из Дрездена осаждающие располагали 17 орудиями калибром от 6 до 18 фунтов [24. S. 91], а также немногочисленными мортирами. 14 октября была готова батарея для обстрела города и стены между замком и Вроцлавскими воротами [4. S. 225].

⁴ Как отметил К. Яроховский, командующий российским корпусом Паткуль был наполовину солдат, наполовину – дипломат. Это оказало влияние на всю кампанию, в том числе и на осаду Познани. См. также письма Паткуля и Августа II [11].

В течение двух недель происходили стычки саксонских и казацких разъездов с собирающими припасы в окрестностях города шведскими драгунами. Однако, как отметил еще К. Яроховский, дневник осады генерала Мардефельда не зафиксировал вплоть до 14 октября никаких значительных действий со стороны осаждающей армии. Шведы тем временем интенсивно готовились к отражению возможных приступов. Жители получили приказ запастись большим количеством воды и земли на случай пожара. Евреям было поручено «тушение бомб», забрасываемых в город [9. S. 346; 10. P. 128].

Запасы продовольствия у захвативших Познань шведов были скудными, несмотря на то, что им достался провиант, собранный в свое время для шляхетского ополчения, что в дополнение к которому сами они собрали с окрестных населенных пунктов некоторое количество продуктов. Поэтому Лилленхук возражал против того, в город войдет еще и отряд Мейерфельда, что грозило более скорым исчерпанием и без того небольших запасов продовольствия и фуража. Однако в итоге Мардефельд настоял на том, чтобы пустить в город подкрепление [13. S. 183–184]. В дальнейшем осажденные в Познани шведы столкнулись с определенными трудностями в деле пополнения запасов продовольствия и фуража [2. S. 56–57], хотя возможности для этого не были полностью исчерпаны благодаря тому, что союзники не сразу блокировали город полностью. Шведы сохранили контроль над мостом через Варту напротив Больших ворот, и, соответственно, над дорогой в направлении Хвалишево и Тумского острова [2. S. 56–57], по которой в город можно было доставлять собранный в окрестностях провиант.

15 октября 1704 г. началась осада Познани по всем правилам военного искусства. Союзники заняли позиции на левом берегу Варты, охватив широким полукругом городские укрепления от монастыря бернардинцев, через костел св. Мартина и до монастыря Ордена босых кармелитов и костела св. Войчеха. При этом, как уже отмечалось, Познань не была блокирована полностью. Ставка командования союзников расположилась в постройках костела св. Мартина, там же, где и самая большая осадная батарея. 15 октября из шести десятифунтовых орудий она начала обстрел Вроцлавских ворот и стены, тянувшейся влево от них в сторону города. Со стороны занятого саксонцами монастыря бернардинцев огонь велся в направлении Гарбарского шанца. Обстрел с обеих батарей непрерывно продолжался всю ночь с 15 на 16 октября [2. S. 59–60].

Шведское командование приняло решение известить о своем положении Карла XII. 15 октября через Большие ворота из города выехал майор Отто Рейнгольд Дудерберг с десятью драгунами. Его задачей было добраться либо до самого Карла XII, либо до генерала Реншильда. Дополнительно в качестве прикрытия майору выделили отряд из 150 драгун, которые, проведив посланца через мост до Сваржендза, благополучно вернулись в город [9. S. 345; 10. P. 127; 1. S. 399; 2. S. 61; 3. S. 133–134]. Паткуль таким образом и через две недели после начала осады не смог перекрыть возможность подобных вылазок, несмотря на то, что располагал достаточным количеством людей.

После ночного обстрела день 16 октября был относительно спокойным [10. P. 128; 7. S. 362; 1. S. 399]⁵, однако к вечеру артиллерийский огонь возобновился. Канонада продолжалась всю ночь до 5 часов утра. После короткого перерыва обстрел продолжался весь следующий день 17 октября. 18 октября

⁵ Не считая небольшой поездки шведской команды в Острув Тумски для поставок.

сильный артиллерийский огонь был направлен в основном на Вроцлавские ворота и на стену между ними и замком. Шведы, предвидя, что в этом месте стена может рухнуть, начали насыпать параллельно ей земляной вал. Дополнительно они укрепили находящийся там же монастырь терезианок [9. S. 347]. Осаждающие также не бездействовали. 18 октября маршал сеймика Познаньского и Калишского воеводств Людвик Шолдорский, который находился в лагере Паткуля под Познанью, издал универсал, призывавший великопольскую шляхту под Познань в ополчение. в целях оказания помощи Августу II [25. S. 439]. Наконец к городу прибыла артиллерия из Саксонии, и осаждающие тотчас приступили к установке новых орудий. 19 октября продолжалась бомбардировка города. На холме св. Мартина находилось уже 17 орудий, которые обстреливали Познань с раннего утра до полудня, а затем после перерыва — с 16.00 до 22.00 — настолько успешно, что в стене у Вроцлавских ворот образовался пролом. Мардефельд, получив известие, что противник готовит ночной штурм на этом участке укреплений, приказал направить туда подкрепление. Однако ночь прошла без происшествий [9. S. 347; 10. P. 128; 1. S. 400; 2. S. 62–63].

20 октября осаждающие вновь обстреливали Вроцлавские ворота, прилегающую к ним стену и Гарбарский шанец. В результате пролом расширился [9. S. 348; 10. P. 128–129; 1. S. 400; 7. S. 362]. Шведы ожидали штурма каждую минуту и поэтому с 20 октября начали усиливать людьми проблемные участки, а кроме того расположили поблизости отряд пехоты для проведения контратаки [9. S. 348; 10. P. 129; 1. S. 400; 3. S. 137]. 21 октября канонада продолжилась, лишь 22 октября наступило затишье до вечера, когда батареи возобновили обстрел пролома у Вроцлавских ворот, продолжавшийся всю ночь, а также на следующий день. Пролом становился все шире, и шведы стали забрасывать его фашинами. Пытаясь помешать им, саксонцы и русские вели мушкетный огонь по работникам, но без заметного результата [9. S. 349]. 24 октября ширина пролома превысила 15 м [2. S. 63–64]. В этих условиях Мадефельд приказал дополнительно усилить монастырь терезианок отрядом пехоты и убрать землю и обломки стены, лежавшие в проломе. Шведский военачальник предполагал в случае штурма с этой стороны предпринять мощный контрудар с помощью укрытого в монастыре отряда пехоты [3. S. 137]. Дело ограничилось, однако, лишь мушкетным огнем, от которого погибли несколько работников, задействованных на чистке пролома [1. S. 300; 2. S. 63–64].

Паткуль так и не решился воспользоваться результативной работой артиллерии и штурмовать город через пролом. Вместо этого 25 октября он решил захватить Хвалишевский мост, чтобы перекрыть шведам возможность пополнения запасов провизии. С этой целью со стороны монастыря бернардинцев на правый берег Варты был направлен отряд солдат с несколькими пушками. Он занял мост и Хвалишево, а затем начал обстрел Больших ворот и находившихся за ними домов [9. S. 349–350; 10. P. 131]. После захвата Хвалишева город, наконец, был полностью окружен и все его коммуникации с внешним миром прерваны. В связи с этим шведам не оставалось ничего другого как разрушить Хвалишевский мост. На состоявшемся после полудня военном совете с участием Мардефельда, Мейерфельда и Лилленхука было решено сжечь его. Выполнение этого задания было поручено капитану Пульману, который во главе подразделения подобрался через Большие ворота к мосту и поджег его на глазах у противника, который никак не смог этому помешать [9. S. 349–350; 10. P. 132].

В тот же самый день осаждающие начали строить новую батарею напротив замка. Шведы узнали об этом в ночь с 25 на 26 октября, после чего

Мардефельд дополнительно усилил находящийся напротив этой батареи участок 40 солдатами и приказал стрелять из мушкетов по работникам, чтобы затруднить их действия [10. P. 131]. Действия шведов оказались эффективными, и осаждающие прекратили работы на этом участке. Вместо этого уже 26 октября они стали сооружать батарею на холме св. Войчеха у тамошнего костела. К вечеру 26 октября батарея из нескольких орудий была готова, а 27 октября она начала непрерывный и прицельный обстрел Вронецких ворот и прилегающей к ним стены. В результате уже вечером того же дня в этой стене был сделан пролом шириной более десяти метров.

Под вечер обстрел прекратился и вскоре, подав соответствующий сигнал, и у Вроцлавских ворот появился саксонский трубач с письмами к шведскому командованию [1. S. 401; 2. S. 64–67; 3. S. 138–139; 9. S. 353]. Вероятнее всего, Паткуль пошел на этот шаг после получения писем от Станислава Шембека [22. 1704 г. Д. 16. Л. 77–77об.], а также Августа II [22. 1704 г. Д. 16. Л. 78], в которых содержалась информация о том, что Карл XII выступил из Львова. В связи с этим Паткуля и генерала Брандта с кавалерией отзывали в главную армию, а взятие Познани решено было поручить пехотным частям, передав их под командование генерала Плера. Карл XII 25 сентября действительно оставил лагерь под Львовом. 28 октября он форсировал Вислу, вследствие чего Август II приказал всем своим войскам отходить на запад [26. S. 68].

Пользуясь перерывом в обстрелах, Лилленхук еще вечером того же дня приказал дополнительно усилить участок у Вронецких ворот 20 людьми [9. S. 351]. 28 октября 100 человек получили приказ заполнить землей достигавший 23 м пролом возле этих ворот, оставив с каждой стороны свободное место шириной в полметра на случай возможной вылазки [9. S. 353]. Готовясь к вероятному штурму, непосредственно за воротами шведы насыпали вал с глубоким рвом и превратили находящийся рядом монастырь катажинок в подобие оборонительного бастиона, где расположились 60 чел. под командованием подполковника Хагена [9. S. 353].

Всю ночь с 28 на 29 октября осаждающие вновь интенсивно обстреливали город. К этому моменту в Познани стал заканчиваться фураж. В связи с этим генерал Мардефельд приказал вывести из города и умертвить 300 лошадей [7. S. 363]⁶. Мардефельд также сообщает, что в этот день шведы совершили небольшую вылазку. Через Вронецкие ворота вышли Пульман и Браун с отрядом в 150 человек, обстреляли позиции противника, убив несколько русских солдат, после чего отошли [10. P. 134]. 29 октября огонь батареи, расположенной на холме св. Войчеха, разрушил стену по правую сторону от Вронецких ворот. Образовался пролом, через который ядра через Вронецкую улицу долетали даже до рынка. Вследствие этого капитан Пульман получил приказ организовать вылазку во главе 180 солдат через Вронецкие ворота, чтобы атаковать батарею и заклепать ее орудия. Однако осаждающие быстро поняли намерения шведов [9. S. 354], сконцентрировав у костела св. Войчеха крупные силы. Шведы заметив это, в свою очередь, отказались от атаки [10. P. 135]. Не удалась также шведская вылазка, предпринятая капитаном Абрахамом Вандхольцем из Грабарского шанца. 30 октября пролом справа от Вронецких ворот расширился до 30 м [9. S. 355–356]. Это создавало необходимые условия для проведения штурма, который шведы ожидали буквально каждую минуту. Гарнизон города находился постоянно под ружьем, будучи готов выдвинуться

⁶ Сам Мардефельд, впрочем, сообщает, что речь шла о 100 лошадях [10. P. 134].

в любое место, какое ему укажут. Шведские драгуны стояли в боевом строю на рынке, ожидая приказ о марше⁷. Два орудия, заряженные картечью, были дополнительно расположены напротив Вронецких ворот, а рядом с ними в монастыре катажинок находились 180 солдат. 31 октября пролом у Вронецких ворот увеличился вдвое, но несмотря на это, штурм не начинался. Более того около полудня бомбардировка Познани прекратилась, а у Вроцлавских ворот появился трубач с письмами к Мейерфельду и Лилленхуку, в которых содержалось предложение обмена пленными [9. S. 356; 13. S. 185].

Казимир Яроховский обратил внимание, что хроника осады фиксирует 1 ноября только непрерывный обстрел города из орудий и мушкетов [9. S. 357; 10. P. 138], а также постоянную готовность шведского гарнизона к отражению штурма. Таким образом, на протяжении всех 17 дней осады саксонцы и русские так и не решились предпринять ни одной попытки взятия города [1. S. 403; 2. S. 68–72; 7. S. 364–365].

В 9 часов утра 2 ноября, после нескольких выстрелов, к Вроцлавским воротам прибыл посланный Паткулем трубач [13. S. 186; 9. S. 357–358; 10. P. 139; 2. S. 81–82]. В тот же день, уже в сумерках, до города добрался бежавший из саксонского плена шведский солдат, который сообщил, что в неприятельском лагере говорят об отходе, демонтируют батареи, а 17 орудий уже отвели от города. Вскоре все шведские посты подтвердили эту информацию, однако обороняющиеся сохраняли бдительность всю ночь с 2 на 3 ноября, опасаясь, что все это может оказаться военной хитростью со стороны противника. Однако утром 3 ноября выяснилось, что под Познанью уже нет польских, саксонских и российских войск. В 9 часов с башни познанской ратуши можно было наблюдать, как конница и пехота отходят на юго-запад. Для прикрытия отступления возле города оставались лишь немногочисленные отряды саксонской конницы. Однако к вечеру 3 ноября ушли и они [2. S. 83–85].

Карл XII во главе своих основных сил подошел к Познани 6 ноября [8. S. 189]: «А король шведский, получив о сем известие, от дальнейшего русских краев разграбления отказался, как мог скоро из Львова со всем войском своим на помощь Познанью бросился, а когда к Варшаве приближался, король Август, не имея в сих обстоятельствах сил, чтоб столь многочисленному войску шведскому сопротивление оказать, бежал с восемью тысячами саксонцев на Ченстохову в Краков, а под Познань как мог скоро дал в лагерь знать, чтоб уходили скорее» [27. S. 72].

Мардефельд [10. P. 140] сообщал, что шведы потеряли всего девять солдат убитыми, в том числе одного поручика и одного унтер-офицера пехоты. В свою очередь, Лилленхук [9. S. 358] свидетельствовал, что шведские потери составили 14 убитых, в том числе поручик и унтер-офицер, кроме того, один офицер и 27 рядовых были ранены, а среди жителей Познани погиб поляк и был ранен еврей. У осаждавших потери пехотные части потеряли 405 чел., кавалерия – 23, включая убитых и раненых [22. 1704 г. Д. 16. Л. 178]. Если принять во внимание, что обстрел продолжался две недели, то потери защитников были относительно малыми, тогда как урон, понесенный саксонско-русскими силами представляется несоизмеримо большим.

⁷ К пролому у Вронецких ворот и Екатерининскому монастырю был подтянут крупный шведский отряд из 460 чел. под командованием майора Ротузена и Борнмана [7. S. 364; 2. S. 68–72; 1. S. 402–403; 9. S. 355–356; 10. P. 137].

Эффективность артиллерийского обстрела оказалась весьма низкой. По роду было выпущено около четырех тысяч ядер, но согласно одной немецкоязычной реляции, ими был убит только один человек [28]⁸. Кроме того, в течение всей осады осаждающим не удалось вызвать в городе ни одного пожара. Этому способствовали в том числе и активные и решительные действия коменданта города. Главной проблемой, с которой пришлось столкнуться командованию гарнизона, была нехватка запасов продовольствия. Когда корпус Паткуля отошел, провианта оставалось только на неделю. Можно предположить, что если бы войска Паткуля сразу же по прибытии под Познань плотно блокировали город, не позволяя шведам выходить за фуражом и провизией в Хвалишево, то к концу октября гарнизону было бы нечего есть, что, несомненно, повышало шансы его капитуляции. Однако этого не случилось.

Следует также подчеркнуть, что общее состояние оборонительных сооружений после осады оставляло желать лучшего⁹. Наиболее пострадал район между замком и Вроцлавскими воротами, особенно та его часть, которая прилегала к воротам. С обеих их сторон от них стена практически перестала существовать. Частичному разрушению подверглись и Вронецкие ворота. Менее значительными были разрушения на участке от иезуитского коллегиума до Больших ворот, что возможно свидетельствовало о неплохом качестве новых оборонительных сооружений. Гарбарский шанец, несмотря на его бомбардировку, серьезно поврежден не был. Разрушениям подверглись также многочисленные здания, костелы и монастыри¹⁰.

Насколько обоснованным был столь быстрый отход от Познани русско-саксонских войск? К моменту получения приказа Августа II об отступлении, союзники готовили штурм¹¹, который, вне всякого сомнения, завершился бы взятием города. Главная шведская армия под командованием Карла XII могла подойти под Познань не ранее 6 ноября, что означало, что Паткуль имел в запасе несколько дней. Однако, не имея точных сведений о месте нахождения Карла XII, Паткуль и Брандт не хотели рисковать и скрупулезно выполнили королевский приказ [9. S. 358; 1. S. 406–407; 2. S. 83–85].

Очевидным просчетом Паткуля было то, что город был полностью окружен кольцом союзных войск только спустя более чем три недели после их прибытия под Познань. Тем не менее осаждающие основательно закрепились на возвышенностях, господствующих над городом, и вблизи городских стен.

⁸ На немецком языке, место издания неизвестно. Этот отчет, также без выходных данных, был опубликован и на шведском языке [29].

⁹ Сеймик калишского и познанского воеводств отметил значительные разрушения и убытки, понесенные Познанью в результате осады [25. S. 452–455].

¹⁰ Некоторые подробности о последних осадах содержатся в письме монахини ордена иезуитов Агнешки приору ордена Паулинов в Ченстохове, отцу Иннокентию Похорскому: «С 14 октября, кануна дня св. Матери Терезы наш небольшой монастырь, словно цель, аж до 3 ноября бомбардировали большими калеными ядрами, в каждом из которых было более 18 фунтов железа, а также гранатами и зажигательными снарядами. [...] Нельзя и описать многообразия наших мучений, которые мы испытали, когда пришельцы, захватив нашу монастырскую ограду, которая была частью городской стены, повалили ее на землю, насыпали там шанец, а мы были буквально обложены трупами по самые окна» [30. К. 254v–255].

¹¹ Указанный штурм должен был произойти 28–31 октября, тем более что Паткуль, вероятно, знал, что каждый день задержки угрожает провалом всей операции. 28 октября он получил информацию о том, что Август II покидает Варшаву, опасаясь приближающегося Карла XII. Король Швеции знал, что потеря Познани может быть опасной для него. Поэтому марш шведских войск ускорился, и 30 октября основные их силы были в Раве, 2 ноября – в местечке Пентек, а 3 ноября – в Унеюве. Узнав об этом Паткуль, решил свернуть осаду Познани [3. S. 143].

Главные их усилия поначалу были сконцентрированы на двух участках: от замка до Вроцлавских ворот и между Темной калиткой и Водными воротами. Выбор первого направления очевиден — указанная позиция господствовала над городом и прикрывавшей его одиночной стеной, которую легко можно было разрушить, сконцентрировав обстрел в одной точке. В свою очередь, обустройство другой позиции в монастыре бернардинцев, направленной против участка, который прикрывал Гарбарский шанец, было, скорее, попыткой отвлечь внимание и распылить силы защитников.

Гарбарский шанец выдержал осаду, не получив значительных повреждений, что свидетельствовало о возможности оборонительных сооружений такого типа успешно противостоять осаждающим, вооруженным артиллерией. Ошибкой осаждающих стала попытка строительства батареи напротив расположенного на возвышенности замка. Подобный шаг выглядит странным, учитывая наличие более подходящих мест, таких как холм св. Войчеха, где батарея в итоге и была установлена. Эта артиллерийская позиция оказалась в итоге самой лучшей, поскольку огонь с нее дал наибольший эффект в виде внушительных, шириной в несколько десятков метров, проломов в стене по обеим сторонам Вронецких ворот.

Верным, но запоздалым решением Паткуля стал захват Хвалишевского моста, переброска туда людей и орудий и начало обстрела Познани с этой стороны. Если бы осаждающие с самого начала полностью замкнули кольцо блокады вокруг города (тем более, что они имели для этого достаточно людей и средств), а также синхронизировали обстрел четырех различных точек Познани, что повлекло бы за собой более полноценное разделение сил оборонявшихся, и наконец, после образования проломов предприняли одновременные атаки укреплений противника в разных местах (частью отвлекающие), то город пал бы в течение нескольких часов.

Однако развитие ситуации оказалось иным, поскольку главнокомандующий — И.Г. Паткуль не смог должным образом организовать осаду и обеспечить взятие Познани. Трудно сказать, что стало главной причиной неудачи — некомпетентность и сомнение самого Паткуля либо отсутствие боевого опыта у большинства солдат из осаждавшего Познань русско-саксонского корпуса. Так или иначе, но несмотря на численное превосходство, а также сильную артиллерию и наличие трех проломов в стене, Паткуль не решился на штурм, хотя все необходимые условия для его начала были созданы. Приказ главнокомандующего к атаке мог стать тем решением, которое обеспечило бы переход Познани под контроль Августа II уже 28 октября, после разрушения стены возле Вронецких ворот (или образования второго пролома стенах Познани) [1. S. 406–407].

В результате неудачной осады и ухода войск Паткуля от города, Познань осталась стратегическим центром шведского господства в Великой Польше на несколько последующих лет. Там располагался сильный шведский гарнизон. Такое положение дел сохранялось до июня 1709 г., когда в город проникла эпидемия, распространившаяся к этому времени по всей Великой Польше. Болезнь бушевала в Познани до февраля 1710 г., в результате нее город буквально обезлюдел. Однако еще в августе 1709 г. после поражения Карла XII под Полтавой оккупационный гарнизон окончательно покинул Познань в связи с выводом всех шведских войск из Речи Посполитой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Kościelniak K.* Niewykorzystana szansa. Oblężenie Poznania z 1704 r. przez Jana Reinholda Patkula // Twierdze osiemnastowiecznej Europy. Studia z dziejów nowożytnej sztuki wojskowej / red. *Trąbski M.* Częstochowa, 2018. T. 2
2. *Jarochowski K.* Oblężenie miasta Poznania przez Patkula. Epizod kampanii roku 1704. Poznań, 1879.
3. *Olejnik K.* Z wojennej przeszłości Poznania. Poznań, 1982.
4. *Pilarczyk Z., Danielewski M., Kościelniak K.* Wojenny Poznań. Fortyfikacje i walki o miasto do XVIII wieku. Poznań, 2017.
5. *Великанов В.* Русский вспомогательный корпус на польско-саксонской службе в 1704–1707 гг. и сражение при Фрауштадте. М., 2018.
6. *Zwierzykowski M.* Samorząd sejmikowy województw poznańskiego i kaliskiego w latach 1696–1732. Poznań, 2010.
7. *Łukaszewicz J.* Obraz historyczno-statystyczny miasta Poznania w dawniejszych czasach. Poznań, 1838. T. 1–II.
8. *Boras Z., Trzeciakowski L.* W dawnym Poznaniu. Fakty i wydarzenia z dziejów miasta do roku 1918. Poznań, 1971.
9. *Lilliehöök G.* Relationer af ofversten vid Kronobergs regemente Gabriel Lilliehöök d. 2 Maj 1703–1 Jan 1705 // *Karolinska Krigares Dagbocker.* Lund, 1918. T. XII.
10. *Mardefeld A.A.* Extrait d'un Journal fort ample, écrit par le Baron de Mardefeld, Major-Generaal, touchant tout ce qui s'eff passe avant & pendant le Siege de Possnanie, l'an 1704 // *Adlerfeld G.* Historie Militaire de Charles XII roi de Suede. Paris, 1741. T. II.
11. *Sächsische Hauptstaatsarchiv Dresden.* 10026 Geheimes Kabinett. Loc. 3616/1, 3616/2.
12. *Kronika Bernardynów poznańskich* / oprac. S.B. Tomczak, J. Wiesiołowski. Poznań, 2002.
13. *Kronika poznańskich Karmelitów Bosych* / oprac. P.F. Neumann. Poznań, 2001.
14. *Pilarczyk Z.* Organizacja obrony Poznania od połowy XIII do końca XVIII w. // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości.* 1988. T. XXX.
15. *Kościelniak K.* Battle of Poznań of 19 August 1704 between the Saxon and Swedish armies // *Economics, Politics and Regional Development.* 2020. Vol. 1. № 2.
16. *Podhorecki T.* Opis Poznania z roku 1787 // *Kronika Miasta Poznania.* R. X (1932). № 1.
17. *Kaniecki A.* Adaptacja Bogdanki dla celów obronnych i gospodarczych miasta // *Kronika Miasta Poznania.* Mury miejskie. 1996/1.
18. *Źródła kartograficzne do dziejów Poznania.* Katalog wystawy. Poznań, 1998.
19. *Archiwum Państwowe w Poznaniu.* Akta Miasta Poznania.
20. *Российская национальная библиотека в Санкт-Петербурге.* Отдел рукописей Ф. 958. Разн. F. IV. № 183.
21. *Великанов В.* Русский вспомогательный корпус на польско-саксонской службе. 1704–1706. Организация и численность // *Военно-исторический журнал «Старый Цейхгауз».* № 46 (2/2012). 2012.
22. *Российский государственный архив древних актов.* Москва. Ф. 79. Оп. 1.
23. *Schuster O., Francke F.U.* Geschichte der Sächsischen Armees. Leipzig, 1885. Bd. 1.
24. *Adlerfeld G.* The military history of Charles XII, King of Sweden. London, 1740. T. 2.
25. *Zwierzykowska M.* Akta sejmikowe województw poznańskiego i kaliskiego. Lata 1696–1732. Poznań, 2008.
26. *Feldman J.* Polska w dobie wielkiej wojny północnej 1704–1709. Kraków, 1925.
27. *Otwinowski E.* Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II od roku 1696–1728. Kraków, 1849.
28. *Relation von der Blockade und Belagerung der Stadt Posen von medio Septembris bis zum 3. Novembris 1704.*
29. *Relation, om Staden Posens blockad och belägring, vilken ifrån.*
30. *Archiwum na Jasnej Górze w Częstochowie.* Sygn. 2096.

ПОЛЬНЫЙ ГЕТМАН ЛИТОВСКИЙ ГРИГОРИЙ ОГИНСКИЙ И ЦАРЬ ПЕТР I В КОНЦЕ 1708 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1709 ГОДОВ

*Nie zwykłem nigdy interessowi
waszej carskiej mści sinistre życzyć¹*

Из письма Г. Огинского Петру I.

© 2021 г. К.А. Кочегаров

Канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

kirill-kochegarow@yandex.ru

Статья посвящена связям одного из лидеров так называемых литовских республиканцев – польного литовского гетмана Григория Огинского и царского правительства в один из самых сложных для России периодов Северной войны (от начала похода Карла XII на восток до кануна Полтавской битвы). Военно-политическая активность Г. Огинского и его постоянные контакты с русской стороной стали теми факторами, которые, с одной стороны, воспрепятствовали проникновению на Волинь и Правобережную Украину отрядов шведского союзника Станислава Лещинского, с другой – обеспечили более тесное взаимодействие с Россией коронных войск Сандомирской конфедерации под предводительством великого гетмана А. Сенявского.

The article analyses the relationships between one of the leaders of the so-called Lithuanian republicans, the Field Hetman of the Grand Duchy of Lithuania Hrehory Ogiński and the tsar's government in one of the roughest periods of the Great Northern War (from the beginning of the Charles XII's Eastern campaign to the eve of the battle of Poltava). Military and political activity of Ogiński and his regular contacts with the Russian side from the one hand prevented the invasion on the Right-Bank Ukraine and Volhynia of the troops of the Swedish ally, Stanisław Leszczyński, on the other hand – it inspired closer interaction between Russia and the Crown army of Sandomierz Confederation under the leadership of Crown Hetman Adam Sieniawski.

Ключевые слова: Г.А. Огинский, Петр I, литовские республиканцы, Россия, Речь Посполитая, русско-польские отношения.

Keywords: Hrehory Ogiński, Peter I, Lithuanian republicans, Russia, Polish-Lithuanian Commonwealth, Russian-Polish relationships.

DOI: 10.31857/S0869544X0014062-1

¹ «Не обык я никогда интересом вашего царского величества противно желать».

Северная война 1700–1721 гг. стала переломной эпохой для русского-польских отношений, когда равновесие, зафиксированное договором о Вечном мире 1686 г., сменилось ошутимым превосходством нарождавшейся Российской империи над Речью Посполитой. Характерным индикатором этого стало появление в польско-литовском государстве магнатских группировок, которые связывали с Россией свои долгосрочные политические интересы. Пионерами здесь стали вельможи Великого княжества Литовского, контакты которых с русским государством традиционно были более активными [1. С. 134–147]. Катализатором этих контактов стал разгоревшийся в конце XVII в. гражданский конфликт между так называемыми литовскими республиканцами (Радзивиллы, Вишневецкие, Огинские и др.) и группировкой Сапег, выразившийся в том числе в битве под Олькениками (ноябрь 1700 г.). Проигравшие битву Сапег стали искать поддержки у Швеции, с которой в начале того же года начал войну союзник Петра Великого, король Польши и курфюрст Саксонии Август II. Республиканцы по понятным причинам обратились к России. На первый план в этих отношениях выдвинулся один из их лидеров – Григорий Антоний Огинский, с 1698 г. жмудский староста (одна из наиболее значимых сенаторских должностей), а впоследствии также польный гетман литовский (с 1703 г.) [2. С. 603–607]. Он сопровождал короля Августа во время свидания с царем Петром в Биржах в феврале 1701 г., в ходе которого русская сторона обратила на него внимание, как на одного из возможных союзников в борьбе со шведами в Литве. И действительно, в конце того же года, после того как переговоры Сапег и Огинского окончились неудачей, его отряды начали активные действия против шведских войск, а сам он заключил предварительное соглашение о совместных действиях с Россией, получив царское жалованье. В 1702 г. при активном участии Огинского соглашение было дополнено московским договором России с литовскими республиканцами о военной и финансовой поддержке последних со стороны царя. В помощь жмудскому старосте были направлены два стрелецких полка. В конце 1703 г. республиканцы во главе с Огинским и великим литовским гетманом М.С. Вишневецким заключили с царем новый договор о финансовой и военной поддержке. Современный польский исследователь Я. Бурдович-Новицкий справедливо утверждает, что «в политическом измерении республиканцы стали первой русской партией в Польше» [3. С. 310–342, 385–390, 441–446].

В 1704 г. Россия и Речь Посполитая заключили Нарвский договор о союзе против Швеции. Однако еще за несколько месяцев до его подписания, в Варшаве, при поддержке вступивших в страну шведов, образовалась конфедерация, объявившая о детронизации Августа. В 1705 г. конфедераты избрали «своего» короля – Станислава Лещинского и заключили союз со Швецией. Сторонники Августа в 1704 г. образовали Сандомирскую конфедерацию. В 1706 г. шведы вторглись в Саксонию, заставив Августа II заключить Альтранштадтский договор, по которому он отрекался от польской короны и разрывал союз с Петром. Сандомиряне отказались подчиниться Станиславу и шведам, сохранив приверженность союзу с Россией.

В 1704 г. положение литовских республиканцев было тяжелым, они вынуждены были отступать перед шведскими и сапегинскими войсками. Г.А. Огинский специально приезжал в лагерь к царю под Нарву, чтобы просить его о введении русских войск в Литву. Получив в помощь отряд полковника Г. Пфлюга, Вишневецкий и Огинский смогли в конце 1704 г. очистить Жмудь от сапегинских и шведских войск [4. Т. 3. С. 223–224, 709–710]. В ходе летней кампании 1705 г. Огинский прикладывал усилия по обеспечению провиантом

войск Б.П. Шереметева [4. Т. 3. С. 831]. В феврале 1706 г. Петр указывал ему продолжать поставки провианта и обеспечить безопасность пути отхода русских войск из Гродно [4. Т. 4. [Вып. 1]. С. 51, 62]. В том же году войску Огинского была передана 1 тыс. фузей [4. Т. 5. С. 369].

Огинский был первым из союзников Петра в Речи Посполитой, к которому царь обратился после получения известия об отречении Августа II, призывая его прибыть в Жолкву на военный совет [4. Т. 4. [Вып. 1]. С. 484–485]. После перехода на сторону шведов великого литовского гетмана М.С. Вишневецкого (1707 г.) положение Огинского как союзника царя в Литве и его связи с русским двором только укрепились. Так, искать соглашения с Вишневецким о возвращении его на сторону царя действовавший в Литве русский военачальник Р.Х. Боур должен был «с согласия» и по совету Огинского [4. Т. 5. С. 342–343].

В начале 1707 г. царь указал выплатить Огинскому 3 тыс. руб. жалования с обещанием, «что и впредь его царское величество не оставит» [4. Т. 5. С. 443, 444]. Всего в 1707 г. Огинский получил от русской стороны 7 тыс. руб. [4. Т. 8. Вып. 2. С. 808–809]. Весной 1707 г. в Вильно в помощь Огинскому были направлены драгуны под командованием полковника Ивана Горбова. Ему предписывалось, соединившись с гетманом, «обще над противными поляками поступать с совету Огинского». Аналогичные распоряжения получил Р.Х. Боур [4. Т. 5. С. 253]. Указы эти были результатом присланных к Петру от Огинского соответствующих статей, содержавших также просьбы о денежных суммах для литовского войска. На последнее прошение Петр, впрочем, ответил отказом в связи с тем, что посланная ранее союзникам в Польше царская казна была захвачена перешедшим на сторону шведов литовским генералом К. Сеницким, который заперся в Быхове [4. Т. 5. С. 256–258] (см. также [4. Т. 6. С. 267–270]). После взятия Быхова русскими войсками Огинскому, который участвовал в переговорах о сдаче крепости, велено было передать часть пленных для комплектования его войск [4. Т. 5. С. 335–337, 744–746; Т. 6. С. 236–239].

После того как в июле 1707 г. на Люблинской раде было провозглашено бескорольевье, Огинский направил Петру пункты, в которых просил, чтобы «староства, державы и экономии волные были на пропитание войска Великого княжества Литовского». Сообщая, что собирает утвержденное Люблинской радой семитысячное войско, Огинский просил прекратить «выбирать провиант» в Литве, тем более в имениях самого жмудского старосты и его сторонников, а также вывести оттуда часть русского войска. Краткие резолюции Петра содержали расплывчатое обещание отозвать в будущем из Литвы часть войск и издать универсал, запрещающий сбор денег и провианта сверх установленных норм [4. Т. 6. С. 114–115]. С конца 1707 г. при поддержке русской стороны Огинский приступил к комплектованию литовского войска [4. Т. 6. С. 114, 460]. В мае 1708 г. он послал комиссаров к руководителю посольских дел Г.И. Головкину, которые доставили «от него, Огинского, подлинную присягу его и всего войска Литовского за руками», а также компут (роспись войск), включавший 50 хоругвей. Комиссарам было вручено 10 тыс. руб. [4. Т. 7. Вып. 2. С. 789].

Военное сотрудничество Огинского с русской стороной осложнилось из-за масштабных реквизиций и грабежей русских войск в Литве. В направленном министрам (Г.И. Головкину и П.П. Шафирову) в январе 1708 г. послании Огинский жаловался на разорения его имений и имений союзников гетмана. Попытки жалоб к командирам находившихся в Литве отрядов не имели успеха – А.Д. Меншиков, Б.П. Шереметев, Н.И. Репнин и другие отделялись

обещаниями разобраться либо вовсе переадресовывали жалобу к другому военачальнику [5. 1708 г. Д. 11. Л. 3–4об.].

Летом 1708 г. отряды Огинского действовали в районе верховьев Днепра и Левобережной Украины, однако в процессе сотрудничества с русской стороной вновь возникли сложности. Гетман жаловался царю на враждебность украинских казаков, в том числе по отношению к жене, которую Огинский выслал на Украину ради безопасности, а также на А.Д. Меншикова, по приказу которого у литовского гетмана переманивали солдат в русские подразделения. В связи с этим Огинский решил уйти за Днепр и двинуться на Волынь [5. 1708 г. Д. 11. Л. 33–35].

В 1708 г. Карл XII начал свою русскую кампанию, которая должна была привести к разгрому основных сил армии Петра I в генеральном сражении. Шведский король планировал наступать на Россию через земли Великого княжества Литовского, а против войск Сандомирской конфедерации, располагавшихся в Малой Польше, должен был действовать со своими отрядами Станислав Лещинский с приданным ему корпусом шведского генерала Э. Крассау. Предусматривалось, что они разобьют сандомирян и соединятся с Карлом XII на Левобережной Украине. Однако эти планы оказались нереальными, в том числе в результате поражения в битве при Концеполе (21 ноября н. ст. 1708 г.) сторонника Лещинского, киевского воеводы Ю. Потоцкого, от отрядов сандомирян под предводительством литовского подскарбия Л. Потя и Я.З. Рыбиньского. Силы Крассау и Лещинского оказались слишком слабыми, чтобы противодействовать отрядам Сандомирской конфедерации, особенно после направления весной 1709 г. на Правобережную Украину и Волынь российских подкреплений. В итоге дальше Львова они не продвинулись, а сама кампания в этом регионе свелась к ряду локальных военных столкновений, главным образом между литовскими сторонниками и противниками Карла XII².

Несмотря на обилие литературы³, контакты Огинского с царским двором в конце 1708 – первой половине 1709 г. остаются не исследованными, хотя в российских архивах сохранилась обширная корреспонденция жмудского старосты с царем и его министрами⁴. Ее анализ позволяет пролить свет не только на военно-политические связи Огинского с царским двором, но и охарактеризовать те ожидания и расчеты в отношении России, которые были свойственны группировке жмудского старосты в один из самых сложных для Петра Великого периодов Северной войны.

Для координации действий с Петром I, по крайней мере с начала 1709 г., при царской ставке находился резидент Огинского, некий Станевич, одна-ко большой роли он не играл⁵. Это подтверждается тем, что, начиная с января, жмудский староста чуть ли не еженедельно высылал письма к царю и его

² Кампании конца 1708 – первой половины 1709 г. на территории восточных воеводств Речи Посполитой и сопутствовавшим ей обстоятельствам посвящена достаточно обширная литература [6. S. 43–81; 7. S. 332–339; 8. С. 72–99; 9. С. 63–76 (статья снабжена картой); 10. С. 249–270 (та же статья по-русски [11. С. 439–455]); 12. S. 657–687]. Отдельное исследование посвящено Концепольской битве [13]. Д. Витько осталась неизвестной работа М. Нагельского, а Т. Цесельскому – обе предыдущие работы.

³ Помимо вышеназванных работ следует отметить книгу А.С. Каминьского, специально посвященную отношениям России и Сандомирских конфедератов, на страницах которой, тем не менее, о контактах царского правительства и Огинского не говорится практически ничего [14. S. 141–144].

⁴ В ходе подготовке статьи автор опирался в первую очередь на подлинные письма Огинского; сохранившиеся переводы приводятся в скобках после оригинальных цитат; в случае отсутствия перевода он выполнен автором статьи; ссылки на листы архивных дел охватывают поэтому, как правило, и текст оригинала, и текст перевода.

⁵ О Станевиче как резиденте Огинского при царском дворе говорится в письмах жмудского старосты к министрам в феврале – марте 1709 г. [5. 1709 г. Д. 15. Л. 32, 35об.] (см. также [6. S. 51]).

министрам, а его специальные посланцы выезжали в распоряжение русских войск практически ежемесячно.

С ноября 1708 г. Огинский находился в Бродах, передислоцировавшись к началу 1709 г. на восток от Полонного. По оценкам белорусского исследователя Д. Витько, в его распоряжении находилось 1,5–2 тыс. чел. [9. С. 65]. Сам гетман, как это будет видно в дальнейшем, указывал примерно такую же численность своих войск.

Получив сведения о победе при Лесной, Огинский в ноябре 1708 г. писал царским министрам, что «столь веселая весть наполнила сердца всех доброжелаемых его величеству». «Давно я о той погибели Левенгоуптовой пророчествовал», — с удовлетворением писал жмудский староста, считая, что тем самым «правая рука помощная королю швецкому упала». Огинский сообщал, что имел стычку с отрядами Я. К. Сапеги, бобруйского старосты и великого гетмана литовского с номинации С. Лещинского, и уверял, что, если бы при нем были более крупные силы, большая часть сапежинских войск перешла бы на его сторону. В связи с этим гетман просил прислать под его команду «несколько тысяч драгунов», обещаясь «как реки станут» наступать на неприятеля. В письме содержалась стандартная просьба о деньгах для литовского войска [4. Т. 8. Вып. 2. С. 762–763].

В декабре 1708 г., отвечая на письма Огинского, Петр сообщал, что выслал на помощь коронному и литовскому войскам генерала Н. Ифланта с тремя полками драгун, который уже перешел Днепр. Вслед ему направлены еще четыре полка. Ифланту указано действовать «слагаясь совету милости вашей», — отмечал царь, — «ибо мы на вас более надежды имеем во удержании общих интересов». Он советовал жмудскому старосте остаться на Волыни, прикрывая неприятелю путь на Украину для соединения со шведами, даже если коронное войско отступит к Кракову [4. Т. 8. Вып. 1. С. 353–354; 9. С. 65].

Одновременно Огинский, не получая никаких известий от царского двора, в декабре 1708 г. с тревогой писал Г. И. Головкину и П. П. Шафирову, что на Волынь идет неприятель, чтобы маршем через Киев соединиться со шведами и «я, почитай, от них здесь окружен, а получить не токмо помощи, но ответу от милостей ваших не могу». Он опять просил прислать три драгунских полка, оправдываясь тем, что русская сторона не дала ему возможности сформировать в необходимом количестве литовского войска «отобрав хлеб во всем княжестве Литовском». В связи с этим жмудский староста просил «скорого решения», какие действия ему предпринять [4. Т. 9. Вып. 2. С. 550–551]⁶. В ответном письме в начале января 1709 г. Петр вновь твердил о скорой высылке Ифланта, который уже должен быть у Полонного [4. Т. 9. Вып. 1. С. 16–17].

Более пространный и подробный ответ содержало прилагавшееся к письму царя послание гетману от царских министров Головкина и Шафирова от 6 (17) января 1709 г.⁷ (из Сум). Они уверяли Огинского, что помимо трехтысячного отряда Ифланта к жмудскому старосте по приказу Петра будет выслана и более крупная подмога — 13 «региментов» пехоты и кавалерии. С командующим корпусом, генерал-фельдмаршалом Гольцом, Огинскому рекомендовалось решить

⁶ Короткими письмами от 2 января 1709 г. (22 декабря 1708 г.) из Бродов обеспокоенный отсутствием царской почты Огинский вновь напоминал о себе царю [5. 1709 г. Д. 14. Л. 1–2об.] и министрам [5. 1709 г. Д. 15. Л. 1–2об.].

⁷ Здесь и далее для всех дат по старому стилю в скобках указан новый и наоборот, для источников, датированных по новому стилю, дополнительно дается старый.

вопрос расположения его войск на зимних квартирах. В дополнение к этому вскоре будет выслана необходимая сумма на коронное и литовское войско.

Головкин и Шафиров информировали союзника, что силы неприятеля на Левобережной Украине «codziennie ubywają» («ежедневно убывают»), поскольку «wielu ich od głodu i chłodu umiera» («множество их от голода и холода умирает») в том числе по причине недостатка провианта и фуража. Петр Великий за заботу об общих интересах велел выплатить Огинскому 6 тыс. талеров «битых». Сумму эту велено выдать в Киеве, куда Огинский должен прислать поручителя. В черновике письма министров Огинскому, после информации о предназначенной ему «пенсии», следует приписка о выплате денег и другим польским и литовским магнатам: коронному мечнику С. Денгофу — 10 тыс., литовскому подскарбию Л. Потею — 5 тыс., польному коронному гетману С. Жевускому — 6 тыс. талеров. Как видно, жмудский староста не был, в буквальном смысле, самым «ценным» союзником русского двора среди польских магнатов [5. 1709 г. Д. 13. Л. 3—3об., 6]. То, что указанные суммы были выданы, свидетельствуют распоряжения Меншикова киевскому губернатору Д. М. Голицыну касательно Огинского (февраль) и Потея (апрель). Деньги для жмудского старосты должен был получить Т. Ленкевич (см. о нем далее) из средств, конфискованных у бежавшего к шведам украинского гетмана И. С. Мазепы [15. С. 110, 111].

Тем временем Г. Огинский получил информацию, что отряды Станислава Лещинского появились в Холмской земле (информация была верной [12. S. 666]), намереваясь двинуться на Львов, Константинов, Полонное, Броды и далее на Киев. Учитывая, что великий коронный гетман и фактический лидер сандомирян А. Сенявский решил дать войскам отдых и отойти к Тарнову и Кракову, староста жмудский решил не соединяться с ними, а передислоцироваться со своими малочисленными отрядами в район Брацлава, где и держаться до подхода русской помощи. Выступить он планировал через две недели, после того как отдохнут его солдаты. А 14 (3) января жмудский староста поспешил сообщить царю, что только что с курьером получил известие о скором прибытии в Польшу короля Августа с войсками [5. 1709 г. Д. 14. Л. 3—8об., 7—8об.; 1709 г. Д. 15. Л. 3—4об.]. И в 1708 г., и позднее и Петр I, и сандомиряне постоянно призывали Августа вернуться в Польшу. Тот, давая обещания о возвращении (например, в конце января 1709 г. к Сенявскому прибыл посланник Августа II с обещанием скорого прибытия монарха), переносил выезд аж до победы над шведами под Полтавой [6. S. 52—53, 70].

В очередном послании Огинскому от 20 (31) января 1709 г. (из Сум) Головкин и Шафиров повторяли старые заклинания о высылке на Волынь Ифланта и Гольца. В связи с полученной царским двором от Сенявского информации о переговорах Станислава Лещинского и Карла XII с сандомирянами в Короне (см. подробнее [6. S. 64—69]), Огинскому рекомендовалось не допустить, чтобы «противная сторона» внесла раскол в ряды царских союзников. Он должен был убеждать шляхту, «by to był nie doskonały pokój, mieć go z jednej strony, z drugiej zaś cięższą wojnę in pernicie Rptej» («поскольку это был бы не совершенный мир, заключенный только с одной стороны при сохранении с другой еще более тяжелой войны на погибель Речи Посполитой»), особенно когда царь прикладывает все усилия, чтобы принести «славный и полезный» мир всем союзным сторонам, а основной противник — Карл XII окружен русскими войсками и не может сноситься ни со Швецией, ни со Станиславом Лещинским (доказательством этому, по мнению Головкина и Шафирова, служили недавно перехваченные письма шведов с жалобами, что они несколько недель не

имеют ниоткуда известий). «Więc, że w tak dobrym stanie są rzeczy nasze oraz jest wielka ze wszystkich stron nadzieja o pewnym przybyciu krola Jmci Augusta do Polski» («И так хорошо идут дела наши, и со всех сторон большая есть надежда, что король Август наверняка в Польшу прибудет»), — подбадривали министры Огинского, который с опорой на русский «суккурс» должен был противодействовать «факциям» неприятеля, пока русская армия готовится дать решающий бой Карлу XII [5. 1709 г. Д. 13. Л. 7–8].

Во второй половине января, получив известия о подходе Ифланта, ободренный Огинский выслал царю и министрам письма от 15 (4) и 18 (7) января с изложением своих дальнейших планов. Жмудский староста внимательно следил за действиями Лещинского и шведов, которые ныне заняты сбором контрибуции в землях Люблинской и Луковской, после чего хотят двинуться в Литву, якобы опасаясь войска жмудского старосты, который, в отличие от коронных гетманов, не отступил, выставив заслоны в районах Полонного, Чуднова, Лабуня, Любара и Бродах (в последнем городе находился сам Огинский, имея при себе более десяти хоругвей и регимент драгун). «Wiele mu (Лещинскому. — К.К.) na przeszkodzie staneła moja persewerancja, żem się nie ruszył i ichmściów panów hetmanów koronnych, ministrów i szlachtę utwierdził że nie dali się skłonić Stanisławowi ani francuzkim fakcjom» («Зело ему вредило мое постоянство, что я не тронулся и господ гетманов коронных, министров и шляхту укрепил, что не дали склониться Станиславу приговору и французским факциям»), — хвастливо заявлял Огинский. Тут же, впрочем, жмудский староста признавал, что в итоге от прибытия царского «суккурса» будет зависеть, пойдет или нет Станислав на Волынь и Украину.

Однако уже 22 (11) января Огинский с тревогой сообщал Петру I, что Станислав таки намерен идти на Волынь, выступив за Люблин, в район Песков и Бискупичей, о чем жмудский староста получил днем ранее известие от Сенявского, который, как он отмечал, отступая к Тарнову, открывает путь на восток через Люблинское, Русское и Белзское воеводства неприятельским войскам. Стремясь подчеркнуть свое значение в царских глазах, Огинский самоуверенно заявлял, что потребовал от коронных сандомирян в связи с этим прислать ему вспомогательный корпус под командой С. Жевуского или С. Денгофа. Вместе с царскими и его собственными отрядами объединенное войско под командой Огинского должно было стать главным препятствием движению противника на восток, обеспечивая тем самым русской армии свободу действий в отношении Карла XII. Огинский обещал не только разбить шведско-польские отряды Лещинского и Крассау, но и очистить Литву от войск бобруйского старосты Я. Сапеги. В случае, если Лещинский двинется на Волынь через Литву, Огинский собирался передислоцироваться в район Любеча и Лоева. Чтобы получить о действиях неприятеля более точную информацию, жмудский староста выслал на запад своих шпионов и разведывательные отряды.

Частные просьбы Огинского к монарху сводились в этот раз к прошению прислать ему ранее обещанных 20 верблюдов (были необходимы ему для будущей военной кампании, видимо, для транспортировки обоза) и черкесского коня [5. 1709 г. Д. 14. Л. 10–20об.; 5. 1709 г. Д. 15. Л. 5–7, 9–12].

Тем временем Ифлант, перейдя Днепр и подойдя к Белой Церкви, выслал к Огинскому майора Богдановича с известием о своем прибытии на Правобережную Украину. Из ответного письма Огинского от 19 (8) января 1709 г. (из г. Броды) следует, что он до сих пор ошибочно полагал, что вслед Ифланту идут еще четыре русских полка. Жмудский староста предлагал царскому генералу немного передохнуть и затем двинуться неспешным маршем, чтобы не

утомить людей и лошадей, к Степанову, где он найдет удобные квартиры для расположения войска. Огинский просил поддерживать с ним корреспонденцию, посылая письма в Полонное, недалеко от которого расположены люди мозырского старосты М. Халецкого. Одновременно солдаты генерал-лейтенанта Августа Фридриха Гейна (подчинялся Огинскому), который находился в Междуречье, следили за «литовским трактом» [5. 1709 г. Д. 15. Л. 8–8об.]. Однако уже через пять дней жмудский староста просил Ифланта ускорить марш, двигаясь напрямик на Полонное и Константинов, поскольку получил сведения о появлении «вчерашней ночью» передовых отрядов неприятеля во Владимире-Волыньском. Сам Огинский собирался выступить навстречу русскому генералу из Бродов утром 25 (14) января [5. 1709 г. Д. 15. Л. 13–14об.].

Известия о походе Ифланта на помощь Огинскому вызвали резкое недовольство лидеров сандомирян в Короне – А. Сенявского и С. Денгофа. 7 (18) января резидент при Сенявском, А. Дашков, сообщал, что оба они просили, чтобы Ифлант войсками шел на соединение с ними к Полонному, «а чтоб Огинской староста жмодской до того не належал, понеже Огинского интерес литовской, а не коронной» [4. Т. 9. Вып. 2. С. 558]. Денгоф даже специально посетил Дашкова, настаивая, «чтоб до Огинского команды не отдан был генерал Ифлянт, которого обещано на Вольты, понеже было бы ис того гетману Сенявскому отчаяние в недоверивании ему». «А уже Огинской писал о том до мечника, – сообщал Дашков в депеше от 13 (24) января, – что под его коменду идет Инфлянт и того листа за прошением моим мечник гетману не казал». По словам резидента, Денгоф «скорбит», что формирования Ифланта, которого якобы тут все ожидают «с великою радостию», переданы под команду жмудского старосты. Сенявский, по сообщениям мечника, двигает войско к Тарнову, чтобы, если неприятель выдвинется на Вольты, идти за ним, сообщив об этом Ифланту. Если же окажется, что шведы и Лещинский не пойдут на восток, коронный гетман собирался маршировать на Львов, опять же «для зближения» с русским военачальником [5. 1709 г. Д. 27. Л. 12–13]. Наконец, сам Сенявский написал Петру I 16 (5) января из Ярославля, прося ускорить марш Ифланта на Полонное. Он предлагал дать приказ русскому генералу вести корреспонденцию с ним, Сенявским, и вслед ему, на Полонное, направить и остальные русские подкрепления. Более того, коронный гетман «униженно» просил царя, чтобы войско Ифланта «directe do mojej będzie należało commendu» («прямо до моей будет належать команды»), вопрошая Петра, что не Огинскому ли оно «*ta byдź w ротосу?*» («имеет быти на помощь»?). Сенявский считал нецелесообразным передавать полки Ифланта под начало жмудского старосты, поскольку Огинский якобы собирался действовать в районе Бреста и Вильно (что было неправдой), тогда как он, коронный гетман, – около Львова и «глубже» в Польше. Расстояние между указанными областями, полагал Сенявский, сделает невозможным его взаимодействие с Огинским, и, соответственно, с Ифлантом, если он будет передан под команду жмудского старосты [5. 1709 г. Д. 7. Л. 11–11об., 17–18 (еще один список); 4. Т. 9. Вып. 2. С. 681–683 (перевод)]. Огинский, к слову сказать, подозревал, что указанная позиция Сенявского находит понимание при царском дворе. В одном из январских писем он намекал на некоего неназванного царского советника, который был против направления подкреплений к жмудскому старосте [5. 1709 г. Д. 14. Л. 3].

21 января (1 февраля), как сообщал А. Дашков, к Сенявскому прибыл М.Д. Волович, посланец жмудского старосты, с предложением объединения его войск с отрядами Ифланта и Огинского, чтобы ударить на неприятеля. Однако гетманы без энтузиазма восприняли этот план, решив, что прежде необходимо достоверно узнать о местонахождении русского отряда [4. Т. 9. Вып. 2. С. 561–562] (ср. [6. S. 70]).

В конце декабря началось формирование уже упоминавшегося корпуса генерал-фельдмаршала Г. Гольца, который должен был действовать на Правобережной Украине, не углубляясь далеко на запад. Однако в конце февраля из-за сильных морозов царь приказал Гольцу задержать наступление [9. С. 66; 11. С. 449].

Между тем Огинский направил к царю и его министрам поручика литовского войска и мозырского гродского писаря Теофила Ленкевича [5. 1709 г. Д. 33. Л. 1], который доставил письма от 4 февраля (24 января) 1709 г. царю [5. 1709 г. Д. 14. Л. 21–22 (оригинал); 4. Т. 9. Вып. 2. С. 551–553 (перевод)], министрам [5. 1709 г. Д. 15. Л. 18–22об.]⁸ и инструкцию из семи пунктов («Punkta cum desiderii») [5. 1709 г. Д. 33. Л. 2–2об.]. Т. Ленкевич получил также письма к киевскому губернатору Д.М. Голицыну и Б.П. Шереметеву. Голицына жмудский староста благодарил за доставленные ему деньги, Шереметева просил поспособствовать хорошему приему Ленкевича при царском дворе [5. 1709 г. Д. 15. Л. 23–26]⁹.

В письме Петру Огинский благодарил за оказанные ему царские милости, в том числе денежную сумму, полученную 3 февраля (23 января) через поручика Тустановского (в переводе ошибочно «Тушеновского»). Гетман подтверждал ранее полученные вести о скором прибытии в Польшу короля Августа, который уже выехал из Дрездена и которому навстречу выехали многие сенаторы. Огинский, в свою очередь, якобы отправил к королю на венгерскую границу маршалка великого литовского М.Д. Воловича (прибывшего в ставку Сенявского), маршалка надворного литовского Ю.Д. Мнишка, а также своего брата К.Д. Огинского.

Прося прислать ему оставшуюся после Мазепы булаву и калкан («kałkan» – легкий, круглый, сильно выпуклый щит с металлическим умбоном, использовавшийся польской кавалерией), Огинский уверял: «Ja się nie zapowietrze od niego choc so będą miał jego» («Я не заповеярюся от него, хотя, что буду и иметь из вещей его»). Он обещал и далее служить царю верно и в случае необходимости арестовать детей одного из мазепинцев, генерального обозного И. Ломиковского, которые обретались в Литве у некоего шляхтича [5. 1709 г. Д. 14. Л. 21–22; 4. Т. 9. Вып. 2. С. 551–553].

В инструкции к царю и министрам жмудским старостой были более конкретно сформулированы необходимые условия продолжения военного сотрудничества с русской стороной и охарактеризована военная обстановка в регионе. Поскольку, по сведениям Огинского, сторонники Станислава – А. Шмигельский и киевский воевода Ю. Потоцкий уже находились на Вольни (около Владимира, Луцка, Дубно) со своими дивизиями, а в тылу за ними двигались войска Лещинского и Крассау, Огинский планировал занять позиции со своими отрядами возле Константинова. Там он надеялся дожидаться направленные к нему царские войска. Обещанные ранее Петром денежные средства на войско он предлагал привезти в Полонное, выражая надежду, что казна дойдет

⁸ Свой «лист» Огинский завершал достаточно эмоциональным постскриптумом, вполне себе предрекавшим полтавский разгром Карла XII: «Niech Pan Bug będzie pochwalony, że daje wiktoryie nad tym psem szwedem których serdecznie animozuję i życzę żeby do jednego wszystkiego ich wojska zguba była i samego króla szwedzkiego do rąk carskich i więzienia Pan Bug dobrotliwy tego hułtaja wprowadził» («Да будет всемогущий Господь благославлен, что дает виктории над тем собакою шведом, которых всеусердно желаю, чтоб даже до единого все пропали, и чтоб самого короля швецкого до рук царских на заключение того гултая [или бродягу] всемогущий Господь подал»).

⁹ «Za otwarciem zaś bezpiecznej drogi nie zamieszkać dla WMM Pana z suchych jagod wina w tamten kraj przesłać» («С открытием безопасной дороге не замедлю вашей милости вина из сушеных ягод в ваши края переслать»), – любезничал Огинский с Шереметевым.

по назначению «безопасно». Гетман подчеркивал, что деньги особенно необходимы, так как его войско уже два года служит без платы и без какого-либо «удовольствования» и с нетерпением ждет материальной поддержки, включая и деньги на мундиры для 2 тыс. драгун и рейтар.

Т. Ленкевич должен был рекомендовать царю и министрам наиболее преданных сторонников Огинского, в том числе его двоюродного брата, витебского каштеляна М.М. Огинского, стражника литовского К. Заранка, родного брата старосту горждовского К.Д. Огинского, старосту мозырского М. Халецкого, которые, несмотря на разорение своих имений в Литве, твердо держаться союза с царем. Все они, считал Огинский, достойны всяческой царской благодарности и милости.

Посланник жмудского старосты должен был сообщить о назначении генерал-лейтенантом литовских войск барона А.Ф. Гейна, под начало которого гетман передал иностранные воинские формирования (так называемый *sudzoziemski autorament*). Огинский, по его словам, сделал это, получив царскую рекомендацию и аттестацию русской стороны о верной службе Гейна.

Кроме того, учитывая продолжавшиеся военные действия, Огинский просил царя в соответствии с уже ранее данными обещаниями в случае необходимости предоставить для литовских республиканцев и их семей (речь, помимо самого Огинского, шла о Л. Потее, М.М. Огинском, К. Огинском и М. Халецком), убежище в пограничных районах России с обязательством выдачи продовольствия вплоть до «счастливого» окончания войны [5. 1709 г. Д. 33. Л. 2–2об.]. Подобная забота польного гетмана о своей семье и семьях своих сторонников не была праздной. Так, в апреле 1706 г. Огинский обратился с посланием к М.С. Вишневецкому, прося его написать киевскому воеводе Ю. Потоцкому в связи похищением его дочерей. Если воевода не убедит шведского короля и его польских сторонников освободить «невинных детей», жмудский староста грозил по всей Подолии и Волыни искать детей своих противников, чтобы отправить их в Москву [16. S. 197–198].

Наиболее сокровенные мысли Огинского содержались в зашифрованном письме без даты, высланном выехавшему Ленкевичу уже вдогонку из Константинова, куда перебазировался Огинский из местечка Зозулинцы. Жмудский староста вполне отдавал себе отчет, что известиям о скором прибытии в Польшу Августа, с которым якобы двадцать «региментов» его войск, нельзя доверять полностью. В связи с этим Огинский предлагал царю, что «*jeśliby tak prentko nientko nie weszli ani tesz sam prz(y)był, życzę WCmści obligować Jp(an)a wojewodę bełskiego, obiecując mu koronę polską i sumę pieniężną na osobę jego i na wojska utrzymanie przy nim, azali tym powściągniemy byle by mu przeciwne tamtej strony z serca i z myśli wybić żądze, a potem inaczej potrafiemy*» («А ежели б столь скоро не вышли и сам бы король не прибыл, то желаю и советую вашему царскому величеству одолжить воеводу белского, обещая оному корону полскую и число денег ему самому на удержание войска при нем. Может быть, что его тем удержим, токмо б у него отвергнуть противные от той стороны из сердца и из мысли желательства, а потом инако поступим»). Таким образом, по идее Огинского, в руках царской дипломатии польская корона должна была стать заведомой приманкой, которая позволила бы удержать Сенявского в рядах сандомирян в самые трудные моменты для русско-польского союза.

Кроме того, Огинский сообщал, что окончательно потерял надежду на активизацию действий коронного войска Сандомирской конфедерации, которое уже якобы ушло даже за Краков, выражая готовность сам двинуться на запад

вместе с вспомогательными царскими войсками, рассчитывая отбросить наступающие отряды Лещинского. Предполагая, что они в таком случае отступят либо к Эльблонгу для соединения с находящимся там гарнизоном, либо в Померанию, либо в Литву, Огинский просил немедленного царского решения — преследовать ли в таком случае неприятеля или нет. В последнем случае жмудский староста готов был препятствовать дальнейшему проникновению вражеских отрядов на Украину, расположившись с войсками в Полесье около Любеча. Под конец «цифирного листа» Огинский просил Петра Великого о выдаче жалованья из царской казны для М. Халецкого и М. М. Огинского, письма которых привез Ленкевич [5. 1709 г. Д. 14. Л. 27–29об.]. Последний посланием от 3 февраля (24 января) 1709 г. напомнил царским министрам о своих «трудах» на благо царя, сожалея, что его особа пребывает «w niepramięci u Jego Carskiego wileczenstwa» («в забвении у его царского величества») [5. 1709 г. Д. 15. Л. 15, 17–17об.]. Точно также поступил и Халецкий¹⁰.

Ответ Ленкевичу был дан 12 (23) февраля в Белгороде. Огинского уверяли, что царю хорошо известна «nieprzełomana stateczność w utrzymaniu interessów» («несгибаемое постоянство в удержании интересов») царя со стороны самого жмудского старосты, его родственников и сторонников. Все это «osobliwy wybudza respekt i partykularną wdzięczność» («особенное вызывает уважение и исключительную благодарность») к Огинскому с надеждой на сохранение подобных отношений.

Жмудского старосту уверяли, что Гольцу направлен повторный указ спешить на соединение с Огинским. В связи с высылкой такой значительной военной помощи, царь отказывал в данный момент в выплате своим сторонникам в ВКЛ ранее обещанных субсидий на войско, под предлогом того, что вместо направленных на Правобережье войск ему нужно набирать новых рекрутов, чтобы быть в состоянии дать отпор «totam molem sił nieprzyjacielskich» («всей массе сил неприятельских»). На все это из царской казны потрачены значительные средства, но как только новая партия наличности будет доставлена из Москвы, литовскому войску будут высланы соответствующие суммы, которые могут быть израсходованы в том числе и на форму драгун и рейтаров.

Царь заявлял, что берет в свою протекцию всех рекомендованных Огинским людей, обещая содержать их в своей милости и «dobrej pamięci» («доброй памяти»), а также предоставить безопасное убежище в случае необходимости в Киеве либо другом подходящем украинском городе с выдачей фуража и провианта [5. 1709 г. Д. 33. Л. 3–3об.]. Головкин действительно отписал, например, к М. М. Огинскому, уверяя его в царской милости лично к нему [5. 1709 г. Д. 15. Л. 41, 43].

В отдельном письме Огинскому от министров, помимо общих похвал за верность союзным интересам и уверений в царской протекции, которая, как подчеркивалось, дается не всем, сохранился и ответ на его просьбу о булаве и калкане Мазепы. Часть гетманских клейнотов к тому времени была отдана новоизбранному гетману И. И. Скоропадскому, другая отослана в Москву. В связи с просьбой Огинского Петр распорядился послать в столицу за булавой и калканом, чтобы отправить их жмудскому старосте с первой оказией. В отдельной приписке к письму содержалась и реакция на план Огинского предложить от

¹⁰ М. Халецкий направил письма от 4 февраля (24 января) на имя Петра I и Головкина (из Базалии), чтобы «zycyliwą usług moich majestatowi waszej carskiej mił. reprezentować submissiją» («желаемую услуг моих престолу вашего царского величества представляю униженность») и подтвердить свою верность интересам русско-польского союза [5. 1709 г. Д. 20. Л. 1–5].

царского имени польскую корону Сенявскому. Жмудского старосту информировали, что Дашкову даны указания вести с коронным гетманом соответствующие переговоры, если надежды на возвращение Августа в Польшу окончательно иссякнут [5. 1709 г. Д. 13. Л. 9–9об.]. Осуществление этого плана было, однако, проблематичным, поскольку вопрос о короне для Сенявского, признанного лидера Сандомирской конфедерации, уже вставал ранее, в 1707 г. Тогда великий коронный гетман отказался от участия в элекции перед лицом недовольства значительных масс шляхты, понимая, что избрание королем не принесет ему новых сторонников, но сделает еще более зависимым от поддержки Петра I и закроет путь к примирению со шведами и Лещинским [6. S. 28–29].

Между тем 16 (5) февраля генерал Ифлант прибыл к Огинскому в Любар для обсуждения ситуации, оставив свои отряды в Полонном. Одновременно Огинский получил письмо от 31 января (11 февраля) от находившегося в Киеве Гольца, который информировал его, что задерживается, ожидая выдачи обмундирования на свои полки. В послании фельдмаршал акцентировал внимание еще на ряде причин, замедлявших его выступление. Одна из них заключалась в погодных условиях: «Zwłaszcza w tak wielkich śniegach trudno z drogi się umknąć i w szyk wojsko postawić» («Особенно в таких больших снегах трудно с дороги сойти и войско в боевой порядок расставить»). Кроме того, полагал Гольц, коронные гетманы не отвечали на его письма и, судя по всему, не собирались с ним соединиться. Наконец, царский военачальник опасался, что Лещинский может ударить на русский корпус с фронта, а шведский король – с тыла. В случае, если на него наступит неприятель, Гольц предлагал Огинскому отступать на восток к его войску. Огорченный Огинский, для которого стало ясно, что в ближайшее время не стоит ожидать не только всего корпуса, но и обещанных ранее дополнительных драгунских полков, выслал из Любара письма царю, министрам и самому Гольцу (все от 16 (5) февраля), протеста против сложившейся ситуации. Наиболее пространное послание жмудский староста направил Гольцу, убеждая его, что коронные гетманы, согласно их договоренностям с Огинским, немедленно бы поспешили на соединение, как только русский корпус перейдет Днепр. Жмудский староста подробно разбирал возможные последствия неприбытия царского «суккурса», полагая, что они будут просто катастрофическими, приведя к массовому переходу войск сандомирян, а также шляхты коронных воеводств и поватов на сторону противника, опустошению неприятелем занимаемых им земель и т.д. Огинский считал, что Гольц должен прибыть на Волынь до наступления весенней распутицы. Он утверждал, что противник на западе не слишком силен: в отряде Крассау всего лишь четыре тысячи «мужиков» («samych chłorów»), многие из которых дезертировали, узнав, что должны сражаться с русскими (что было совершенно не так, Крассау располагал хорошо подготовленными и экипированными отрядами [12. S. 665]); у Лещинского якобы 220 драбантов, 500 янычар, 50 польских хорутвей, многие из которых неукомплектованы, да в придачу недавно потрепаны Л. Потеем.

По мнению Огинского, наступление шведско-польских войск для помощи Карлу XII было возможно тремя путями: через Брацлав, через Полонное и через Полесье на Киев. Прибытие Гольца на Правобережье, полагал жмудский староста, позволяло легко перекрыть любой из них, тем более что слабые силы неприятеля не могут даже атаковать Полонное, получив отпор от расположенных под Ямполем, Снятыном и Базалией (в последнем городке располагался М.М. Огинский) отрядов жмудского старосты и опасаясь войска, дислоцированного под Лабуном. Понимая, что Гольц вряд ли выступит в ближайшее время, польный гетман просил прислать ему хотя бы несколько дополнительных

драгунских полков, обещанных Петром I еще в декабре, и казачий белоцерковский полк [5. 1709 г. Д. 15. Л. 27–29об.; 1709 г. Д. 14. Л. 30].

Соединившись с войсками Ифланта (три драгунских полка и казачий компанейский полк А. Танского, всего по признанию жмудского старосты, 2 тыс. драгун и 1 тыс. «волохов»), Огинский решил предпринять более активные действия. 19 (8) февраля генерал Гейн с отрядом в двести драгун совершил рейд на Заславль, разбив три хоругви противника. 22 (11) февраля состоялся военный совет, на котором решено было 24 (13) февраля выступить из лагеря налегке тремя путями, оставив обозы в Полонном и Лабуня. Соединенные русско-литовские силы должны были ударить на Острог, где, по сведениям Огинского, находилось 30 хоругвей неприятеля.

Сообщая обо всех этих событиях и планах царю Петру 22 (11) февраля, Огинский просил об уже упоминавшейся военной помощи. Касаясь ранее озвученного опасения Гольца попасть в тиски между войсками Карла XII и Станислава, жмудский староста иронизировал: «Niech się Jmść Pan feltmarszałek nie zapatruje na nieprzyjaciela krula samego szwedzkiego i Leszczyńskiego, niech za ukazem Waszej Carskiej Mości tu przychodzi, a ja upewniam, że i Leszczyńskiego pobijem przy łasce Bozkiej i do skończenia krula szwedzkiego przyśpieszym, jeśli nie dobiecia jego, to przynamiej na pogrzebie po “Te Deum laudamus” ognia dawać na tryumf» («Пусть господин фелтмаршалк не смотрит на неприятеля, короля самого шведского и Лещинского, и пусть по указу вашего царского величества сюда приходит, а я обнадеживаю, что и Лещинского, за помощью Божию, побьем и до скончания короля шведского предуспеем. И ежели уже побит будет, то хотя на погребению его после “Тебе Бога славим” огня на триумф дадим») [5. 1709 г. Д. 14. Л. 31–31 об. (оригинал); 4. Т. 9. Вып. 2. С. 553–554 (перевод)]¹¹. Спустя несколько дней польный гетман сообщал царю о выдвигении ко Львову коронных войск сандомирян, указывая, что прибытие Гольца стало бы залогом успешного продвижения их далее на восток [5. 1709 г. Д. 14. Л. 34–34об., 36–37об.].

18 февраля (1 марта) Ифлант послал отряд на Острог, как и замышлялось. Неприятель заперся в городе, разрушив мост через реку Вилию, которая вдобавок вздулась от таяния снегов. Переправы обороняли пехотинцы, однако драгуны Ифланта, спешившись, выбили противника с переправы и заняли город. Противник потерял 200 человек убитыми и 27 пленными (по польским источникам, гораздо меньше). Рапортуя царю об успехе, генерал отмечал, что Огинский находится от него «в ближних местах и вашему царскому величеству чинит всякое радение» [4. Т. 9. Вып. 2. С. 580–581; 9. С. 66–67]. Сам Огинский также поспешил сообщить царю о победе Ифланта, который «lubo na gotowego nieprzyjaciela napadszy nie tylko za Ostrog ku Dubnowi zapędził na placu trupa nabiwszy, języków nabrał i zdobyczy dosyć na ukontentowanie odwag swoich» («хотя и на готового неприятеля напал, не токмо за [О]строг к Дубну загнал, но и многих побивши, языков набрал и знатную добычу получил»), доносил и о своем, правда более скромном успехе. Разъезд гетмана 26 (15) февраля,

¹¹ Д. Витько ошибочно датировал военный совет и выступление союзных войск, о которых упоминает Огинский, соответственно 5 и 7 марта (22 и 24 февраля) [9. С. 66–67]. Между тем 22 и 24 февраля – даты именно по новому стилю, что специально оговорено в письме жмудского старосты. В результате у историка взятие Острога предшествует военному совету, тогда как в действительности было наоборот. Противники, в частности Ю. Потоцкий, правильно оценивали численность драгун Н. Ифланта в 2 тыс. чел., преувеличенно полагая, что ему было придано несколько казачьих полков (на самом деле один). Потоцкий также подтверждал информацию о разгроме Гейном трех хоругвей в Заславле [17. S. 267–268].

выйдя к Ляховцам, захватил в плен пятигорскую хоругвь со всем обозом. 2 марта (19 февраля) Ифлант и Огинский провели совет, решив расположиться: первый с войсками — в Остроге, второй — в Ляховцах. Планы союзников заключались в том, чтобы «выкурить» из Дубна войска Ю. Потоцкого, чем они открыли бы путь для соединения с коронными гетманами и лишили их предлога отказываться от него. Жмудский староста считал, что благодаря их действиям предотвращен марш на Украину Потоцкого, собиравшегося бунтовать край (так доносили гетману пленные) [5. 1709 г. Д. 14. Л. 38–38об.] (см. также [9. С. 67])¹². Это подтверждал и сам Потоцкий, который в письме литовскому подканцлеру С.А. Щуке от 24 (13) февраля (из Дубна) прямо писал, что имеет «большую охоту» двинуться «вглубь» Волыни для «деокупации» Украины, однако на его пути стоит Огинский, чьи силы (2 тыс. «огнистого люда») превышают его собственные. В связи с этим Потоцкий просил Щуку выхлопотать для него подкрепление у С. Лещинского [17. S. 280–283].

«Nie masz lacniejszego do zguby sposobu na krola szwedzkiego jako tu oderznąć wszelką nie tylko komunikację i sukursy, — считал Огинский, развивая далее свои военные планы в письме царю от 2 марта (19 февраля) — ale nadzieje odciąć, bez której każdy żołnierz trwać długo nie może, nie tylko Marsu prowadzić» («Нет лучшего к разорению способу на короля шведского, как отрезать оному не токмо всякое сообщение и помощи, но надежду оттягать, без которой всякой салдат долго пребывать не может, паче же войны весть»). Но сделать это, считал жмудский староста, невозможно без поддержки Гольца, который, вместо того чтобы наступать, стоит под Киевом. Огинский отвергал обвинения фельдмаршала, что будто он может пропустить Лещинского с его сторонниками и со шведами «в глубь» Украины: «nie zwykłem nigdy interessowi Waszej Carskiej Młści sinistre życzyć» («не обык я никогда интересом вашего царского величества противно желать»), — писал жмудский староста. Очистив при русской поддержке Правобережье от сторонников шведов и Станислава Лещинского, гетман собирался идти на Левобережную Украину, чтобы помочь Петру в борьбе против самого Карла XII [5. 1709 г. Д. 14. Л. 38об.–39].

16 (5) марта к Огинскому возвратился Т. Ленкевич с царским посланием. Огинский немедленно ответил царю, объявляя, что, соединившись с Ифлантом, заставил Ю. Потоцкого отступить из Дубно и Бродов и уйти за Буг «z wielką apprehentią» («с великим страхом»), освободив все Правобережье Днепра от вражеских войск [5. 1709 г. Д. 14. Л. 40–41 (оригинал); 4. Т. 9. Вып. 2. С. 959–960 (перевод)]¹³. Следует согласиться с Д. Витько, что в результате февральской кампании к марту 1709 г. Ифлант и Огинский контролировали всю Волынь [9. С. 67]. Между тем 2 (13) марта Дашков сообщал Головкину, что коронные гетманы выступили на соединение с Огинским и Ифлантом в надежде, что к этому времени на Правобережье придет и Гольц. Войско намеревалось двигаться «по сей (правой. — К.К.) стороне Днестра», переправиться через речку под Галичем. Выступившие отряды налегке преследовал Ю. Потоцкий, желая, по выражению резидента, «с тылу напасть» [5. 1709 г. Д. 27. Л. 53–53об.] (см. также

¹² Перевод ошибочно датирован 1708 г. и попал в прошлогодние бумаги [5. 1708 г. Д. 11. Л. 13–14об.] Имеется ответ министров Огинскому на письма от 26 (15) февраля и 2 марта (19 февраля) с поздравлением в связи с одержанными победами и сообщениями об успехах российских войск от 6 (17) марта из Воронежа [5. 1709 г. Д. 13. Л. 11–12].

¹³ В высланном с той же датой письме министрам Огинский сообщал о постоянном пополнении своих подразделений за счет солдат литовского войска своих противников, которые переходят к нему как целыми хоругвями, так и по одиночке [5. 1709 г. Д. 15. Л. 35–35об.; Д. 14. Л. 42–44об.].

[6. S. 72)]. Общую численность войск Сенявского и Денгофа Дашков определял в 6 тыс. чел. [5. 1709 г. Д. 27. Л. 55об.].

Огинский с вышеуказанным письмом направил к царю очередного посланца, которым стал генерал Гейн, получивший инструкцию от жмудского старосты 20 (9) марта 1709 г. в Ляховцах [5. 1709 г. Д. 37. Л. 1–2]¹⁴. Его главной задачей было настаивать на ускорении марша войск фельдмаршала Гольца. Из-за промедления Гольца, считал гетман, под угрозой оказываются все результаты военной кампании, поскольку Станислав и Крассау, заняв район Львова и Ярослава и перерезав коммуникации литовских отрядов с коронным войском, используют время для подтягивания резервов. Огинский настаивал, что сейчас никоим образом нельзя впустить «w Ukrainę zarazę szkodliwą» («на Украину вредительную заразу»), убеждая «благоразумного» царя и его министров приложить все усилия к как можно скорейшему выполнению Гольцем посланных ему ранее указов. Опасение Огинского вызывала также новая концентрация сапежинских отрядов в районе местечка Степанова.

Огинский вновь просил, чтобы Гольцу были направлены «горячие» указы если не ускорить марш, то хотя бы выслать под командование генерала Ифланта еще три полка драгун. С этой поддержкой жмудский староста выражал готовность двинуться на соединение с коронным войском, принимая во внимание, что расположившийся во Львове неприятель¹⁵ может спровоцировать недовольство в войсках Сенявского, склоняя их к переходу на свою сторону.

Кроме того, Огинский предупреждал, что сейчас шведы и сторонники Станислава имеют возможность беспрепятственно налаживать враждебные России контакты с «пограничными людьми». Он сообщал о миссии коронного стражника Стефана Потоцкого и французского дипломата маркиза де Боннака (резидента при С. Лещинском) к буджацким татарам с целью «перетянуть» их во враждебный сандомирянам и царю лагерь, указывая, что подобные шаги могут быть предприняты и по отношению к «иным» соседям России, видимо туркам и крымским татарам [5. 1709 г. Д. 37. Л. 1; 4. Т. 9. Вып. 2. С. 959–961].

Вместе с тем Огинский уверял царя и его министров, что в Короне сандомиряне по-прежнему верно, «по-старопольски», держаться союза с царем, а литовские воеводства и поветы демонстрируют по отношению к Сапегам «большую враждебность», пытаясь «оторвать» от них войско. Об этом сообщали Огинскому Л. Потей и двоюродный брат жмудского старосты, ковенский маршалок. Более того, находящаяся под Брестом литовская дивизия в 24 хоругви под командованием «сапежинского человека» А.К. Новосельского якобы готова перейти на его сторону, а число войск самого Огинского также увеличивается [5. 1709 г. Д. 37. Л. 1–1об.; 4. Т. 9. Вып. 2. С. 960–961].

В связи с этим Огинский вновь просил о средствах для «удовольствования» его войск, а также для приобретения драгунам обмундирования, флинт (ружей) и холодного оружия («baconetów i szpad»). Еще одна просьба жмудского старосты касалась высылки к нему людей, бежавших из шведской армии в расположение русских войск, главным образом саксонцев, для комплектования литовских отрядов при условии, что перебежчики эти не нужны царю. Огинский сетовал, что в Литве найти рекрутов чрезвычайно трудно. Именно для

¹⁴ Содержание инструкции дублируется и дополняется уже цитировавшимся письмом Г.А. Огинского Петру I от 16 (5) марта 1709 г. [5. 1709 г. Д. 14. Л. 40–41; 4. Т. 9. Вып. 2. С. 959–960]. Дополнительно рекомендации Гейну Огинский дал в письме царю от 20 (9) марта [5. 1709 г. Д. 14. Л. 47, 49].

¹⁵ Передовые отряды Лещинского заняли Львов около 17–18 (6–7) марта [12. S. 670].

этого литовский гетман и направил к царю Гейна, получившего полномочия для вербовки людей [5. 1709 г. Д. 37. Л. 1об.—2].

Под конец посланец Огинского должен был предостеречь царя о возможном сговоре находящихся в Воронеже адмирала и царских вельмож с Карлом XII, который якобы направляется туда со всем войском. По мнению Огинского, «предатель» («zdrajca») Мазепа вполне мог этому поспособствовать. Он выражал также опасения вторжения татарских орд в южные пределы России, полагая, что им дадут отпор калмыки и донские казаки, и подтверждал свою готовность прибыть на помощь русской армии со своими отрядами в случае необходимости в течение двух недель, правда, как только расправится со своими врагами в Речи Посполитой [5. 1709 г. Д. 37. Л. 2; 4. Т. 9. Вып. 2. С. 961]. Последнее уточнение позволяет считать это заявление скорее декларативным, нежели отражающим реальные намерения гетмана.

Инструкция Огинского была переведена в Воронеже 26 марта (6 апреля) 1709 г., а ответ от имени царских министров дан 12 (23) апреля. Жмудскому старосте сообщалось, что Гольцу недавно послан приказ идти как можно скорее с кавалерией на соединение с коронным и литовским войсками, а также что пехота во главе с князем М.М. Голицыным уже вышла из Киева и должна быть недалеко от войск Огинского.

От имени царя Огинского благодарили за «предупреждения и рекомендации» и сообщали о скорой высылке в Литву своих войск для поддержки борьбы с Сапегами (непонятно, имелась в виду дивизия Гольца или дополнительные войска). Несмотря на огромные расходы на собственную армию, Петр обещал в мае выплатить 1 миллион злотых или 100 тыс. руб. на войско Речи Посполитой, которое гетманы должны были разделить между отрядами Короны и Литвы. Из этих же сумм Огинскому предлагалось взять средства на снаряжение собственных драгун, которые в нынешних обстоятельствах выданы быть не могут.

По поводу возможной измены в Воронеже, Огинского уверяли, что людей, о которых он пишет, гетман не знает лично, видимо считая их иностранными специалистами. Между тем все они «урожденные обыватели» русского государства, и в том числе не названный гетманом по имени адмирал — Ф.М. Апраксин, сохраняют верность царскому величеству [5. 1709 г. Д. 37. Л. 2об.—4].

Дашков 3 (14) марта сообщал из-под Тысменицы, что коронные гетманы «под сумлением пребывают» из-за задержки Гольца и не торопятся с маршем под Тарнополь — они до сих пор не переправились через Днестр (намереваются сделать это под Жванцем). Резидент опасался, как бы гетманы «с desperation чего не учинили с Станиславом» (т.е. не заключили мир), и просил ускорить марш русских войск [5. 1709 г. Д. 27. Л. 62—62об., 64]. Ифлант послал офицера к Сенявскому, который, вернувшись 10 (21) марта, сообщил, что коронный гетман «поспешает денно и ночью к Тернополи и желает усердо совокупитца с войском царского величества». «А оной посланной афицер, — рапортовал Ифлант Меншикову, — принят был с великою радостию и сам гетман объявлял ево всем санатором и сказывал, что войско его царского величества совершенно на сукур есть, а то им велми было неимоверно». Посланец доносил, что при Сенявском «рейтарей и драгун» 8 тыс. чел. «и сказывает, что велми конми и мундиром убран, а коронного де войска 220 хорунг». Генерал также сообщал, что послал «партию» людей в Степанов (по словам Огинского, там концентрировались хоругви Сапег), которая принудила неприятеля к бегству [18. Л. 1—2].

20 (9) марта Огинский получил письмо от А.Н. Сенявского, который предлагал союзникам выдвинуться на запад, к Тарнополю или Збаражу, в том числе и к корпусу Гольца. Сам коронный гетман уже выдвинулся навстречу, перейдя Днестр под Галичем и расположившись 17 (6) марта в Рогатине, в 18 милях от Огинского и Ифланта. К слову сказать, белзкий воевода предупреждал Огинского, что противнику известно о его расположении в Ляховцах и намерении задержаться там на месячный срок [5. 1709 г. Д. 15. Л. 46–47об.; Д. 14. Л. 50].

Огинский, пересылая письмо Сенявского царю, в «цыфирной цедуле» страшал его скорым маршем шведско-польских войск из Львова через Подолию на Немиров и Чигирин¹⁶, где противник «казаков запорожских збунтует, орду призовет, ибо те все суть не постоянны». Жмудский староста советовал «иметь в призрении подозрительные персоны казацкие немировские», которые якобы «давно ожидали» прихода Ю. Потоцкого, и особенно «Михайло, полковник хвастовской, давней приятель мазепинской» (речь идет о М. Омельченко, который на самом деле занимал пост белоцерковского полковника). По словам Огинского, Сапеги, «с натуры лукавые, тут в глазах будто договоры чинят, а тайно войска на нас собирают, а к королю швецкому Антоновича послали с писмами». Эта информация должна была заставить царя дать Гольцу скорейший указ о выступлении [5. 1709 г. Д. 14. Л. 51–51об.].

26 марта (6 апреля) Огинский с Ифлантом съехались в Жеговцах с Сенявским и Жевуским, где состоялся совместный военный совет. Было решено в течение десяти дней стоять с войсками в местах нынешнего расположения, ожидая прихода войск Гольца. Как отмечал Ифлант, Сенявский и «протчие санаторы Речи Посполитой з господином гетманом Агинским не в прямом соглашении, понеже на ево войско вельми в тамошних местах во всяких поборах жалобу чинят» [4. Т. 9. Вып. 2. С. 774–775].

Пассивность коронных войск Сандомирской конфедерации дала возможность их противникам в Литве во главе с Я.К. Сапегой попытаться перехватить инициативу [9. С. 67–68; 11. С. 444–445]. В первой половине апреля Сапега с четырехтысячным войском атаковал Ляховцы, где расположился Огинский со своими отрядами. Жмудский староста был разбит, потерял обоз, его солдаты бежали в Белгородку, где на помощь им пришел Ифлант с драгунским полком. Далее данные источников о битве расходятся. Сам Ифлант рапортовал, что выручил Огинского, разбив противника. Согласно данным, исходящим из противоположного лагеря, русский генерал был с потерями выбит из Белгородки [9. С. 68–69; 11. С. 445–448]¹⁷.

Поражение под Белгородкой заставило Г. Огинского вновь напомнить о себе русскому царю. 28 (17) апреля из Константинова он вторично выслал к царю Т. Ленкевича с обширной инструкцией («Puncta spieszne do pajaśniejszego Cara Jmści i do Ichmściów Panów ministrów»). Анализируя недавние события, польный гетман считал, что именно медлительность Гольца стала главной причиной усиления позиций неприятеля, который ранее находился в «desperackim stanie» («отчаянном положении»). Теперь же, преувеличенно полагал Огинский, только у бобруйского старосты 12 тыс. войска, а у Потоцкого и Шмигельского – 6 тыс., поскольку они сумели переманить на свою сторону множество хоругвей со всеми запасами, тогда как Сапеги подчинили все

¹⁶ На самом деле Станислав Лещинский, и, тем более, Крассау не спешили с маршем на восток [12. S. 670–671].

¹⁷ Реляция этой битвы сохранилась в бумагах литовского подканцлера С.А. Шуки [17. S. 277–279].

хоругви Вишневецких и Крышпинов. Все эти войска должны соединиться под Берестечком, чтобы перейти к активным действиям против союзников царя.

Огинский несколько притворно сетовал, что расчет на скорое прибытие Гольца спутал военные планы его и Ифланта. В ожидании со дня на день подмоги они бездействовали, хотя могли бы, как уверял Огинский, «*przy łasce Bożej sami uprzężnąć nieprzyjaciela*» («с Божией помощью сами расправиться с неприятелем»). Готовность эта подтверждалась, по словам гетмана, недавней стычкой под Ляховцами, когда якобы вчетверо больше войска противника отступили «*z wielką szkodą*» («с большими потерями») (что, как мы знаем, было не так). Подробности об этом бое должен был поведать Ленкевич. Промедление Гольца, считал Огинский, ухудшило и положение коронного войска гетмана А. М. Сенявского, которое уже три раза поднимало бунт, намереваясь покинуть гетмана, и его собственных отрядов, которые противники грозят вытеснить в голодные и разоренные районы. Уже в который раз Огинский просил дать Гольцу распоряжения немедленно выступить в район Киева, считая, что это стало бы средством «*nawieść za sobą nieprzyjaciela, otuchę sprawić pułkom ukraińskim co ducha przeciwnego mają i krolowi szwedskiemu nowe serce sprawić, który obarczony schyla się do traktatów*» («выманить за собой неприятеля, придать бодрости украинским полкам, которые противным духом объаты, и нанести очередной удар королю шведскому, который и так уже под грузом неприятностей склонен к переговорам»).

Староста жмудский свидетельствовал, что неоднократно и писал, и посылал доверенных людей к Гольцу, умоляя выслать ему хотя бы три драгунских полка, чтобы неприятеля «*peździć i znosić*» («преследовать и уничтожать»), но все напрасно. Гетман утверждал, что перед лицом усиленной союзнической группировки многие коронные и литовские хоругви оставят противника и перейдут на их сторону, что сделает и сторонников Лещинского в Литве и Короне более склонными к выгодному России и сандомирским конфедератам соглашению. Завершая свои рассуждения о присылке вспомогательных войск, Огинский декларировал: «*do ostatniej krople krwi nie odstąpię z domem moim interesu skoligowanego, abo wraz byź szczęśliwy pragnę, abo wraz przeciwności znosić będę*» («до последней капли крови буду держаться с домом моим при союзническом интересе, желал бы вместе как счастливым быть, так и беду переносить») [5. 1709 г. Д. 40. Л. 1–3об.].

Следующим вопросом инструкции, неоднократно озвучивавшимся в переговорах с царскими министрами и самим монархом, был денежный. Жалуясь, что не получил неоднократно просимых им денег на жалованье своим отрядам, Огинский сообщал, что вынужден был раздавать деньги солдатам из собственного кармана, наняв к тому же пятьсот валахов с полковником Апостолом-Микульцем. И на этот раз гетман просил царя выдать деньги непосредственно Т. Ленкевичу, а также убедить молдавского господаря уволить со своей службы Апостола Микульца, отпустив с ним его жену, детей, разрешив взять с собой скот и прочее имущество. Все это должно было быть переправлено на российскую территорию в безопасное место до окончания военных действий [5. 1709 г. Д. 40. Л. 3об.].

Огинский рекомендовал царю не доверять готовности сторонников Лещинского в Речи Посполитой и особенно Сапеги к уступкам, которые он считал показными, а заявления на этот счет – предложением, рассчитанным на выигрыш времени, которое «противная сторона» рассчитывала использовать для собственного усиления. Он сообщал о прибытии к нему с подобными предложениями официального посольства от Станислава и «приватной» миссии

от Сапег. «Nie udałem się w nie, za zdradę poczytając» («не приступил к этому, считая это предательством»), — резюмировал Огинский, замечая попутно, что принял лишь некоторые предложения от Януша Вишневецкого, поскольку тот все-таки «prawdziwy republicant» («настоящий республиканец»). Староста жмудский выражал готовность участвовать в переговорах по урегулированию ситуации в Речи Посполитой, только когда их официально начнет русская сторона [5. 1709 г. Д. 40. Л. 3об.—4].

Кроме того, польный гетман повторял свою просьбу касательно выдачи для его солдат обмундирования либо денег на него, присылки олова и пороха, а также передачи ему арестованного ранее царскими властями некоего Грабовского, сторонника Лещинского. Гетман вновь рекомендовал монарху М. М. Огинского и М. Халецкого¹⁸, обращал внимание царя на необходимость вмешательства русского правительства в дело арестованного в Пруссии комиссара Михала Княжевича, который, по словам Огинского, якобы имел денежные обязательства в отношении царя и «Rzpptej WXL» («Речи Посполитой Великого княжества Литовского») на шесть миллионов злотых¹⁹.

Наконец, жмудский староста сообщал о направлении в Киев своей племянницы, панны старостины радуньской с прислугой, придворными и обширным обозом. В Киев должна была с Подгорья прибыть и жена самого польного гетмана, как только дороги станут более безопасными. Огинский рассчитывал, что им отведут в городе или возле него место для расселения, снабдят провиантом и фуражом, а после «освобождения» Литвы предоставят конвой до границы. Кроме того, он просил дать быховскому и полоцкому комендантам указы охранять его имения — Усвятское и Озерецкое староства и содействовать посланному им в Белоруссию майору Рудницкому для найма драгун, вывода из Ошмянского повета его гусарской хоругви, а также занятию Могилевской экономии, которая ранее была под его «администрацией» [5. 1709 г. Д. 40. Л. 4]. Стоит отметить, что об охране своих имений «w białoruskim kraju» («в белорусском уезде»), которые частично разорены неприятелем, а частично «отягощены» сбором провианта комендантом Полоцка Н. Т. Ржевским, просил Г. И. Головкина также М. М. Огинский в феврале [5. 1709 г. Д. 15. Л. 30—31об.]. В апреле он повторил просьбу, жалуясь попутно, что некий Василевский, командующий находящимися в Литве казацкими и калмыцкими отрядами, «desertam zostawił z fortuny mojej» («с маетностей моих учинил мерзость запустения») [5. 1709 г. Д. 15. Л. 48—49об.].

Ответ посланнику Огинского был дан царскими министрами 11 (22) мая 1709 г. в лагере над р. Ворсклой, а два дня спустя Ленкевич был отпущен обратно к своему патрону. Русская сторона не сомневалась, что в данный момент Гольц уже соединился с Огинским, развернув активные действия в отношении противника. Ленкевичу было сообщено, что деньги, выделенные царем на войско — 100 тыс. руб., уже в дороге, их планируется передать польским

¹⁸ М. Халецкий, как и ранее, отправил министрам письма от 29 (18) апреля (из Константинова) с благодарностью за исходатайствованную ему царскую милость [5. 1709 г. Д. 20. Л. 7—9об.].

¹⁹ Михал Княжевич, клиент Огинского, подстароста жмудский [4. Т. 4. [Вып. 2]. С. 1080] и комиссар при русской армии в Литве с 1704 г., который при сборе денег с каждого дыма 1 тынф клал себе в карман [3. С. 561], был арестован в Пруссии за дерзкое убийство немецких офицеров, не стерпев от них неких «лживых слов». Бросившись один на восьмерых обидчиков, Княжевич убил капитана и поручика, двух других ранил. За это он был арестован, и Огинский настаивал, чтобы ему не выносили приговор, пока он не рассчитается за собранные от имени царя и Великого княжества Литовского средства, на которые российское правительство должно было предъявить официальные претензии. Польный гетман констатировал, что Княжевич не раз демонстрировал ему свою верность и расположение.

союзником в мае, что даст возможность Огинскому получить причитающиеся ему субсидии, потратив их в том числе и на обмундирование и военные запасы, которые царь в данный момент не имеет возможности прислать.

Царские министры с вниманием отнеслись к предложениям Огинского по поводу возможных переговоров со сторонниками Станислава Лещинского. Они констатировали, что некоторые из них действительно «*ku nam odzywają z przujażnią swoją*» («пишут нам с предложениями дружбы»), однако все отношения с ними, по совету Огинского, будут выстраиваться с «осторожностью».

Русское правительство обещало похлопотать у молдавского господаря касательно Апостола и нанятых гетманом валахов и написать прусскому послу в Москве И.Г. фон Кайзерлингу о деле Княжевича. В Киев воеводе Д.М. Голицыну были посланы дополнительные распоряжения касательно размещения в городе племянницы и супруги Огинского; комендантам Быхова и Полоцка — указы содержать именованного гетмана «*w osobliwej ochronie*» («под особенной охраной») и оказывать содействие Рудницкому. Касательно Грабовского русское правительство запрашивало информацию о том, где и когда он попал в плен [5. 1709 г. Д. 40. Л. 5–6].

После нескольких недель пассивности коронных войск сандомирян решение о направлении «заднепровского» корпуса Гольца на Правый берег Днепра, принятое Петром в первой половине апреля, оказалось своевременным. В середине апреля Гольц стоял уже под Белой Церковью, а в начале мая соединился с коронным войском в районе Константинова. Вскоре состоялся военный совет, на котором решено было начать наступление, разделившись на три колонны: Гольц должен был двигаться на Броды, Сенявский на Львов, Огинский на Олеско. 24 (13) мая при деревне Ледухово (Накваше) русские войска Гольца нанесли поражение дивизии Я.К. Сапеги. Победа окончательной переломила ситуацию на Волыни и в Галичине в пользу союзников. В июне их войска заняли Львов²⁰.

Сообщая царю и министрам о победе при Ледухове, Огинский отмечал, что Сапега не верил, что Петр, занятый борьбой с Карлом XII на Левобережной Украине, рискнет выслать на Правобережье сколь-нибудь более значительные подкрепления, нежели корпус Ифланта. Недооценив поэтому силы противника, бобруйский староста спешно, налегке выступил из-под лагеря в Берестечке, двигаясь через леса окольными путями и надеясь, видимо, повторить свой мартовский успех, когда он застал врасплох Огинского и Ифланта. Однако на этот раз жмудский староста и фельдмаршал узнали о выступлении Сапеги благодаря захваченным языкам, в результате чего стремительная атака его войск на отряды Гольца в полумиле от Подкаменя, между Наквашей и Балковскими горами, не стала для последнего полной неожиданностью. Описание сражения, данное Огинским²¹, вносит мало нового в уже известные в историографии данные, которые исходят из сапежинского лагеря и от Гольца, совпадая, по понятным причинам, с последним источником. Победителям, помимо пленных, достались кони бобруйского старосты с конюхами и мул, навьюченный мешками с деньгами, а также 12 знамен противника.

²⁰ Польские историки М. Нагельский (ошибочно именуется Г.А. Огинского Михалом) и Т. Цесельский считают это сражение победным для Сапеги, не используя российские источники, либо не доверяя им (реляция Гольца) [8. S. 92–98; 11. С. 449–452]. Более взвешенные оценки см. [9. С. 69–74; 12. S. 681; 7. S. 339].

²¹ Наиболее подробно Огинский описал битву в письме к министрам от 30 (19) мая [5. 1709 г. Д. 15. Л. 53–53об.]

Огинский подчеркивал, что, получив известие о битве через два часа, отправил разъезд в более чем 1 тыс. коней для преследования разбитых войск неприятеля, которые «różnymi szlakami bez pamięci uciekali» («разными путями в беспамятстве убегали»), однако не имел особого успеха — столь быстро бежал Я.К. Сапега, «unosząc ostatek czupryny, którą mu kozacy w potyczce wydarli» («спасая остатки чуприны, которую ему казаки в схватке подрали»). Разъезды Огинского достигли Берестечка, откуда за час до их прибытия спешно ретировались остатки обоза, разгласив, что уходят к Сокалю, а на самом деле отступив на Крылов и Брест, чем сбили с толку преследователей. Жмудский староста с удовлетворением сообщал, что среди разбитых отрядов упала дисциплина, офицеры и солдаты открыто обвиняют Сапегу в гибели войска. Известие, что со стороны Литвы наступает Л. Потей с целью захватить сапезинские обозы, усилило эти настроения. Многие якобы «czapki rzucając, przeklinając biegli rzuciwszy swego starostę bobrujskiego» («шапки бросая, бежали, оставив своего бобруйского старосту и проклиная его»), другие еще в ходе сражения выказывали готовность сдаться лично Огинскому. Он призывал царское правительство не верить дружелюбным обращениям Сапегу. В отличие от Сенявского, Огинский охотно принял участие в праздновании победы под Наквашей, которое устроил Гольц.

Жмудский староста полагал, что надлежит преследовать остатки сапезинских отрядов, чтобы не только не допустить их переформирования и пополнения (гетман считал это одной из важнейших задач на ближайшее время), но и заставить перейти под команду самого Огинского, для чего просил царя направить ему в помощь четыре тысячи (или три полка) русских драгун. Тем более, что как стало известно жмудскому старосте, Л. Потей, соединившись с дивизией Рыбинского, атаковал под Тыкоцином М.Ю. Сапегу, старосту слонимского, загнав его за Неман, а затем захватил отступавшие на Брест обозы бобруйского старосты. 15 (4) июня Огинский сообщал, что во многих поветах Литвы начались антисапезинские выступления шляхты, а на сторону республиканцев переходят солдаты и офицеры противника.

Для окончательного утверждения власти Сандомирской конфедерации в Польше и Литве, по мнению Огинского, необходимы были дальнейшие активные действия корпуса Гольца, в связи с чем он просил царя о направлении соответствующих указов фельдмаршалу. Продвижение русских войск должно было заставить отступить за Вислу Лещинского и Крассау, что откроет возможность «коммуникации» с королем Августом, которая на данный момент была перекрыта, и повысит шансы его скорого прибытия в Речь Посполитую.

Важным индикатором для отношений Огинского с царским двором стало дело генерала Гейна, арестованного на обратном пути из царской ставки в Киеве тамошним губернатором Д.М. Голицыным по распоряжению А.Д. Меншикова²². Жмудский староста настаивал на его освобождении во всех посланиях, направленных российской стороне в мае — июле. Он отвергал обвинения, выдвинутые в отношении Гейна Меншиковым (перехваченное письмо, якобы от Гейна к Лещинскому о готовности перейти на шведскую сторону под Лабунем, и заявления генерала, затрагивавшие будто бы царскую честь, что он был в свое время направлен на службу к Сенявскому, чтобы узнать о всех его «действиях и намерениях»). Жмудский староста уверял, что, если данные обвинения были бы справедливыми, он сам бы «był investigatorem choćby na

²² См. письма Гейна царю и министром от 28 апреля (8 мая; двойная дата в письме) с жалобой на свой арест и просьбой объяснить его причины [5. 1709 г. Д. 39. Л. 1–5] (см. также [9. С. 67. Прим. 20]).

rodzonego brata, bo u mnie więcej konsyderacji na publiczny interes niż na prywatny affect i pożytek» («я же для почтения союзного интересу никому в таком деле, хотя бы и родному брату не спустил»).

Огинский провел собственное расследование и выяснил, что к Станиславу писал либо генерал Штольц, либо генерал-майор И.Г. Микош (Микуш). Оба они недавно получили отпуск с царской службы и временно остановились в Лабуне, а затем в Константинове. Получив паспорт от Сапеги, они ушли с отрядом в сто человек за Сокаль окольной дорогой вскоре после битвы под Наквашей, став причиной слухов, что некий генерал дезертировал из войска жмудского старосты.

Таким образом, Огинский не видел за Гейном никакой вины, кроме вышеупомянутых высказываний, произнесенных генералом в пьяном виде. Он отрицал, что подобное вообще имело место, и полагал, что это в любом случае не должно являться основанием для столь сурового наказания. Огинский просил о скорейшем освобождении необходимого ему военачальника, арест которого в ранге посланника к царю повергает его в «сердечную скорбь», приводит к падению его авторитета как среди своих войск, так и «позорит» в глазах неприятеля. Истинная причина ареста Гейна, по мнению жмудского старосты, заключалась в недовольстве Меншикова «praetentya łaski jego czy za zasługę czy za kredyt» («докучил князю его милости прощением своим о воздаянии или за службу или за столь долгое ожидание») [5. Д. 15. Л. 53–59об., 62–63; Д. 14. Л. 58–62об.; 4. Т. 9. Вып. 2. С. 954, 962–961].

Гольц, сообщая в июне о намерении Огинского двинуться в Литву, отмечал, что тот требовал более значительных подкреплений, а именно 6 тыс. «добрых казаков» и 3 тыс. «регулярной кавалерии». С этими силами польный гетман рассчитывал не только окончательно расправиться с силами Я.К. Сапеги, но и заставить перейти его на сторону России и Сандомирской конфедерации. Гольц, обсуждавший этот вопрос с Огинским «патрикулярно», выражал уверенность, что тот своим присутствием в Литве многих «к себе привлечет и в такавае состояние себя приведет, что всегда от оного добрые удачи ожидать возможно будет, ибо також-де о всегдашней верности его к вашему царскому величеству никакого сомнения нет, от которой многие опыты объявил». Кроме того, Огинский обязался ныне находящийся при нем «регулярный корпус» литовских войск «в совершенное состояние чрез супсидии привестъ», которые царь должен был выплатить Речи Посполитой (100 тыс., обещанные в апреле), и из которых Огинскому приходилась одна треть. В письме царю Гольц просил указа относительно выплаты денег, отмечая, что коронные гетманы противятся этому. В отместку жмудский староста советовал Гольцу не давать коронным гетманам денег, пока в войско не прибудет сам король Август [4. Т. 9. Вып. 2. С. 957–958]. По поводу денег Дашков еще 6 мая сообщал Г.И. Головкину, что Сенявский и Жевуский не удовлетворены пропорцией раздела царских субсидий «купно с войском литовским, понеже староста жmoidский войска имеет малое число и гораздо плохо, а захочет части болшие и чрез то будет ссора». Резидент обещал, что будет стараться добиться раздела сумм «беспорно» [5. 1709 г. Д. 27. Л. 147].

В итоге, однако, Гольцу удалось убедить Огинского не покидать союзников, и он двинулся вместе с соединенными русско-польскими силами далее на запад. Вскоре были получены известия о победе под Полтавой [9. С. 75].

Разногласия Огинского и коронных гетманов, в частности с Сенявским, получили отражение в частично зашифрованном письме старосты жмудского

царю от 20 (9) июня (из Кривчиц). Жмудский староста обвинял Сенявского, что тот «dla przeszłych, którem dawno wyraził, racji, kieruje do tego przez swoje skryte korespondencje, aby krolowi Jmści i uchwałom Rzpptej byli szkodliwi, prowenta zabierali, jako teraz Jmść wojewoda bełzki dobra adherenskie fowet dla ich przyjaźni» («для прежних, которые я давно изобразил, причин, склоняет действия свои к тому чрез свои тайные корреспонденции, дабы королю его милости и постановлением Речи Посполитой были вредные, прибыли собирали, как ныне господин воевода белский маетности единомышленников противной стороны охороняет для их приязни»). То есть Сенявский намеренно сохранял от реквизиций имущества сторонников Станислава Лещинского, ведя с ними тайную корреспонденцию в своих целях. Огинский жаловался на враждебность со стороны Сенявского, недовольного увеличением численности подчиненного жмудскому старосте войска. Он якобы всеми силами хотел избежать конфликта с великим коронным гетманом, чтобы не усугубить положение сандомирян в целом, но просил царя предупредить на этот счет Гольца, а ему разрешить выдвинуться в Литву вместе с русским войском, с тремя тысячами драгун под командой князя Волконского [5. 1709 г. Д. 14. Л. 63–65об.]. Гольц даже считал (не исключено, что под влиянием Огинского), что Сапега «ближний союзник» Сенявского, который его «всею силою против литовского гетмана Огинского содержать хочет» [4. Т. 9. Вып. 2. С. 954]. Враждебность Сенявского по отношению к жмудскому старосте проявилась даже в рекомендации своему резиденту при царском дворе, полковнику Ю. Таушу, добиваться, чтобы Меншиков Гейна «из арешту пускать не велел» [4. Т. 9. Вып. 2. С. 973].

Огинский также сомневался в лояльности царскому правительству казачьего брацлавского полковника Григораша Иваненко, который пропустил туда и обратно некоего шведского капитана, ездившего в Молдавию из армии Карла XII для вербовки солдат (причем обратно — с набранными рекрутами). При этом Григораш якобы велел задержать тех молдаван, которые ехали к Огинскому, часть из них приказав продать в рабство в Турцию, а других повесить. Об этом жмудскому старосте сообщил отряд «волохов», который таки прибыл в расположение его войск во главе с уже упоминавшимся полковником Апостолом Микульцем [5. 1709 г. Д. 14. Л. 63–64об.].

Несмотря на постоянное выпячивание Г.А. Огинским перед царским правительством собственных заслуг и роли в кампании на Волыни и прилегающих территориях в конце 1708 — первой половине 1709 г., невысокую ценность для русской стороны *stricte* военной деятельности жмудского старосты, терпевшего поражения в стычках даже при поддержке русских войск, его политическая активность оказалась в целом весьма полезной для России в тяжелые предполтавские времена, особенно на фоне пассивности Сенявского, который предпочитал вести переговоры с противниками в ожидании развязки противостояния между Петром I и Карлом XII на Украине. Кипучая энергия Огинского, постоянно просившего подкреплений и выражавшего готовность вести активные военные действия, была на руку царю и вызывала недовольство великого коронного гетмана. Попытки жмудского старосты создать заслон против марша к Днепру Лещинского и Крассау, а также Ю. Потоцкого, его совместные с Ифлантом действия на Волыни провоцировали ревность коронных предводителей Сандомирской конфедерации, и, по всей видимости, стали одной из причин, которая заставила Сенявского в конце концов свернуть лагерь под Тарновым и двинуться на восток, чтобы не допустить соединения Гольца только лишь с Огинским.

К началу 1709 г. жмудский староста уже прочно связал свою политическую судьбу с успехами России в Северной войне, рассчитывая именно при русской поддержке укрепить свое положение в Великом княжестве Литовском, одержав победу над Я. К. Сапегой в соперничестве за булаву великого гетмана. Связи Огинского и его группировки с царским двором не характеризовались лишь выпрашиванием денежных субсидий и военных подкреплений. Передача своих семейств и имений под русскую опеку показывала, как высоки были ставки литовских республиканцев на победу российской стороны в решающем противоборстве со Швецией. Насколько оправдались эти ожидания, показали события первых месяцев после Полтавской победы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Кочегаров К.А.* Политические контакты магнатов Великого княжества Литовского с Россией во второй половине XVII – начале XVIII века // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и в настоящем: материалы международной научной конференции «Россиеведение и белорусоведение в XXI веке: традиционные и новые тенденции в научных исследованиях» (Смоленск, 11–12 октября 2018 г.) / под ред. Е.В. Кодина. Смоленск, 2018. Вып. 4.
2. *Wasilewski T. Sowa A.* Ogiński Grzegorz Antoni // *Polski słownik biograficzny*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1978. Т. 23. Niemiryż Władysław – Olszak Wacław.
3. *Burdowicz-Nowicki J.* Piotr I, August II i Rzeczpospolita 1697–1706. Kraków, 2010.
4. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 3 (1704–1705). СПб., 1893; Т. 4 (1706). [Вып. 1–2]. СПб., 1900; Т. 4 (1706). [Вып. 1–2]. СПб., 1900; Т. 5 (январь–июнь 1707). СПб., 1707; Т. 6 (июль–декабрь 1707). СПб., 1912; Т. 7. Вып. 2. М.; Л., 1946; Т. 8 (июль–декабрь 1708). Вып. 1. М.; Л., 1948; Т. 8. Вып. 2. М., 1951; Т. 9 (январь–декабрь 1709). Вып. 1. М.; Л., 1950; Т. 9. Вып. 2. М., 1952.
5. Российский государственный архив древних актов. Ф. 79. Оп. 1.
6. *Gierowski J.A.* W cieniu ligi północnej. Wrocław; Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1971.
7. *Wimmer J.* Wojsko Rzeczypospolitej w dobie wojny północnej (1700–1717). Warszawa, 1956.
8. *Nagielski M.* Kampania wojsk Stanisława Leszczyńskiego na Ukrainie w latach 1708–1709 // Иван Мазепа і його доба: історія, культура, національна пам'ять. Матеріали міжнародної наукової конференції. Київ, 2008.
9. *Вицько З.* Войска Вялікага княства Літоўскага ў кампаніі 1709 года на Захадзе Украіны // Иван Мазепа і мазепинці: Історія та культура Украіны останньої третини XVII – початку XVIII ст. Львів, 2011.
10. *Ciesielski T.* Ostatnie tryumfy bitewne oręża Wielkiego Księstwa Litewskiego – bitwy pod Lachowcami i Nakwaszą // Ваенныя трыумфы эпохі Вялікага Княства Літоўскага. Мінск, 2017.
11. *Цесельскі Т.* Последние боевые триумфы Великого княжества Литовского – битвы под Ляховцами и Наквашей // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции. 17–19 мая 2017 года. СПб., 2017. Ч. 4.
12. *Dygdała J.* Lwowska wyprawa króla Stanisława Leszczyńskiego w 1709 roku (czy zamierzano iść na pomoc Karolowi XII na Ukrainę?) // *kwartalnik Historyczny*. 2019. № 4.
13. *Pabich Ł.* Bitwa pod Koniecpolem 21 listopada 1708. Zabrze; Tarnowskie Góry, 2014.
14. *Kamiński A.S.* Konfederacja Sandomierska wobec Rosji w okresie poaltransztadzkiem, 1706–1709. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1969.
15. Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1873. Т. 11.
16. Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Rps. 1167.
17. Archiwum Główne Akt Dawnych. Archiwum Publiczne Potockich. Rps. 163a. Т. 39.
18. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 2974.

ЗАГАДКА ФРАНЦИСКА СКОРИНЫ И ИСТОЧНИК ОСТРОЖСКОЙ БИБЛИИ

© 2021 г. В.В. Калугин

*Д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН*

vasilykalugin@mail.ru

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00142а
«Толковые Пророчества в литературе и письменности Древней Руси»*

Виленский список 60–70-х годов XVI в. (из Библиотеки Академии наук Литвы) содержит новую редакцию древнеболгарского перевода Толковых Пророчеств. Он явился одним из источников Острожской Библии 1580–1581 гг. Их обратная связь текстологически невозможна. Виленская рукопись проливает новый свет на острожскую «книжную справу» и малоизученный подготовительный этап работы над Библией 1580–1581 гг., когда до получения Геннадиевской Библии из Москвы редактирование старых переводов велось по пражским изданиям Скорины и, очевидно, по подготовленным им, но неопубликованным другим ветхозаветным книгам. Языковые установки редактора отличались от взглядов Скорины. Он критически подошел к труду своего предшественника и часто отдавал предпочтение не скорининской редакции с ее упрощенным языком, а старому переводу и стандартной церковнославянской грамматике.

The Vilnius copy of the catena text of the Prophets, of the 1560–70s, from the Library of the Lithuanian Academy of Sciences, contains a revision of the Old Bulgarian translation. It was one of the sources of the Ostrog Bible of 1580–1581. The reverse relation of these texts would have been impossible on text-critical grounds. The Vilnius manuscript casts a new light on the Liturgical Books Revision and the preparatory stage of the work on the Ostrog Bible, when, prior to receiving the Gennadian Bible from Moscow, old translations were revised according to Skorina's Prague editions of the Prophets and, apparently, other Old Testament books which Skorina had edited but not published. The language preferences of the reviser differed from the Skorina's views. He treated his predecessor's work critically and would often switch out Skorina's simplified wording for the old translation and the standard Church Slavonic grammar.

Ключевые слова: Библия, Толковые Пророчества, Франциск Скорина, перевод, архетип, список, редакция, издание, чтение, глосса, цитата.

Keywords: The Bible, catenae on the Prophets, Francis Skorina, translation, archetype, manuscript copy, revision, edition, reading, gloss, quotation.

DOI: 10.31857/S0869544X0014063-2

В 1517–1519 гг. в Праге доктор медицины Франциск Скорина из Полоцка выпустил в свет 20 изданий, содержащих 23 ветхозаветные книги, почти половину ветхозаветного канона Септуагинты. При их подготовке Скорина использовал церковнославянские источники и Чешскую Библию в ее третьем, венецианском издании 1506 г. [1. С. 59–62, 128–172]. Язык его пражских изданий гибридный. Он представляет собой пеструю смесь церковнославянского, «простой мовы», польского и чешского элемента [2. С. 63]. Скорина хотел сделать Библию понятной широкому кругу читателей и ввести ее в круг домашнего чтения. Он предназначал свой труд *для людей простыхъ* [3. Т. 3. С. 12], *людѣ посполиты к добромѹ навчению* [3. Т. 3. С. 673; Т. 1. С. 5, 453; Т. 2. С. 705].

В предисловиях к своим изданиям Скорина нередко цитировал Пророчества, и чаще всего, пять раз, Иер. Цитаты встречаются в предисловиях к Исх (Ис 7: 14=Мф 1: 23; Иер 11: 19) [3. Т. 1. С. 197–199], Лев (Ис 1: 11; 53: 4–7; Иер 6: 20; Дан 9: 26) [3. Т. 1. С. 351–353], Втор (Мал 1: 2) [3. Т. 1. С. 608], Нав (Иер 31: 33; Дан 2: 44) [3. Т. 1. С. 739, 740], Руфь (Ис 16: 10) [3. Т. 2. С. 102], Плач (Иер 1: 4–5 и 29: 10) [3. Т. 3. С. 674, 675]. Из Пророчеств в издании Скорины известны всего лишь Плач и Дан (Прага, 1519 г.) [1. С. 66, 113–114; 4. С. 392–400]. В обоих случаях он взял древнеболгарский перевод Толковых Пророчеств (далее – ТП) и переработал его по Чешской Библии 1506 г. [5. С. XLVIII]. В предисловии к Плач Скорина кратко сообщил о происхождении пророка Иеремии и заметил, что *ѿ томъ ширей написалъ ѳсми во прѣдословнѣ своѣмъ на книги пророчества ѳго* [3. Т. 3. С. 674; 1. С. 113, 122–123]¹. Вероятно, здесь имеются в виду все писания Иеремии и его ученика Варуха. В конце предисловия к Дан Скорина объявил, что подготовил к печати и другие Книги пророков: *межи ѳными пророки светыми. выложихъ ѳ Данила... на рускѣи ѳзыкъ зѹполне*, то есть полностью [3. Т. 3. С. 704; 1. С. 113]. Однако, кроме Плач и Дан, другие скоринские издания Пророчеств неизвестны. «Он перевел их, но напечатать не успел. А может быть, и напечатал, но они до нас не дошли» [7. С. 275] (ср. то же: [7. С. 401, 406; 8. С. 14–15]).

В XVI в. в Литовской Руси появляются Пророчества на упрощенном книжном языке с заметной примесью «простой мовы», польского и чешского. Они сохранились в маначинском Ветхом Завете 1573–77 гг. [6. Л. 187–364об.]² и отдельном виленском списке приблизительно того же времени из Троицкого Маркова монастыря в Витебске [9. С. 58, № 47 (48)], ныне из Библиотеки Академии наук Литвы, № F19–47 [10]. Маначинский кодекс – полный свод ветхозаветных книг³, предшествующий Острожской Библии 1580–81 гг. [1. С. 221–222. Сн. 1]. В 1843 г. его разделили на две части: первая осталась во Львове (МВ 1290), а вторая, с Пророчествами, оказалась в собрании М.П. Погодина [6; 7. С. 405–406].

П.В. Владимиров указал особые текстовые совпадения между виленской и подинской рукописями [1. С. 230–233]. Он считал, что обе они самостоятельно восходят к общему протографу – библейским переводам Скорины и содержат копии подготовленных им, но неопубликованных ветхозаветных книг, в том числе

¹В маначинской Библии с текстами Скорины [6] Книгам пророков предшествует обширное предисловие. Оно имеет «много сходного с предисловиями Скорины в печатных изданиях» и также составлено на основе комментариев Николая де Лиры [1. С. 228]. В этом предисловии подробно рассказывается о пророке Иеремии [6. Л. 187об.–189].

²После Иез «писарчик» Дмитро из Зинкова в Подолье сообщил, что переписал книгу в 1577 г. по заказу иерея Иоанна из города Маначина [6. Л. 318]. Ныне это село Волочисского района Хмельницкой области на западе Украины.

³Кроме Псалтыри. Начало и конец утрачены. Ныне рукопись начинается с Быт 3 и обрывается оглавлением 13-й главы 1 Мак.

всех Пророчеств [1. С. 221–234]. Эту точку зрения разделили и другие исследователи [5. С. LXVI–LXVII, № 32, 33; 7. С. 398–406; 11. С. 29–30, 69–71, № 9, 10]. Однако объем подготовленных Скориной библейских текстов и их судьба не выяснены окончательно. Предполагают, что многое из не опубликованного им не сохранилось в авторской редакции, так как было переработано не позднее 70-х годов XVI в. По наблюдениям И.Е. Евсеева над Ис, «изменения эти не велики в погодинском списке и довольно значительны в виленской рукописи» [11. С. 29]. «В погодинской рукописи книги Исаии, Иеремии, Иезекииля представляют непосредственный перевод с чешского. В книгах же Даниила и почти всех меньших пророков, напротив, преобладает церковнославянский текст, в котором только изредка попадаются чтения и выражения, отступающие от церковнославянского текста, как в виленской рукописи» [1. С. 230, 233]. Влияние «простой мовы» особенно заметно в факультативных частях маначинского Ветхого Завета: в предисловиях к библейским книгам и киноварных заголовках.

П.В. Владимиров обнаружил, что в предисловии к Лев в издании, очевидно, 1519 г. Скорина привел отрывок из Ис 53: 4–7 [1. С. 233–234]. По его мнению, этот пример «лучше всего» показывает «сходство погодинской рукописи с переводом Скорины» (Ис 53: 4–7) [1. С. 233]. Определенное сходство есть, но гораздо больше отличий. Обратимся к источникам.⁴

Табл. 1. Переводы и редакции Ис 53: 4–7

Предисловие Скорины	Чешская Библия	Маначинская Библия	Виленский список	Геннадиевский список ТП	Острожская Библия
Войстин'нѹ <i>недути</i> наша той приналъ и <i>воласти</i> наше той понесе, мы же имели его яко трудоваго и пораженого <i>ѿ</i> бога и смиренаго. ѿн' же раненъ естъ дла безаконней нашихъ, и <i>сотренъ</i> естъ дла греховъ нашихъ. Казень пока нашего на немъ и <i>синевами</i> его ѿз'дравлены есмо. вси мы яко ѡвце блѹдиховѣ, [ошибочно 1 л. дв. ч. вм.	Histie neduhy nasse on wzal a <i>bolesti</i> nasse on nesl. A my pocžtli sme geho yako malomocneho o a iako zbiteho <i>od</i> <i>Boha</i> a poniženeho. Ale on ranien gest pro nepravosti nasse, potrzien gest pro hrziechy pokoge [pokuta trestánj] ⁴ nasseho na niem [вм. на niem: na něg wložena gest] a <i>zsynalosti</i> geho vzdraweni sme. Wsickni my yako owcze bludili sme, geden každy na cestu swu vchylil se a	Тон <i>недѹты</i> наша понесе и <i>ѡ</i> жт <i>волѣзни</i> . мѣ имѣхом и немоцна и <i>яко</i> <i>ѡбѣннаго ѡ ба</i> и оуничженнаго . <i>внѣ</i> ѿбо <i>ѡвазень</i> естъ за неправды наша. и <i>сѣтрень естъ за</i> <i>грѣхы</i> наша. пожѣта казненїа нашего възложїа на нь, и <i>снїннѡж</i> его исцѣлени есмо, вси <i>яко</i> ѡвца заблѣдїхомъ, и единыи кождыи пжтемъ своимъ оуклоуниа: и <i>тѣ</i> <i>положи на</i> <i>немъ неправости</i> наша. <i>ѡвѣтованъ</i> естъ, <i>якож</i> <i>внѣ</i> самъ хотѣ [б. Л. 218об.].	сѣ грѣхи наша пѣемлѣ, и <i>ѡ</i> <i>на</i> <i>поволѣ</i> . и мы <i>вмѣнїхѡ</i> его бы в <i>волѣзни</i> , и в' <i>ранѣ</i> , <i>ѡ</i> <i>бга</i> , и во <i>ѡзловленїи</i> . [<i>мѣ и</i>] <i>тѡ</i> же <i>ѡззвѣ</i> естъ за безаконїе наша. и поволе за грѣхи наша. наказанїе <i>смирениа</i> нашого на нь. <i>ѡзвоу</i> его мы исцѣлѣхѡ. [<i>а пер ѣ</i>] вси <i>яко</i> <i>ѡвца</i> заблѣдїхѡ, члѣкъ <i>ѡ</i> пѹти своего заблѣдї. и гѣ <i>предѣ</i> его <i>грѣхъ ради</i> <i>наши</i> .	сѣ грѣхы наша пѣемлетъ. и за ны болѣдѣтъ. и мы възмѣнїхѡмъ и въ <i>волѣзни</i> сжца. и въ <i>ѡзвѣ</i> и зазлени. тѣ <i>ѡзвлени</i> вьсть грѣхъ дѣла нашї. и моученъ вьсть безаконїи дѣла наши. <...> Раказанїе мїра нашего до него. врѣдѣмъ его мы исцѣлїхѡмъ вси. аky ѡвца заблѣдїхѡмъ. хѡда члѣкъ пж тѣмъ своимъ прѣльстїса. и тѣ прѣдасть и грѣхѣмъ	Сѣн грѣхи наша пѣемлетъ, и <i>ѡ</i> <i>насъ</i> <i>поволѣ</i> . и мы възмѣнїхѡ его въ <i>волѣзни</i> сѹца и въ <i>ѡзвѣ</i> и въ зазлени. [<i>мѣ и</i>] <i>тѡ</i> ни же <i>ѡзвѣ</i> вьсть грѣхъ ради нашї, и мѡченъ вы безаконїи ради нашихъ. Наказанїе <i>смирениа</i> нашого на нь. <i>ѡзвоу</i> его мы исцѣлїхѡ [<i>а пер ѣ</i> а крї еї] вси. <i>яко</i> ѡвца заблѣдїхѡмъ,

⁴ В скобках наиболее значимые разночтения по изданию И. Мелантриха 1556 г. [12. Стб. 352а].

1 л. мн. ч.:
вѣдѣхомъ]
ѣдинный кажъ дѣи
пѣтемъ своимъ
ѹклонившеса
. и положи
на немъ гдѣ
неправды
всехъ насъ
преданъ бысть
понѣже самъ
восхоте, и не
ѡверзе ѹстѣ
своихъ. ꙗко
ѡвца на
заколеніе
ведеса, и
ꙗко агнецъ
предъ
сѣстригущимъ
ѡнемъ, и не
ѡтворилъ
ѹстенъ
своихъ [3. Т. 1.
С. 352–353].

*Pan položil na
niem nepravosti*
wszech nas.
Obietowan gest,
neb on chtiel,
a neotewrzel
ust swych.
Jako owcze k
zabiti weden
bude a jako
beranek przed
tiem, genž ho
strziže, *oniemie*
a neotewrze ust
swych [13⁵; 14.
Стб. 365г].

той же
заклениа
дѣла не
ѡверзае ѹстѣ
свои.
ꙗко ѡвца
на
заколеніе
ведеса. и
ꙗко агне
предъ стригущимъ
его вѣгласе.
такъ не
ѡверзаеѣтъ
ѹстѣ свои
[дѣ и]
[10.
Л. 208об.–209].

нашимъ. тѣ
же закленіа
дѣла не
ѡверзаеѣтъ
ѹстѣ. ꙗкы
ѡвца на
заколеніе
приведеса. и
ꙗкы агнецъ
прѣ
стригущааго
и. безъ гласа.
такоже не
ѡверзаеѣтъ
ѹстѣ своихъ
[15.
Л. 184–184об.].

ходѣ чѣкъ
пѣтемъ
своимъ
прельстиса.
и гъ
предаетъ его
грѣхъ ради
нашихъ, тѣи
же закленіа
заклениа
ѡверзаеѣтъ
ѹстѣ
своихъ. ꙗко
ѡвца на
заколеніе
ведеса, и
ꙗко агнецъ
прѣ стригущимъ
его
везъгласенъ.
такоже не
ѡверзаеѣтъ
ѹстѣ
своихъ
[ма къ
дѣ и] [16.
Стб. 88б].

Цитата у Скорины приведена по Чешской Библии с учетом старого перевода ТП, с которым она совпадает только в самом конце. Общих мест с погодинской рукописью немного, и они часто повторяют чешский оригинал. Причем в погодинском кодексе перевод иногда ближе к изданию И. Мелантриха 1556 г., чем к источнику Скорины – публикации 1506 г. Показательна параллель: *pokuta trestánj nasseho na něg wložena gest* у Мелантриха и *поклѣта казненіа нашего възложиша на нь* (Ис 53: 5) с сохранением *поклѣта*. В Чешской Библии лат. *livore* от *livor* ‘синева; синяк’ переведено как *zsynalosti*. У Скорины: *синебамѣ*, в маначинском Ветхом Завете: *синнож*; ср. по-древнерусски: *синевъ*, *синева* ‘синяк’ [17. Вып. 24. С. 149]. Виленский список содержит пересмотренный текст ТП, но и здесь сказались чешское влияние: в начале, в добавлении *ѡ вѣга*. Важно, что правка в F19–47 предшествует острожскому изданию Ивана Федорова, включая ссылки на полях на параллельные места в других библейских книгах (совпадения подчеркнуты в табл. 1).

В предисловии к Плачу Скорина процитировал Иер 1: 4–5 [3. Т. 3. С. 674]. Начало Иер (1–25: 14) отсутствовало в архетипе ТП. Много позднее были добавлены три отрывка из Паримийника (Иер 1: 1–8, 11–17 и 2: кон. 1–12), частично восполнившие пропуск [18. С. 22]. Старшая точно датированная книга с таким дополнением – московская рукопись 1489 г. [19. Л. 288–289]. В самом начале 90-х годов XV в., не позднее июня 1492 г., в Новгороде монах Вениамин перевел пропущенные тексты по Вульгате. Вот как передано это место в разных источниках.

⁵ Издание 1506 г. без фолиации.

Табл. 2. Переводы и редакции Иер 1: 4–5

Предисловие Скорины	Чешская Библия	Перевод Вениамина	Виленский список	Маначинская Библия	Кодекс 1489 г.
И ВЫСТЪ слово ГДЪНЕ ко МНѢ , пер'вей нежелн соз'даѹ тѧ во чреве знаѹ тѧ. И преж'де нежелн вышел' есъ с ложеснѣ посвѧтих' тѧ (Иер 1: 4–5) [3. Т. 3. С. 674].	Y stalo se slowo Panie, ke mnie rzka Prwe, než sem tie stworzil w brzyssye, [w żiwotě] ⁶ znal sem tie a drziewe, [prwé] nežs [контракция двух клитик než+jsi] wysseł z żywota matky twe, [нет matky twe] poswietil sem tebe [13; 14. Стб. 370в].	И ВЫСТЪ слово ГНЕ къ МНѢ рекѹци . Прѣ неже създаѹ тѧ въ чревѣ познѧ тѧ: прѣ неже иъыдешн ѿ матрисн ѿ ложеснѣ ѿ посвѧтих' тѧ [20. Л. 514].	И ВЫ слѡво ГНЕ къ МНѢ глѧ. прѣ да тебе не създаѹ въ чревѣ, свѣиъ тѧ. И прѣ да не иъыде иъз' лѡжесн' мѣре твоѡ. остн тѧ [10. Л. 313].	ВЫ слѡво ГНЕ къ МНѢ глѧ, прѣжде нежелн сътвори тѧ въ атровѣ, познѧ тѧ: и прежде нежелн иъшель еси ѿ атровы, ѡстн тѧ [6. Л. 226].	И ВЫ слѡво ГНЕ къ НЕИѹ ⁷ глѧ. преже даже тебе не създаѹ въ чревѣ въ атровѧ] свѣиъ тѧ. [далее н] преже даже не иъыде иъз ложеснѣ [так или иъз атровы] стнхѹ [ѡстнх' тѧ [19. Л. 288].

И эта цитата у Скорины, как и предыдущая, не совпадает по большей части с приписываемыми ему переводами в маначинской и виленской рукописи. Но ведь он мог и варьировать библейские примеры, тем более из неопубликованных текстов. Если взять две цитаты Скорины из Дан в его предисловиях и сравнить их с его изданием этой книги в 1519 г., то можно видеть, что в предисловии к публикации Лев, очевидно, того же 1519 г. параллельные места полностью тождественны (Дан 9: 26) [3. Т. 1. С. 353; 3. Т. 3. С. 752], а в предисловии к Нав, увидевшей свет годом раньше, есть разночтения (Дан 2: 44) [3. Т. 1. С. 740; 3. Т. 3. С. 714]. Возможно, отличия обусловлены не только свободой цитирования, но и тем, что в 1518 г. работа над текстом Дан еще не была закончена, а годом позже она уже была завершена.

Гораздо важнее то обстоятельство, что у Скорины, в маначинской и виленской рукописи использована Чешская Библия. Скорина пересмотрел паримийный текст (Иер 1: 4–5) по веницианскому изданию 1506 г.; ср. в табл. 2: Prwe>пер'вей; znal sem>знаѹ; wysseł z>вышел' есь с; poswietil sem>посвѧтих'. Виленский список следует с дословной точностью за паримийным отрывком (очевидно, в составе ТП) и только в конце отступает от него под влиянием чешского оригинала. На этом следует остановиться особо.

В переводе Вениамина выражение de vulva передано латинизмом **ѿ матрисн** и объяснено на поле паримийным чтением: **ѿ ложеснѣ** (Иер 1: 5) [20. Л. 514]. В данном случае matrix, -icis имеет значение 'материнская утроба' (ср.: [17. Вып. 9. С. 47]). Во многих списках Паримийника здесь **иъз ложеснѣ** [21. С. 414, 415. Л. 104] и так же во вставке в ТП [19. Л. 288; 22. Л. 274об.; 23. Л. 302об.; 24. Л. 373а; 25. Л. 192; 26. Л. 263об.; 27. Л. 90; 28. Л. 228; 29. Л. 253; 30. Стб. 273г; 31. Л. 407; 32. Л. 176об.]. В F19–47 паримийное чтение дополнено по чешскому переводу: **иъз' лѡжесн' мѣре твоѡѧ** (л. 313); ср.: z żywota matky twe. В издании 1556 г. Иржи Мелантриха нет слов matky twe, и его следует исключить из числа возможных источников. В Острожской Библии латинизм **ѿ матрисн** переосмыслен. Его немного подправили и разделили на два слова: **ѿ мѧтери си** [16. Стб. 93в], превратив **си** в частицу 'же'. Неверное окончание

⁶ В скобках варианты по изданию Мелантриха 1556 г. [12. Стб. 356в].

⁷ В скобках разночтения по изданию Паримийника [21. С. 414, 415. Л. 104].

-и в **мáтѣри** выдает исходную форму **матриси**. Грамматическая неточность не укрылась от издателей Московской Библии 1663 г., и они заменили -и на -ѣ: **Ѡ мáтѣре сѧ** [33. Стб. 304г]. Острожское чтение могло появиться вследствие сравнения вариантов Геннадиевской редакции и виленского списка.

При подготовке острожского издания по московскому экземпляру Геннадиевской Библии болгарские переводы Пророчеств с греческого и новгородские с латыни пересмотрели и отредактировали [1. С. 211–218; 34. С. 98, 107]. Замечательно, что во многих случаях такая правка есть уже в виленской рукописи. Ее датируют третьей четвертью XVI в. [35. С. 18], наиболее вероятны 60–70-е годы. Филигранные компакты приходятся на период 1557–1566 гг. Книга переписана «литовской» скорописью, типичной для второй половины XVI в. В языке нередки местные особенности: отверждение [ѣ]: **Ѡвръчы** (Ис 3:19), **львичыца** (Ис 5:29) (л. 134, 137об.) и часто [r]: **к' морѣ** (Зах 14: 4) (л. 120), переход безударного [’а] в [е] после мягкого согласного: **паметь** (Ос 14: 8) (л. 51), утрата начального безударного и (<*jь) перед согласным: **з’бавистѣ** (Ис 52: 3) (л. 207об.), редукция начального безударного [u] и его переход в неслоговое [ụ] перед согласным и после гласной: **навчаю̣** (Дан 12: 3), **навчѧса** (Дан 12:4) (л. 465об.), а также **сказаюцци** вм. -це («Сказание пророчества Исаина») (л. 485) и т.п. Следует заметить, что в параллельных местах в Дан у Скорины книжные формы.

Виленский список содержит новую редакцию Пророчеств. Еще П.В. Владимиров отметил ее близость с Острожской Библией. Он предположил, что у острожских издателей «могли быть рукописи, содержавшие церковнославянский текст, смешанный с переводом Скорины», вроде погодинского и виленского списка [1. С. 212, 232]. Основным источником последнего были рукописные ТП в древнеболгарском переводе. Редактор хотел дать текст для чтения, поэтому исключил толкования. Однако после Иез 48 по невнимательности переписано толкование на эту главу (л. 311об.–312). Перед Ис 13 помещены в качестве киноварного заголовка глосса **Ѡ црѣвѣ ѧспириско̣** и начало «Феодоритова» толкования на Ис 13: 1, на что уже обращалось внимание [1. С. 229. Сн. 3]. Сохранена та же структурная особенность, что и в преславском переводе: Иез находится не после, а перед Иер. Стих Иез 36: 12 полностью пропущен в редакции ТП [15. Л. 318об.; 20. Л. 585об.; 36. С. 411], а также в F19–47 (л. 286об.) и Острожской Библии [16. Стб. 142в]⁸.

В виленском списке собраны вместе и перенесены в конец все старые вступительные и заключительные статьи к Книгам пророков из Толковой редакции (л. 475об.–495об.). Рукопись открывается подборкой новых «надписаний глав» ко всем Книгам пророков (л. 1–14, 15–32об.)⁹. В самом начале ее, в заголовке предисловия к Ис (л. 1), указано, что оно взято из Чешской Библии [9. С. 58, № 47 (48)]. По мнению П.В. Владимирова, «надписания глав» переведены из Чешской Библии 1506 г. [1. С. 228–229; 7. С. 406]. Их язык – «проста мова» с чехизмами и полонизмами в отличие от церковнославянского, временами гибридного языка основного текста. Последние предисловие к Дан (л. 27–30об.) и «надписания глав» (л. 31–32об.) заимствованы из издания 1519 г. Скорины

⁸ В F19–47 текст Пророчеств разбит на главы, что в церковнославянской традиции ТП известно, начиная с их Геннадиевской редакции начала 90-х гг. XV в., а вся 22-я глава Иез (1–31) поделена еще и на стихи (л. 261–263). Деление европейской Библии на стихи появилось поздно. Первым это сделал в 1551 г. парижский издатель Робер Этьенн (Stephanus). Среди украинско-белорусских ТП изредка встречаются списки с частичным делением текста на стихи, например, редакторская правка не ранее последней трети XVI в. и не позднее первой трети XVII в. (Ис 1–8) [25. Л. 59–67].

⁹ Подобные, иногда совпадающие «надписания глав», находятся в тексте Пророчеств в маначинском кодексе.

[1. С. 229; 3. Т. 3. С. 698–703]¹⁰. В предисловии Скорины опущена конечная историко-культурная часть после десятого видения Даниила [3. Т. 3. С. 703–704]. Эти последние в подборке тексты отличаются от предшествующих гибридным книжным языком, а предисловие Скорины еще и значительно большим объемом. В виленском списке язык Скорины славянизирован и здесь, и в других местах (Плач и Дан), хотя и непоследовательно. Над этими текстами работал не переводчик «написаний глав», а другой книжник-традиционалист.

В виленском списке сделаны и другие дополнения и перестановки по сравнению с Толковой редакцией. Восстановлен порядок глав Иез 45–48 (л. 304–311об.), перепутанных в протографе ТП, и восполнены пропуски архетипа в Иер (1–25: 14; 33: 14–26; 46–52: 3) (л. 313–352об.; 368–369; 386–401). Посл Иер стало шестой, заключительной главой Вар, а история Сусанны – тринадцатой, предпоследней главой Дан (л. 420–423об., 466об.–471), как в Вульгате и под ее влиянием в Чешской и Геннадиевской Библии. Маленький пропуск архетипа (Иез 1: кон. 1–2) восполнен по паримийному чтению (возможно, в составе ТП) и Чешской Библии. Редакция несколько отличается от дополнения этого места по Паримийнику в некоторых восточнославянских ТП. Ниже курсивом нами выделена правка по чешскому источнику: *Ўвръзошася нѣа. ѿ видѣхъ видѣнїе бжїе пѣты мѣа. сѣ лѣто пѣтоє пѣнѣнїа ѿвѣкїа цѣа ѿбдїна* [10. Л. 227; 16. Стб. 125в]; ср.: ...w patem dni [páteho dne] miesyce to gest leto pate przewedenie [zawedenij] Yoachuma, krale Yudskeho (Иез 1: 2) [13; 14. Стб. 402г] (в скобках варианты по изданию Мелантриха 1556 г. [12. Стб. 386г]). Небольшая лакуна (Иер 33: 14–26) не была замечена новгородскими, геннадиевскими справщиками [15. Л. 364об.; 20. Л. 536]. Она устранена в виленском списке и Острожской Библии с двумя мелкими разночтениями между ними: *сѣ днїе ѿдъ рече гь. ѿ вьстѣвлю слѣво добро* (Иер 33: 14) [10. Л. 368] и *се днїе градъ рече гь, ѿ вьстѣвлю слѣво бгго* [16. Стб. 1096]. Вариант виленской рукописи первичен, так как соответствует чешскому оригиналу: gdu или gdau (=jdou ‘идут’), slowo dobre [13; 12. Стб. 371в; 14. Стб. 386б]. В острожском издании этот стих был позднее подправлен.

В Острожскую Библию включены в исправленном виде Пророчества в Геннадиевской редакции с новгородскими переводами Вениамина из Иер по Вульгате [34. С. 98]. Один из них устраняет большой пропуск архетипа (Иер 1–25: 14). В виленском же списке в этом месте сохранены три догеннадиевские вставки в ТП из Паримийника: Иер 1: 1–8, 11–17 (стихов 9–10, 18–19 нет) и Иер 2: кон. 1–12 (л. 313–314об.). Они известны в большинстве восточнославянских ТП, по крайней мере, с конца XV в. В F19–47 пропуски между паримийными чтениями восполнены переводом с чешского, иногда совпадающим с версией манахинского Ветхого Завета [6. Л. 226, 226об.]. Вся эта работа лишена смысла, если основным источником F19–47 было острожское издание, исправленное и дополненное.

В Геннадиевской редакции перевод Вениамина точно передает Вульгату: *ѿ рекѣ. а. а. а. гн бѣ. се не вѣмъ глѣти ѿже ѿтрокъ ѣсмь* (Иер 1: 6) [20. Л. 514]; ср.: лат. et dixi a a a Domine Deus ecce nescio loqui quia puer ego sum. Виленская рукопись содержит вставку по Паримийнику [21. С. 414, 415. Л. 104], известную во многих других ТП: *ѿ рѣхъ; сѣ вѣко гдї. не вѣмъ глѣти. ѿко юнъ азъ ѣсмъ* (л. 313). В Острожской Библии здесь правка. Перевод Вениамина отредактирован

¹⁰ Кстати сказать, в начале одного из экземпляров Острожской Библии приплетены списки предисловий Скорины [37. Стб. 1а–25г]. «Все предисловия переписаны из известных нам пражских печатных изданий» 1517–19 гг. [7. С. 407]. Две статьи – «Сказание Исаина Пророчества» Феодорита Кирского и «О именах пророческих» Епифания Кипрского [37. Стб. 25а–6] – заимствованы из ТП, где они находятся соответственно до и после Ис.

по Паримийнику или, скорее, по вставке из него в ТП: ꙗ рекѡхъ, сынъ вѣко гни, се не вѣмъ глаголю ꙗже ѡтрокъ есмь [16. Стб. 93в]. Версия виленского списка старше Геннадиевской и Острожской редакции.

В переводе Вениамина, монаха доминиканского ордена, нередки латинизмы. Один из них – въ менстрѣ ела ѡбращѣтъ ела (Иер 2: 24) [20. Л. 515; 34. С. 95]; ср.: лат. in menstruis eius inuenient eam. В виленской и погодинской рукописи одинаково: в' жѣньскы нѣмоцѣ ѡхъ ѡбращѣтъ ю [10. Л. 315об.; 1. С. 231–232], как в чешском оригинале: w ženských nemoczech gegich naleznu gi [13; 12. Стб. 357б; 14. Стб. 371б]. В Острожской Библии принято чтение Геннадиевской редакции, но латинизм заменен, очевидно, по виленскому списку: в нѣмоцехъ ела ѡбращѣтъ ела [16. Стб. 94б].

Латинское выражение *voset molaе* ‘звук (скрип) жернова’ было прочитано как *mollem* и переведено Вениамином: гла макокъ ꙗ свѣтъ свѣтилника (Иер 25: 10) [20. Л. 530; 34. С. 98]; ср.: лат. *lumen lucernae*, где *lucerna* ‘свеча, светильник, лампада’. В F19–47 переведено с чешского. Причем латинизм *lucerna* понят в переносном значении ‘луч’, которое он имел в старочешском языке: гла жернова ꙗ свѣтло лѣча (л. 352об.); ср.: *hlas žernowa a swietlo lucerny* [13; 14. Стб. 381в]. В свою очередь, в древнерусском языке лѣчь мог обозначать ‘светильник, факел; любой источник освещения’ [17. Вып. 8. С. 314]. У Иржи Мелантриха, изданием которого пользовались острожские справщики¹¹, это место передано иначе, ближе по смыслу к латинскому источнику: *swęto swjce* [12. Стб. 367а]. Очевидно, что перевод в F19–47 сделан не по Мелантриху. В Острожской Библии ошибка исправлена: гла жерновень, ꙗ свѣ свѣтилникъ [16. Стб. 105а]. И в этом, и в предшествующем случае чтения виленской рукописи нельзя вывести из Острожской редакции. Обратная же взаимосвязь весьма вероятна.

В Острожской Библии «удержаны иногда даже явные ошибки перевода и писцов» [34. С. 98]. Одна из них встречается в дословном переводе Вениамина: ꙗ посѣщѣ на ва по плоти [должно быть плодѣ] ѡученіемъ вашимъ (Иер 21: 14) [20. Л. 527об.; 34. С. 98]; ср.: лат. *et visitabo super vos iuxta fructum studiorum vestrorum*. В виленском списке дан новый перевод с чешского: ꙗ мщѣ на вы по плодѣ мышленіи ваши (л. 346об.); ср.: *A nawsstiewim na was podle owoce myssleni wassych* [13; 14. Стб. 379г]. В чешском языке глагол *navštíviti* имеет (и имел раньше) только значение ‘посетить’, но не ‘наказать, покарать’ (ср. выше: мщѣ в F19–47). В Кралицкой Библии 1579–93 гг. в этом месте стоит *trestati* ‘наказать’, что точно соответствует масоретскому канону: *Nebo trestati vás budu podlé skutků vašich*, где *podlé skutků* означает ‘по плодам дел (деяний) ваших’. У Мелантриха также *nawsstijwim*, но концовка другая, отличная от F19–47: *snažnostij wassých* [12. Стб. 365б]. В старочешском языке *snažnost* – ‘старание, усилие, работа’. В острожском издании сначала повторен текст Геннадиевской редакции, включая ошибку, и потом сделана замена ѡученіемъ на мышленіи по виленской рукописи: ꙗ посѣщѣ на ва съ по плоти мышленіи ваши^м [16. Стб. 103б]. По невнимательности справщик, работавший с двумя источниками, забыл о согласовании и не поменял форму ед. ч. ваши^м на мн. ч. вашихъ.

В F19–47 можно обнаружить некоторые следы знакомства с новгородскими переводами монаха Вениамина начала 90-х гг. XV в. Редактор использовал их как дополнительный источник, сверялся с ними, но предпочитал им

¹¹ Мелантрих выпустил в свет несколько изданий Чешской Библии: 1549 г., 1556/1557 г. (перепечатано в 1560/1561 гг.) и 1570 г. (перепечатано в 1577 г.). В Острожской Библии имеется ссылка на чешский источник. После 3 Мак указано, что ее нет в Библии славянской (Геннадиевской), латинской и польской, но она есть в Библии греческой и чешской.

Чешскую Библию¹². Едва ли случайны почти дословные повторения Геннадиевской редакции: *съгрѣшихѡмы ѿ ѿцы наші ѡ юности ншеа дѣ до сего днѣ: ѿ не слышахѡ (не послушахѡ в F19–47; ср.: neposluhali gsme [13; 12. Стб. 358а; 14. Стб. 372а]) гласа га ба нашего (Иер 3: 25) [20. Л. 516; 10. Л. 318; 16. Стб. 95а] или: Кто дастъ главѣ моеі водѣ: ѿ ѡчима мойма [ѡчесѣ моі в F19–47] источникъ слезѣ (Иер 9: 1) [20. Л. 520; 10. Л. 327об.; 16. Стб. 96г] и т.п. Кстати сказать, на основании текстологических наблюдений Т.Н. Копреева пришла к выводу, что Скорина «имел в своем распоряжении какой-то список новгородского перевода, близкий по редакции к Погодинскому сборнику № 84» с переводами из Вульгаты [38. С. 64].*

Виленский список не знает правки в старом переводе ТП, сделанной при подготовке острожского издания. Последнее объединяет чтения Геннадиевской редакции с вариантами F19–47 и вносит новые исправления, не известные в других ТП: *фѣдѣ ѿ ливы, мнѣ, тѣмпаны, възз'главіицѣ, възз'главіа* (см. табл. 3).

Табл. 3. Правка в Острожской редакции Пророчеств

<i>Геннадиевская Библия</i>	<i>Виленский список F19–47</i>	<i>Острожская Библия</i>
1. ѿ лививѣсѣ' (Наум 3: 9) [20. Л. 632; 15. Л. 61об.]; ср.: греч. καὶ Λίβυες.	ѿ лойивнѣсен, так! л. 89об.	фѣдѣ [=фѣдѣ] ѿ ливы 'пут и ливийцы' [16. Стб. 171а]; ср. разночтения в Септуагинте: φοῦδ (фонт, фонт) καὶ Λίβυες и лат. Africa et Lybies.
2. К <i>товѣ ма</i> зоветь (Ис 21:11) [20. Л. 489об.; 15. Л. 149об.].	К' <i>тевѣ ма</i> зоветь, л. 158.	Къ <i>миѣ</i> зоветь [16. Стб. 77г].
3. възмеши <i>бжвны</i> своа (Иер 31: 4) [20. Л. 533об.].	возмеши <i>бжвны</i> своа, л. 362.	возмеши <i>тѣмпаны</i> своа [16. Стб. 107в].
4. лѡтѣ съшивающіймъ <i>доухѣторы</i> пѡ всакоѡ ржки лакѣтѣви (Иез 13: 18) [20. Л. 567об.].	гѡре с'шивающій <i>дѡторы</i> , пѡ всакы лѡкотѣ ржки, л. 245.	гѡре с'шевающіймъ <i>възз'главіицѣ</i> пѡ всакѡи лѡкотѣ ржки [16. Стб. 130б].
5. ѣгда ѡвѣщаваѣте людемъ <i>послѣшающіймъ соуиухѣ</i> . ѡвѣтѣ. (так или ѡвѣтѣ [39. Л. 255; 15. Л. 244об.; 36. С. 189]) того дѣла се глѣтѣ гѣ. се азѣ на <i>доухѣторы</i> ваша (Иез 13: 19–20) [20. Л. 567об.].	л'жѣце людѣ мой, послушающій лжи. сего рѣ се глѣтѣ гѣ. се азѣ на <i>доухѣторы</i> ваша, л. 245об.	л'жѣце людемъ моймъ, послѣшающіймъ л'жи. <i>Бего</i> рѣ се глѣтѣ гѣ. се азѣ на <i>възз'главіа</i> ваша [16. Стб. 130б].

Редактор F19–47 тщательно сравнил Плач и Дан в древнеболгарском переводе с изданиями Скорины. Его языковые установки отличались от взглядов Скорины. Он критически подошел к труду своего предшественника и часто отдавал предпочтение не скорининской редакции с ее упрощенным языком, а старому переводу и стандартной церковнославянской грамматике [1. С. 229–233; 5. С. LXVI, № 32; 11. С. 30]. В то же время он стремился сделать библейский текст понятным. Поэтому он заменял устаревшее и темное по адаптированным изданиям Скорины, по ним же делал уточнения на полях и вместе с тем редактировал Скорину, создавал свои особые чтения (см. табл. 4, № 2, 10). Чаше на поля выносятся варианты Скорины, реже – чтения ТП (см. табл. 4, № 7, 8).

¹² Нечто похожее можно видеть в Острожской Библии. В ней отрывок Иез 45: 12–25 и глава 46: 1–24, перепутанные в протографе ТП и переведенные Вениамином заново, остались в старом переводе. Их извлекли из Иез 48: 4 и вернули на свое место, устранив путаницу [34. С. 107]. Острожские издатели предпочли древний перевод с греческого новому с латыни. В Геннадиевской же Библии по недосмотру даны оба перевода и сохранена путаница в Иез [20. Л. 593–594об. и 595об.–596об.; 34. С. 104].

Табл. 4. Источник Острожской редакции Пророчеств

Перевод ТП	Издания Скорины	Виленский список F19–47	Острожская Библия
1. стражъ. [ошибочно вм. страхъ] ¹³ ѿ оу҃жастъ высть намъ, въздвигеніе ѿ съкръ- шеніе (Плач 3: 47) [15. Л. 393].	Страшило ѿ сило выть намъ пророчес'тво ѿ сокрүшение [3. Т. 3. С. 689].	стра ѿ оу҃жастъ вы на. въздвигеніе [на поле: прорѣство] ѿ съкрүшение, л. 409об.	страхъ ѿ оу҃жастъ высть намъ, въздвигеніе и съкрүшение [16. Стб. 121б].
2. кормимѣи. зръны. ѡдѣшася въ гнои (Плач 4: 5) [15. Л. 393об.].	ѿ тий еже хованы были во красны речѣ хопиася гнои [3. Т. 3. С. 691].	кормимѣи зерны, [на поле: ѿ ѿ храненияи быша в' красотѣ.] ѡдѣша в' гнои, л. 410.	кормимѣи зерны, ѡдѣшася в' гнои [16. Стб. 121в].
3. Дхъ прѣ лицемъ нашимъ бл҃гъ гь, ѡ ѡтъ бы въ расыпаныи наши (Плач 4: 20) [15. Л. 394об.].	Духъ ѡстѣ наши Хрѣтосъ гдѣ ѡнатѣ во гресехъ наши [3. Т. 3. С. 693].	Дхъ прѣ лицѣ наши бл҃гъ гь. ѡтъ бы ^{сг} в расыпаныи наши, к этому на поле: Дхъ ѡстѣ нши хс гь, ѡтъ е ^{сг} въ грѣсѣхъ наши, л. 411.	Дхъ прѣ лицемъ нашимъ бл҃гъ, гь ѡтъ высть в расыпаныи наши [16. Стб. 121г].
4. ѡск҃си ѡтроки твоѡ до десѣти днѣ. ѿ да ны даси, ѡ сѣменъ земельныи, да ѡмъ ѿ да пѣмъ водѣ, ѿ да са ѡвѣтъ прѣ твою ѡзрѣчи наша. ѿ ѡзрѣчи ѡджции ѡтрокъ. ѡ трапезы црѣ. ѿ ѡкоже оу҃зриши. сѣтвори сѣ ѡтроки твоими (Дан 1: 12–13) [15. Л. 402об.; 5. С. 6].	Покүси насѣ равовъ твоихъ молимося тобе за десѣть дней. ѿ да дають намъ кашү крупанү ести ѿ воду пити. ѿ потомъ возри на лица наша ѿ на лица ѡтроковъ ровесниковъ наши ѡджциихъ ѡ столү царева, ѿ ѡкожъ повидит' ти са тако ѡчиниши с рабы своими [3. Т. 3. С. 707].	ѡскүси ѡтроки твоѡ до десѣти дѣ. ѿ да ѡи намъ. ѡ сѣменъ земны [на поле: кашү крупанү.] ѡсти, ѿ пи [ѿ пи добавлено на корешковом поле] водѣ. ѿ потомъ возри на лица нша ѿ на лица ѡтроковъ ровѣниковъ нашихъ ѡджциѣ ѡ стола црева. ѿ ѡкожъ ѡзрит' ти са, тако сѣтвори сѣ ѡтроки твоими, л. 426.	ѡскүси ѡтроки твоѡ до десѣти днѣ. ѿ да ны даси ѡ сѣменъ земельныхъ да ѡмы, ѿ да пѣмъ водѣ. ѿ да са ѡвѣтъ прѣ твою ѡзрѣчи наша, ѿ ѡзрѣчи ѡджциихъ ѡтрокъ ѡ трапезы црѣ. ѿ ѡкоже оу҃зриши сѣтвори сѣ отроки твоими [16. Стб. 150б].
5. жг҃щце печь. сѣрою ѿ пыкъльмъ ѿ ѡзгрѣвѣми ѿ лознѣмъ (Дан 3: 46) [15. Л. 408; 5. С. 48].	подпалати печи. неф҃тнѣи күделею смолою ѿ хворостомъ [3. Т. 3. С. 721] ¹⁴ .	жг҃щце печь, неф҃тнѣю. ѿ ѡзгрѣвѣми. [на поле: күделею] смолою ѿ лознѣмъ, л. 436.	жг҃щце пѣ наф҃ою ѿ смолою, ѿ ѡзгрѣвѣми ѿ лознѣмъ [16. Стб. 152в].
6. власи ѡмъ ѡко львоу възвеличаша (Дан 4: 30) [15. Л. 411–411об.; 5. С. 78].	власи его наподовность пүхү ѡрловому возросли [3. Т. 3. С. 730].	власи его подовнѣю пүхү ѡловү [на поле: власи ѡловъ] възрасли, л. 443.	власи ѡмъ ѡко львѣ възвеличаша [16. Стб. 153б].
7. сказаѡ сьны, ѿ сѣвѣстѣа дръжимѡа ѡг҃лы. ѿ раздрѣшѡа сѣвѣзгы (Дан 5: 12) [15. Л. 412об.; 5. С. 86].	выкладаниа сновъ ѿ ѡкритиѡ тайнъ ѿ розвѣзаниа соззовъ [3. Т. 3. С. 733].	сказаниѡ сновъ. ѿ ѡкровениѡ тай. [на поле: ѿ звѣстѣа држимѡа ѡг҃лы] ѿ раздрѣшениѡ соззовъ, л. 445.	сказаѡ сьны, ѿ сѣвѣстѣа дръжимѡа ѡг҃лы, ѿ раздрѣшѡа сѣвѣзгы [16. Стб. 153г].

¹³ Распространенная ошибка, унаследованная от восточнославянского протографа ТП и перешедшая в Геннадиевскую Библию (например, [19. Л. 322; 20. Л. 552об.; 28. Л. 340об.; 39. Л. 433об.]). В болгаро-молдавских списках ее нет.

¹⁴ Это место передано иначе в Псалтыри в издании Скорины, в пророческих песнях: жг҃щце печь, наф҃ою [на поле: неф҃тнѣю] ѿ смолою ѿ ѡзгрѣвѣми ѿ лознѣмъ [3. Т. 3. С. 282].

8. рече ѣдинъ стѣи. Фелмоній глѹщѣ ѣмѣ (Дан 8: 13) [15. Л. 417; 5. С. 118, 119]; ср.: греч. τῷ φελμουι (φελμωνι), иногда на поле: τῷ ἑτέρῳ.	рече ѣдинъ свѣтѣи ко дрѹгомѹ не вемъ къ комѹ молѣвѣшемѹ [3. Т. 3. С. 746].	рѣ ѣди стѣи къ дрѹгомѹ не вѣ къ комѹ глѹщѣ [на поле: Фемонній] ѣмѣ, л. 454об.	рече ѣдинъ стѣи Фемоній глѹщѣ ѣмѣ [16. Стб. 155в].
9. ѿ слава моя ѡвратисѣ въ расыпаніе. ѿ не оѹдрѣжахъ крѣпости (Дан 10: 8) [15. Л. 420; 5. С. 138].	ѿ не ѡста во мнѣ сила, но ѿ лице мое изменисѣ на мнѣ, ѿ высохъ ѿ ничтоже крѣпости ѿмѣхъ в совѣк [3. Т. 3. С. 754].	ѿ слава моя превратисѣ во истленіе. [на поле к этим словам: ѿ лицѣ мое измени на мнѣ] ѿ исхѡ и ничтѡ крѣпости ѿмѣ в совѣк, л. 459–459об.	ѿ слѣва моя ѡвратисѣ въ насыпаніе, ѿ не оѹдрѣжахъ крѣпости [16. Стб. 156в].
10. ѿ пролѣтѣ къ прѣсти. ѿ прѣимѣтъ градѹ тврѣды (Дан 11: 15) [15. Л. 421об.; 5. С. 152].	ѿ соверѣтъ рѣтъ ѿ прѣимѣтъ грады крѣпкиѣ [3. Т. 3. С. 758].	ѿ сноси насопѣ. [на поле: ѿ сѣверѣ рѣ] ѿ прѣимѣ грады крѣпки, л. 462.	ѿ пролѣтѣ къ прѣсти, ѿ прѣимѣ грады тврѣды [16. Стб. 157а].
11. принесѣта масло ѿ смѣшѣніе. ѿ двѣри градныхѣ затворита да сѣ ѿмыю (Дан 13: 17) [15. Л. 400; 5. С. 170].	принесите мнѣ ѡле ѿ мыло, ѿ двѣри заграда затворите да сѣ ѡмыю [3. Т. 3. С. 766].	принѣсете мнѣ масло ѿ смѣшѣніе. [на поле: ѡле и мыло] ѿ двѣри ѡграда затворите да сѣ ѡмыю, л. 467об.	принесѣта масло ѿ смѣшѣніе, ѿ двѣри ѡградныхѣ затворита да сѣ ѿмыю [16. Стб. 158а].
12. пѡ трѣнѣмъ и затемъ пѡдѣ чесминоѹ (Дан 13: 54, 58) [15. Л. 401об.; 5. С. 174, 176].	пѡдѣ сливоѡ и ниже пѡдѣ смѣрчиноѡ [3. Т. 3. С. 769, 770].	пѡ трѣнѡ и далее пѡдѣ чесминоѹ, на поле: сливоѹ, л. 470, 470об.	пѡ трѣнѡмѣ и потомъ пѡдѣ чесминоѹ [16. Стб. 158г].

Острожское издание приводит иногда редкие вторичные чтения. Они известны в некоторых русских рукописях ТП, более ранних по времени. Их знает и виленский список. Так, Геннадиевская Библия удерживает чтение архетипа: **прѣ зноѣмъ лѣтѣкын**, от **лѣтѣка** ‘горшок’ с **ын** на месте **ы** в род. пад. ед. ч. (Иоил 2: 6) [20. Л. 619; 27. Л. 8об.; 39. Л. 22об.; 40. Л. 16об.; 41. Л. 12; 42. С. 109]; греч. χύτρας. Между тем уже в московских ТП 1489 г. малопонятный архаизм заменен: **прѣ зноѣмъ палимо** [19. Л. 19об.]. В еще одной, вероятно, московской же копии сначала было **лѣтѣкын**, но затем на поле добавили **палимо** под влиянием источника вроде кодекса 1489 г. [22. Л. 19]. Эта маргиналия встречается иногда в других ТП [43. Л. 114г; 44. Л. 17об.]¹⁵. Впоследствии ее перенесли в текст: **палимо**, а основное чтение — на поле: **лѣтѣкын** киноварью [45. Л. 33]. В одном геннадиевском экземпляре ТП **палимо** написано по стертому [28. Л. 12]. В родственном ему списке уцелело первоначальное **лѣтѣкы** [46. Л. 15об.]. В тексте виленской рукописи также **палимо** (л. 55). Издатели Острожской Библии приняли эту поправку [16. Стб. 163б].

В сборнике 1502–1507 гг. Матфея Десятого, в словаре-указателе, под одним номером с отсылкой к архаизму **въ розѣ**, стоящему в основном тексте, приводятся две разные соседние глоссы: **дѣ рѡгѣ**; **хѡлмѣ** и **сорѣ**; **ѿзвранѣ** (Ис 5:1, 2) [27. Л. 34, 123об.б]. Во втором случае в основном тексте у Матфея Десятого дано старое объединенное чтение: **виногрѣ ѿзвранѣ сорѣ** [27. Л. 34], где второе слово — поясняющая глосса к гебраизму **сорихѣ** ‘отборный виноград’; ср.: греч. σωρηϋ, σωρηϋ. Некоторые рукописи сохранили первоначальную редакцию без глоссы в тексте или на поле [11. С. 29; 24. 285г; 40. Л. 84об.]. Объяснение **ѿзвранѣ** взято из толкования

¹⁵ В последнем списке скорописную глоссу **палимо** добавили позднее над **лѣтѣкыи** [44. Л. 17об.].

к этому стиху. Оно встречается иногда на полях уже в конце XV в.: *ѡзбранѣи* [15. Л. 110об.; 41. Л. 60об.], изредка с одинаковой ошибкой *ѡзварѣи* [28. Л. 70; 46. Л. 83об.]. Глосса может быть перенесена в текст и поставлена перед поясняемым словом, как позднее у Матфея Десятого [19. Л. 100; 20. Л. 482; 39. Л. 113; 17. Вып. 26. С. 178]. В Геннадиевской Библии толкования исключены, но в этом месте специально оставлена часть комментария на Ис 5: 2: *Горѣ же по жидовскоу* (далее пропущено *ѡзыкъж* [15. Л. 110об.]). *ѡзбранѣи виногра*, а на поле указано киноварью: *скѡ* [20. Л. 482]. В виленском списке сделаны две замены: *на холмѣ* вм. *в' розѣ* (Ис 5: 1) и *лѡзѣ* [вм. *виноградѣ*] *ѡзбранѣи сорѣ* (Ис 5: 2) (л. 135, 135об.), но двойное чтение сохранено. В Острожской редакции такая же правка и, кроме того, исключено лишнее *сорѣхъ*: *на холмѣ и лѡзѣ ѡзбранѣи* [16. Стб. 72б].

Некоторые чтения виленского списка могут показаться заимствованными из Острожской Библии, но они имеют другое происхождение. У Вениамина лат. *olam succensam* 'горшок (здесь: котел) кипящий' переведено как *горнець кыпаць* (Иер 1: 13) [20. Л. 514]. Так же и в Острожской Библии [16. Стб. 93г]. Вслед за своим источником вилинский список приводит паримийное чтение: *коновь пѡгнѣщенъ* [21. С. 415. Л. 104], но на поле рукой писца добавлено объяснение: *грнѣ* (л. 313об.). В маначинском кодексе *гнѣ рабпаленный* в тексте [6. Л. 226], что соответствует чешскому *hnecz zazřeny* [13; 12. Стб. 356г; 14. Стб. 370в].

Виленский список ТП явился одним из источников Острожской Библии 1580–1581 гг. Их обратная связь текстологически невозможна. Виленская рукопись проливает новый свет на острожскую «книжную справу» и малоизученный подготовительный этап работы над Библией 1580–1581 гг., когда до получения Геннадиевской Библии из Москвы редактирование старых переводов велось по пражским изданиям Скорины и, очевидно, по подготовленным им, но неопубликованным другим ветхозаветным книгам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Владимиров П. В.* Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888. (ОЛДП).
2. *Соболевский А. И.* История русского литературного языка / Изд. подгот. А. А. Алексеев. Л., 1980.
3. *Біблія. Факсімільнае ўзнаўленне Бібліі, выдадзенай Францыскам Скарынаю ў 1517–1519 гадах.* Мінск, 1990. Т. 1; 1991. Т. 2, 3.
4. *Немировский Е. Л.* Славянские издания кирилловского (церковнославянского) шрифта. 1491–2000. Инвентарь сохранившихся экземпляров и указатель литературы. М., 2009. Т. 1: 1491–1550.
5. *Евсеев И. Е.* Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. Введение и тексты / Изд. ОРЯС имп. АН. М., 1905.
6. Вторая часть маначинского Ветхого Завета с Книгами пророков (л. 187–364об.). 1573 г., 1576–77 гг. РНБ, собр. М. П. Погодина, № 85.
7. *Немировский Е. Л.* Франциск Скорина. Жизнь и деятельность белорусского просветителя. Минск, 1990.
8. *Кніжная спадчына Францыска Скарыны. Факсімільнае ўзнаўленне.* Мінск, 2017. Т. 18. Плач Ераміі. Кніга прарока Данііла.
9. *Добрянский Ф. Н.* Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковнославянских и русских. Вильна, 1882.
10. ТП. 60–70-е гг. XVI в. БАН Литвы, фонд церковнославянских и русских рукописных книг, F19–47.
11. *Евсеев И. Е.* Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе. СПб., 1897. Ч. 1, 2.
12. *Biblia česka.* Praha: Melantrich, 7.12.1556. 2°. МК РГБ.
13. *Biblia česka.* Benatska, 1506. [3-е изд.] ГИМ, собр. «Меньших», б. 1°.
14. *Biblia česka.* Praha: [Jan Kamp], 8.1488. [1-е изд.] 2°. МК РГБ, Inc. № 4.318.

15. ТП Основной редакции. Геннадиевская рабочая рукопись. Нач. 90-х гг. XV в. (не позднее 1491 г.). ГИМ, Чудовское собр., № 184.
16. Библия. [Острог, 12.8.1581] / Фототип. переизд. текста с изд. 1581 г. под набл. И.В. Дергачевой. М.; Л., 1988.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1981. Вып. 8; 1982. Вып. 9; 1999. Вып. 24; 2002. Вып. 26.
18. *Мострова Т.* Старобългарският превод на книгата на пророк Иеремия по преписи от XIV–XVI век // *Palaeobulgarica / Старобългаристика*. София, 1995. Т. 19. Кн. 2. С. 9–26.
19. Лицевые ТП дьяка Василия Мамырева. 1489 г. Собр. МДА (ф. 173.1), № 20.
20. Геннадиевская Библия. 1499 г. ГИМ, Синодальное собр., № 915.
21. *Рибарова З., Хаунтова З.* Григоровичев паримејник. Скопје, 1998. Т. 1. Текст со критички апарат.
22. ТП Основной редакции (до правки). 70–80-е гг. XV в. РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 9/134.
23. ТП. Кон. 80–нач. 90-х гг. XV в. ОР РГБ, собр. Музейное (ф. 178), № 4094.
24. Ветхий Завет (до Сир включительно) с толкованиями на Книги Иова и пророков (л. 227–413б). Сер. (кон. 2-й четв.) XVI в. ОР РГБ, собр. Н.П. Румянцева (ф. 256), № 28.
25. ТП с пермскими глоссами. 2-я четв. XVI в. ГИМ, Синодальное собр., № 117.
26. ТП. 1-я тр. XVI в. ГИМ, Синодальное собр., № 577.
27. Библиейский сборник Матфея Десятого с Книгами пророков (л. 3–122). 1502–07 гг. БАН, собр. И.И. Срезневского, № 75 (БАН, № 24.4.28).
28. ТП Геннадиевской редакции. 90-е гг. XV в. ОР РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.1), № 63.
29. ТП и Апокалипсис с комментариями архиепископа Андрея Кесарийского. 60–80-е гг. XVI в. Серб. ГИМ, собр. А.И. Хлудова, № 1.
30. ТП. Кон. XV в. ГИМ, Чудовское собр., № 182.
31. ТП. Кон. XV в. ГИМ, Чудовское собр., № 183.
32. ТП с пермскими глоссами. Нач. XVI в. (1500–10-е гг.). РНБ, Ф.1.3.
33. Библия. М.: Печатный двор, 12.12.1663. 2°. МК РГБ.
34. *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. М., 1855. Отд. 1. Священное Писание.
35. Кириллические рукописные книги, хранящиеся в Вильнюсе. Каталог / Составитель Н.А. Морозова. Vilnius, 2008.
36. Старобългарският превод на Стария Завет / Под общата редакция и с въведение от С. Николова. Книга на пророк Иезекиил с тълкования / Изданието е подготвено от Л. Тасева, М. Йовчева. Подбор на гръцкия текст Т. Илиева. София, 2003. Т. 2.
37. Острожская Библия (с рукописными предисловиями Ф. Скорины и двумя статьями из ТП, л. 1а-25г). Острог, 12.8.1581 г. МК РГБ, № 1452. 2°.
38. *Копреева Т.Н.* Франциск Скорина и русская рукописная книжная традиция XV в. // Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. Федоровские чтения. 1977 г. М., 1979. С. 61–70.
39. ТП Основной редакции. 1488–89 гг. ОР РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.1), № 90.
40. Сборник с ТП (л. 1–340). Кон. XV в. ОР РГБ, собр. МДА (ф. 173.1), № 19.
41. ТП Геннадиевской редакции. 90-е гг. XV в. ОР РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.1), № 89.
42. Словарь старославянского языка / *Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae Palaeoslovenicae* / Репринт. изд. СПб., 2006. Т. 2.
43. Сборник с отрывком Иез 26: 7–36; 23, начало толк. (л. 1а-40г) и Книгами малых пророков, кроме Зах и Мал (л. 97а-162б). Кон. XV в. ОР РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.1), № 91.
44. ТП. Сер. XVI в. ОР РГБ, собр. Е.Е. Егорова (ф. 98), № 87.
45. ТП. Кон. XV в. ОР РГБ, собр. Музейное (ф. 178), № 8492.
46. ТП. Кон. XV-нач. XVI в. ОР РГБ, собр. Н.П. Румянцева (ф. 256), № 31.

СЮЖЕТ *CONSOLATIO MORTIS* У СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО: НЕСКОЛЬКО ШТРИХОВ К ИСТОЧНИКАМ ВДОХНОВЕНИЯ БОГОСЛОВА

© 2021 г. М.А. Корзо

Канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института философии РАН

korzor@mail.ru

В статье анализируется один из сюжетов *consolatio mortis* – горевание об умершем в том виде, как он получил развитие в сочинениях Симеона Полоцкого: в «Вертограде многоцветном» (стихотворение «Мертвых не плакаться») и в сборнике поучений «Обед душевный» (фрагмент слова на 23-е воскресенье после Пятидесятницы). Делается вывод о том, что текст иезуита Маттиаса Фабера (1586/87–1653), ставший источником для стихотворения (установлено Антони Хипписли), был также использован Симеоном Полоцким при составлении его проповеди. В основу сюжета о вреде избыточного горевания было положено двестише английского доминиканца Роберта Холкота (ок. 1290–1349), которое с середины XIV в. использовалось в качестве популярного мнемотехнического стихотворения и в десяти пунктах излагало аргументы против плача по случаю смерти близкого человека.

The article is dealing with one of the topos of *consolatio mortis* – mourning for the dead as it was analysed in the writings of Symeon of Polotsk: «Vertograd mnogocvetnyj» (verse «Mertvyh nie plakatsya») and sermon collection «Obed duševnyj» (a sermon fragment on the 23rd Sunday after Pentecost). It is concluded that the text of the Jesuit Matthias Faber (1586/87–1653), which became the source for the given verse (Antony Hippisley), was also used by Symeon in the compilation of his sermon. The plot of the dangers of excessive grief was based on the distich of the English Dominican Robert Holcot (ca. 1290–1349); from the middle of the fourteenth century, it was used as a popular mnemotechnical tool and presented in ten items arguing against crying on the dead.

Ключевые слова: Симеон Полоцкий, «Обед душевный», «Вертоград многоцветный», сюжет оплакивания умерших, мнемотехника, католическая литература.

Keywords: Symeon of Polotsk, «Vertograd mnogocvetnyj», «Obed duševnyj», mourning the dead, art of memory, Catholic literature.

DOI: 10.31857/S0869544X0014064-3

Осевший в Москве выходец из белорусских земель Речи Посполитой Симеон Полоцкий по праву считается одним из самых эрудированных авторов своего времени. Об этом свидетельствуют его сочинения, демонстрирующие прекрасное знание Симеоном латинской книжности и свободное владение им

всеми барочными приемами выстраивания текста. Источники вдохновения Симеона — поэтические, эмблематические, богословские, космографические — уже неоднократно привлекали внимание исследователей [1–6]. В данной статье обратимся к одному довольно частному примеру использования Симеоном текста иноконфессионального происхождения, преследуя при этом двоякую цель: проанализировать, как Симеон работал с богословскими сочинениями, которые не были частью православной традиции; также показать, сколь причудливой бывала жизнь текстов в истории и сколь непредсказуемыми путями некоторые значимые для западной культуры тексты попадали в сочинения православных книжников и авторов раннего Нового времени.

Для анализа я выбрала небольшой сюжет — обращенное к христианину наставление, почему не стоит чрезмерно оплакивать умерших и горевать после потери близкого человека, которое должно было служить также и утешением. Сюжет утешения в связи со смертью (*consolatio mortis*) имеет античные корни [7; 8. С. 2–4], но только применительно к западно-христианской традиции можно говорить о формировании самостоятельного жанра литературы, в которой данный сюжет проходит красной нитью: как в форме специализированных книг утешений — так называемых консолоаториев (лат. *consolatorium*; нем. *Trostbuch*), так и в форме разделов в трактатах *ars moriendi*, разнообразных гомилетических пособий, погребальных проповедей, фунеральных ораций светского характера [9]. В восточно-христианской традиции вслед за ранними греческими отцами сюжеты утешения в связи со смертью встречались преимущественно в сочинениях эпистолярного жанра и реже — в четырех сборниках, жанр самостоятельных книг утешений не получил развития до начала Нового времени.

Тематическое наставление, почему не стоит чрезмерно оплакивать умерших и горевать после потери близкого человека, встречается у Симеона Полоцкого, по крайней мере, дважды. В развернутом виде — в сборнике проповедей «Обед душевный» (1681) в контексте первого слова на 23-е воскресенье после Пятидесятницы: толкуется фрагмент о воскрешении Христом дочери Иаира из Евангелия от Луки 8:49–56, когда Иисус обращается к свидетелям чуда со словами «Не плачьте; она не умерла, но спит» [10. Л. 398–403]. Проповедь состоит из трех частей, в которых последовательно рассматриваются аргументы против чрезмерного проявления горя, аргументы в пользу допустимости умеренного оплакивания умерших и разновидности достойного и недостойного плача (слезы языческие, иудейские, крокодилы и женские).

Интересующее нас утешение (оно образует первую часть проповеди) Симеон выстраивает как изложение пяти «вин», которые должны удержать истинного христианина от плача. Во-первых, смерть «от бога оуставися», а потому Бог всего лишь «своя взыскует вещи» или забирает то, что ему принадлежит по праву. Во-вторых, смерть встроена в естественный порядок вещей, является необходимостью: даже Иисус Христос не был освобожден от смерти («от еяже нужды не изять себе божій сынъ воплощенный»). Третья «вина» состоит в том, что смерть «многожды бывает полезна», и если бы умерший ушел из жизни позже, то он мог бы совершить еще много дурных поступков. В-четвертых, плач не приносит пользы ни умершему, ни самому горюющему. В-пятых, «смерть не что ино есть токмо сонъ, ибо яко спящій возбуждаются, тако оумершій паки воспрянуть и оживуть» [10. Л. 399–400об.].

Все пять названных Симеоном «вин», если их рассматривать по отдельности, а не как связанный между собой и логически выстроенный комплекс аргументов, можно без труда найти и в античной философской традиции,

и в христианской книжности более ранней эпохи. О жизни как о взятом в долг писали ранние греческие поэты, а впоследствии Василий Великий и Феодорит Кирский; христианские авторы апеллировали зачастую к словам библейского Иова: «Господь дал, Господь и взял» (Иов 1:21). Аргумент всеобщности смерти, которая не щадит даже вождей и царей, отстаивался античными киниками; в христианской литературе акцентировалась участь Иисуса Христа, человеческая натура которого также была смертна (проповеди Иоанна Златоуста, др.). О «полезности смерти», поскольку умерший только выигрывает от раннего ухода из жизни, писали Аристотель, Сенека и Плутарх, а из христианских авторов – Григорий Нисский, Григорий Богослов, Иероним Стридонский и многие другие. Представление о вреде чрезмерной печали об умершем – печали, которая противоречит самой природе человека, восходит еще к древним языческим верованиям; в христианской литературе оно приобретает дополнительные оттенки, поскольку неумеренное оплакивание ушедшего из жизни человека свидетельствует о слабой вере в его последующее воскрешение и тем самым является прямым оскорблением Бога. Сравнение смерти со сном имеет библейские корни (Ин 11: 11–13; Еф 5: 14), встречается уже в сочинениях античных авторов, становится распространенным топосом в средневековой литературе и одним из частых сюжетов специализированных трактатов о подготовке к смерти (*ars moriendi*) [11. Р. 26–27; 7. С. 76–78].

Перечисленные «вины» против излишнего горевания легли также в основу стихотворения Симеона «Мертвых не плакаться» в составе его поэтической энциклопедии «Вертоград многоцветный»:

Преставшихся во вѣчность нѣсть плаката требѣ,
благословныя вины се сказую тебѣ.
Смерть Богом уставися, Ему годѣ тако,
да вси мы умираем, не слезим же всяко.
И есть нам она нужна, ибо нѣсть лѣтъ в небѣ
без нея вселитися, убо слез не требѣ.
К тому множицею смерть полезна бывает,
мертва болѣзней, нас же туги избавляет,
А слезы ни едины ползы содѣвають
умершым, а нам много здравие вреждают.
Наконец, того ради нѣсть нужда слезити,
яко мертвыя Господь имать воскресити
В общее востание и жизнь лучшу дата,
в радости безконечнѣй в небѣ пребывати.
За сие и апостол Павел увѣщает,
да никто о усопших скорбѣти дерзает [12. С. 300].

Антони Хипписли установил, что стихотворение «Мертвых не плакаться» составлено на основе проповеди одного из самых любимых авторов Симеона Полоцкого – баварского иезуита Маттиаса Фабера (Matthias Faber, 1586/87–1653) [12. С. 610]. Речь идет о шестом разделе поучения на 15-е воскресенье после Пятидесятницы (толкуется евангельский фрагмент «Noli flere» Лк 7:14) в составе раннего трехтомного годичного цикла проповедей «*Concionum opus tripartitum*» [13. Р. 937–938], который Фабер подготовил в бытность свою настоятелем прихода Св. Маврикия в баварском Ингольштадте и задолго до вступления в Общество Иисуса.

Отметим в качестве примечания, что сюжет оплакивания умерших и предостережение от излишних, неподобающих для христианина проявлений скорби,

не был использован Симеоном ни в одной из его девяти погребальных проповедей-образцов, которые он поместил в приложении к «Вечери душевной» [14. Л. 100–179, 3-го счета]. Также и в польских погребальных речах предшествовавшей и современной Симеону эпохи подобное motto встречалось относительно редко: в этом случае проповедники обращались чаще всего к фрагменту из Книги пророка Иеремии «Не плачьте об умершем и не жалеите о нем» (22:10) [15. S. 75, 243; 16. S. 214, 389, 533], но не к словам Христа из Евангелия от Луки.

Если для стихотворения «Мертвых не плакаться» Симеон взял лишь один из сюжетов текста Фабера, то для проповеди в «Обеде душевном» шестой раздел поучения на 15-е воскресенье после Пятидесятницы был использован московским автором в полном объеме. Редакторская работа Симеона заключалась в том, что он переставил местами отдельные тематические блоки, добавил несколько библейских цитат, во многих местах убрал или изменил ссылки Фабера. Так, из «первой вины» был исключен афоризм египетского фараона Амасиса (у Фабера – Дамасиса) о бесполезности плача над умершим ребенком, который был известен в западноевропейской книжности, в том числе и благодаря хрестоматии византийского писателя-компилятора V в. Иоанна Стобея (именно она и стала источником для Фабера). Из «второй вины» был исключен фрагмент из «Жития Августина», составленного другом карфагенского епископа и одним из первых его биографов Поссидием Каламским (ум. ок. 437), из «пятой» – цитата из Послания Иеронима Стридонского к Гелиодору. В «четвертой вине» была произведена замена – вместо цитаты из 61-й беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна (именно так она идентифицирована у Фабера) Симеон вставил фрагмент из некоего сочинения Августина [10. Л. 400]. В латинском тексте в данном случае вкралась ошибка – речь идет не о 61-й, но о 62-й беседе Златоуста. Поскольку Симеон в отдельных случаях сверял или уточнял заимствованные им из латинских текстов ссылки [6. С. 44–45], то можно осторожно предположить, что он заменил Златоуста на Августина именно потому, что в указанной проповеди Златоуста не нашел процитированного Фабером фрагмента. О том, что Симеон не просто переводил латинский текст, но осуществлял сверку, свидетельствуют и отдельные замены библейских фрагментов: так, во «второй вине» Симеон заменил цитату из Сирах 14:12 на содержательно ей идентичную из Послания к Евреям (9:27), потому что в славянской Библии нет присутствующей в Вульгате и процитированной Фабером фразы «testamentum est huius mundi: morte morietur».

Возвращаясь к произведенной замене Златоуста на Августина (в «Обеде душевном» последний именуется блаженным), хотелось бы сделать небольшое отступление и остановиться на этом сюжете несколько подробнее, поскольку он проливает свет на то, к каким изданиям мог обращаться Симеон в процессе поиска нужных цитат для своих сочинений. В слове на 23-е воскресенье после Пятидесятницы «Обеда душевного» он расширяет текст Фабера тремя очень пространными высказываниями Августина. Первое попадает в «четвертую вину» против избыточного плача: противопоставляются ветхозаветный царь Давид, который пусть и «под законом положенный, под оною не свободою, но нуждею плаканія, сердце от плача безсловеснаго одолѣ», и христиане, которые плачут как язычники, хотя уже «под благодатию сущїи, под извѣстною надеждею воскресенїя» [10. Л. 400]. Два других высказывания Августина оказались в слове Симеона за пределами интересующих нас «вин» против избыточного горевания и развивают данную тему уже на новозаветных примерах, начинаясь с пассажа «не азъ возбраняю плакаться мертвыхъ, но языковъ просвѣтитель Павелъ». Фрагменты фактически перетекают один в другой, разделены лишь авторской связкой Симеона, которая может сигнализировать, что речь идет о двух разных

текстах Августина: «Сице предреченный оучитель оувѣщаеъ [...] недовольна же та быти ко увѣщанію нещцевавъ, приложи къ тому сія...» [10. Л. 401об.—402].

Все три высказывания Августина восходят к небольшому по объему наставлению «De consolatione mortuorum» (первое и второе — это фрагменты из четвертой и пятой глав первой книги, третье — из пятой главы второй книги), которое в XVI—XVII вв. публиковалось в приложении к девятому тому сочинений Августина [17. Р. 432—434]. Симеон Полоцкий, судя по всему, обращался не непосредственно к «Opera omnia» Августина, но имел под рукой одну из антологий фрагментов творений западного отца — например, Иоганна Пискатора из Штайна на Рейне (Johannes Piscator, начало XVI в.). Его «Omnium operum divi Augustini epitome» (1537) была не только одним из ключевых источников для проповедников и полемистов раннего Нового времени, но и образцом для более поздних изданий подобного жанра [18. Р. 97]. У Пискатора использованные Симеоном фрагменты приведены компактно друг за другом и в той же последовательности [19. Р. 208—208v.]. На использование именно этой антологии может указывать и то обстоятельство, что и у Пискатора, и у Симеона апостол назван по имени («языковъ просвѣтитель Павелъ»; «gentium illuminator Paulus»), в то время как в собраниях сочинений Августина говорится просто об апостоле.

Отмечу в качестве примечания, что процитированное Симеоном посредством одной из антологий наставление «De consolatione mortuorum» на самом деле Августину не принадлежит, хотя оно и фигурировало под именем западного богослова на протяжении всего Средневековья. Современные исследователи атрибутируют данное наставление с большой долей вероятности Иоанну Златоусту [20. S. 21]. Таким образом, желая скорректировать неверную отсылку Фабера, Симеон фактически заменил одну цитату Златоуста на другую цитату того же автора, хотя и считал, что опирается на авторитет блаженного Августина.

Возвращаясь к сюжету аргументов против избыточного горевания по случаю смерти, можно предположить, что стихотворение «Мертвых не плакаться» допустимо рассматривать не только в качестве рифмованного резюме одного из сюжетов упомянутой выше проповеди Фабера, но и резюме фрагмента слова Симеона Полоцкого на 23-е воскресенье после Пятидесятницы (с небольшим отличием, к которому вернемся ниже). Кто знает, может быть, стихотворение задумывалось Симеоном в том числе и как своеобразное мнемотехническое средство для запоминания определенного содержания, в данном случае — пяти аргументов, почему христианин не должен слишком сильно горевать об умерших. Усвоенное таким образом содержание духовное лицо или светский оратор могли при необходимости использовать для создания своего авторского поучения. Обобщение отдельных сюжетов или тематических блоков в стихах или лаконичных двустихиях было одним из самых распространенных мнемотехнических приемов в средневековых грамматической и риторической практиках [21]. К данным приемам прибегали и духовные лица для заучивания отдельных истин христианского вероучения (христологическая часть Апостольского символа веры, порядок церковных таинств), катехизиса (семь смертных грехов, пять телесных чувств, условия истинной исповеди, др.), даже отдельных положений канонического права (условия возмещения нанесенного ущерба, ситуации ограничения духовных лиц в правах, канонические запреты на оформление брачных отношений, др.). В «Вертограде» встречается целый ряд стихотворений, по отношению к которым можно высказать предположение, что они задумывались Симеоном в том числе и как тезисные планы потенциальных проповедей, слов, поучений, светских ораций. Все эти стихотворения

выстроены как перечисление аргументов («вин») или пунктов на определенную тему. Резюмируя прозаические тексты проповедей в лаконичной поэтической форме, Симеон создавал своеобразные тематические тезисные планы для других ораторов – как духовных, так и светских. Данные тезисные планы вполне можно рассматривать в качестве аналога одной из разновидностей так называемой образцовой проповеди в европейских гомилетических пособиях XVI–XVII вв., которая зачастую именовалась «материей» (materia) [22].

Как было упомянуто выше, между пятью аргументами в стихотворении «Мертвых не плакаться» и проповедью Симеона есть одно отличие: в стихотворении отсутствует сюжет смерти как сна, который развивается в поучении Фабера. Это может объясняться тем, что в составе «Вертограда» есть самостоятельное стихотворение на данную тему – «Сон-2»:

Сон – образ смерти, пред сном дремание
являет плоти изнеможание.
По дремотѣ сон обычно бывает,
по немощи смерть в жупища вселяет.
А яко сон есть покой от работы
дневныя в мирѣ всесуетном плоти,
Тако от трудов мира освобождает
смерть челоѡка, егда преставляет.
Паки, яко спяй заслуги не дѣет,
так о умерший заслуг не имѣет.
Еже из мира им есть принесенно,
по достоинству то будет цѣненно.
А в оном вѣцѣ никто заслужится,
токмо что в мирѣ заслужил, мездится [23. С. 184].

Самостоятельные стихотворения были составлены Симеоном и на другие сюжеты упомянутой проповеди Фабера: так, например, о крокодиловых слезах повествует стихотворение «Крокодил», которое почти дословно пересказывается в прозаической форме в «Обеде душевном»:

<p>Крокодилу аще труп обрѣсти случится, по естеству на онѣм богато слѣзится, Не за умление, но труп обливает, яко от слез во трупѣ кость ся сокрушает, А он мозгом пасеться, из костей текущим, ему во сладчайшыя мѣсто пищи сушым. Сему змию подобии челоѡвѣци ови, иже по сродницех си плаката готови, Не от болѣзни сердца, но плачь притворяют, а в дѣлѣ самом смерти скорыя желают, Да наслѣдие богатств возмогут прияти, аки мозгом, несытство свое насыщати [12. С. 229].</p>	<p>[...] крокодили бо над трупомъ плачють, да от слезъ ихъ костью разсѣдшымся мозгъ будетъ имъ во пищу: такови суть, иже притворно плачются, и любовь лицемѣрну являють ко усопшым, токмо того ради, да часть нѣкую от имѣнїя ихъ наслѣдствуютъ [10. Л. 403об.–404]</p>
--	---

Исследователями было установлено, что по первоначальному замыслу Симеона стихи в его поэтической энциклопедии «Вертоград многоцветный» располагались не в алфавитном порядке, но тематическими блоками [1. С. XXV]. Но даже если стихотворение «Сон-2» и было инспирировано поучением Фабера (А. Хипписли не удалось установить его источник), оно оказалось в черновой версии «Вертограда» не в том цикле стихов, что и «Мертвых не плакаться» [23. С. 690].

Выше уже было сказано о том, что перечисленные у Фабера и Симеона аргументы против чрезмерного оплакивания умерших в качестве самостоятельных

идей присутствуют и в античной, и в святоотеческой литературе. Гораздо реже можно найти логически связанные друг с другом *комплексы аргументов* — единичные примеры встречаются в церковных риториках европейского происхождения, в том числе и раннего Нового времени [24. Р. 305–307; 25. Р. 517–518]. Фабер не был автором пятичленной конструкции, которая легла в основу его проповеди. Какой *конкретно* текст послужил для него источником вдохновения, судить сложно; но со всей определенностью можно сказать, откуда в западно-христианской традиции взялась именно эта конструкция. Пять аргументов Фабера представляют собой обобщение рифмованного двустишия, которое еще в Средние века служило мнемотехническим средством для запоминания аргументов против чрезмерного плача:

- (1) Vult Deus, (2) et suus est, (3) lex, (4) liberat, (5) omnia noscens,
- (6) Nec valet, (7) immo nocet, (8) obstabit, (9) surget, (10) amabit¹.

Двустишие было придумано английским доминиканцем Робертом Холкотом (Robert Holcot, ок.1290–1349) и встречается впервые в его толковании на Книгу Премудрости Соломона («In Librum Sapientiae Regis Salomonis Praelectiones ССХІІІ», между 1333 и 1342 г.) [26. Р. 542–544]. Содержание этих аргументов следующее: (1) такова воля Бога, что все люди смертны; (2) Бог забирает то, что и так ему принадлежит по праву; (3) смерть связана с необходимостью — все должны умереть; (4) смерть несет пользу для умершего — освобождает его от тревог этой жизни; (5) Бог лучше знает, что для человека во благо — жить или умереть; (6) бесполезность плача и печали — они не вернут умершего к жизни; (7) плач вредит сердцу и душе; (8) смерть не позволяет совершить что-то дурное в будущем; (9) умерший восстанет к лучшей жизни; (10) умершие могут быть полезны нам своими заслугами.

В проповеди Фабера десять аргументов изложены в пяти пунктах: некоторые содержательно близкие аргументы объединены вместе, т.е. изложены более компактно. К тому же в контексте поучения Фабера пятичленная структура смотрится гораздо более гармонично: проповедь состоит из трех частей, каждая часть — из пяти пунктов; десятичастная структура была бы более громоздкой и менее пригодной в гомилетических целях. Единственное отличие Фабера от двустишия Холкота заключается в том, что баварцем был добавлен сюжет смерти как сна; но это связано с тем евангельским чтением, в контексте толкования которого у Фабера и появляются интересующие нас аргументы-утешения.

Вплоть до середины XVII в. двустишие Холкота (чаще всего без упоминания его авторства) встречалось в очень разных контекстах: в богословских суммах (Антонин Флорентийский (Пьероци), 1389–1459); в трактатах об утешении на смерть друга (Жан Жерсон, 1363–1429); в сборниках аскетико-назидательного характера как «лекарства», могущие утешить скорбящего христианина (Фульвио Андросци, 1523–1575); в стилизованных под ренессансные «книги утешений» диалогах на тему «rompa funebris». Но самое широкое распространение интересующее нас двустишие получает в гомилетике. И здесь можно выделить два основных контекста его использования: во-первых, как структурообразующий элемент гомилий, толкующих чтение из Евангелия от Луки 7:11–17. Примером может послужить сборник «Hortulus Reginae» проповедника XV в. Меффрета из Майсена (Meffret von Meissen) [27. Р. 409–410], который наряду с текстами Фабера был одним из источников «Вертограда». Еще один контекст использования

¹ Нумерация пунктов моя. — М.К.

двустихия в гомилетике — это погребальные проповеди. На основе десяти пунктов Холкота могли составляться проповеди-образцы, а пункты выставлялись на полях как названия разделов проповеди [28. S. 299–302]. Из всех многочисленных примеров сошлемся лишь на погребальное «казане» на так называемой простой мове, которое было помещено в приложении к «Требнику», вышедшему из типографии виленского православного братства в 1621 г. [29. Л. 15нн. об.—19нн.об.]. Сами братчики познакомились с фрагментом Холкота посредством гомилетического сборника «Incineratio mortalium, hoc est, Conciones Funebres» (1611) церковного сановника при дворе императора Рудольфа II Георга (Юрия) Бартольда из Брайтенберга, прозванного Понтаном (Georg [Jiří] Barthold z Breitenberka, Pontanus, 1550–1616) [30].

Таким образом, у Симеона Полоцкого было много возможностей и помимо текста Фабера познакомиться с восходящими к Холкоту аргументами против избыточного оплакивания умерших. Если выстроить пункты английского доминиканца в той последовательности, как они расположены в стихотворении «Мертвых не плакаться», то двустихие выглядело бы следующим образом: (1) vult Deus, (2) lex, (3) liberat + obstat, (4) nec valet + immo nocet, (5) surget.

Отмечу в качестве примечания, что Симеон в «Вертограде» для одного и того же сюжета мог использовать разные источники. Так, например, сюжет о том, что искреннее слезное сокрушение способно очистить душу от греха, прописан с использованием одного и того же *exemplum* как минимум в двух стихах — «Слезы-15» (лаконично) [23. S. 120] и «Сокрушение сердца-3» (значительно более пространно) [23. S. 177–179]. В первом случае Хипписли в качестве источника идентифицировал проповедь Фабера на 9-е воскресенье после Пятидесятницы [23. S. 578; 13. P. 701]; во втором — поучение Меффрета на 1-е воскресенье после Богоявления [23. S. 587; 27. P. 120]. В обоих случаях Симеон верно следует латинскому источнику (Фабер передает *exemplum* кратко, Меффрет — с большими деталями), и в обоих случаях речь идет об истории, заимствованной из «Бесед о чудесах» цистерцианца рубежа XII–XIII вв. Цезария Гейстербахского [31. P. 88–89].

* * *

Выбранный в настоящей статье для рассмотрения небольшой сюжет о чрезмерном горевании по случаю смерти не был, конечно же, магистральным в творчестве Симеона Полоцкого, но одной из частных тем, на примере которой я попыталась показать как приемы работы московского богослова с памятниками, созданными в иной конфессиональной традиции, так и причудливость судеб значимых для западной культуры текстов /фрагментов /сюжетов и их проникновение в сочинения православных авторов в раннее Новое время. Одной из задач исследования было также показать на новых примерах уже многократно подмеченную исследователями тесную взаимосвязь поэтического и проповеднического творчества Симеона Полоцкого, когда одни и те же латинские тексты становились для московского богослова источником и слов в «Обеде душевном», и стихотворений в «Вертограде многоцветном». Благодаря уже проделанной работе Хипписли по идентификации конкретных источников отдельных стихотворений «Вертограда», возникает возможность реконструировать и тот круг сочинений, которые выступали источником вдохновения и фактического материала для обоих проповеднических сборников Симеона Полоцкого — «Обеда душевного» и «Вечери душевной». Тесная взаимосвязь поэтического и проповеднического творчества московского богослова позволяет выдвинуть одно предположение, которое, конечно же, нуждается

в дополнительной и фундированной проверке: может быть, отдельные стихотворения «Вертограда» действительно задумывались Симеоном в том числе и как мнемотехнические средства или своеобразные тематические тезисные планы, которые могли бы стать подспорьем для других, менее образованных и одаренных проповедников, светских ораторов и стихотворцев?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Сазонова Л. И. «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого: история создания, поэтика, жанр // *Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный* / Подг. текста, статья и комм. А. Хипписли, Л. И. Сазонова; предисловие Д. С. Лихачев. Köln; Weimar; Wien, 1996. Т. I.
2. Hippius A. A Jesuit Source of Simeon Polotsky's «Vertograd Mnogotsvetnyi» // *Oxford Slavonic Papers*. 1994. Vol. 27.
3. Hippius A. The Emblems in the Writings of Simeon Polockij // *The Slavic and East European Journal*. 1971. Vol. 15.
4. Grzeskowiak R. Wiersze na ryciny jako dominanta polskojęzycznej twórczości Symeona z Połocka Cz. I // *Pamiętnik Literacki*. 2017. Vol. 108. № 3; Cz. II // *Pamiętnik Literacki*. 2020. Vol. 111. № 2.
5. Чадаева О. В. Космос как теологическая проблема: к вопросу о «Венце веры католическая» Симеона Полоцкого // *Вопросы философии*. 2017. № 4.
6. Корзо М. А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века. М., 2011.
7. Małunowiczówna L. Stare i nowe w greckiej konsolacji chrześcijańskiej // *Roczniki Humanistyczne*. 1971. Т. XIX. З. 3.
8. Scourfield J. H. D. Towards a Genre of Consolation // *Greek and Roman Consolations. Eight Studies of a Tradition and its Afterlife* / Ed. H. Baltussen. Swansea, 2013.
9. von Moos P. Consolatio. Studien zur Mittellateinischen Trostliteratur über den Tod und zum Problem der christlichen Trauer. München, 1971. Bd. I.
10. Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1681.
11. Evaristus M. The Consolations of Death in Ancient Greek Literature. S.l., s.a.
12. Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный / Подг. текста и комм. А. Хипписли, Л. И. Сазонова. Köln; Weimar; Wien, 1999. Т. II.
13. Faber M. Concionum opus tripartitum. Pars II. Ingolstadii, 1631.
14. Симеон Полоцкий. Вечера душевная. М., 1683.
15. Kazania funeralne / Red. K. Panuś, M. Skwara. Kraków, 2014.
16. Skwara M. Polskie drukowane oracje pogrzebowe XVII wieku. Bibliografia. Gdańsk, 2009.
17. Augustinus Aurelius. Opera omnia. Antverpiae, 1576. Т. 9.
18. Ettenhuber K. Donne's Augustine. Renaissance Cultures of Interpretation. Oxford, 2011.
19. Piscator Johannes. Omnium operum divi Aurelii Augustini Epitome. Coloniae, 1542.
20. von Moos P. Consolatio. Studien zur Mittellateinischen Trostliteratur über den Tod und zum Problem der christlichen Trauer. München, 1972. Bd. IV.
21. Hays Th. Das lateinische Lehrgedicht im Mittelalter. Analyse einer Gattung. Leiden, 1997.
22. Schröder B.-J. Materia // *Historisches Wörterbuch der Rhetorik* / Ed. G. Veding. Tübingen, 2001. Bd. 5. Kol. 990–996.
23. Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный / Подг. текста и комм. А. Хипписли, Л. И. Сазонова. Köln; Weimar; Wien, 2000. Т. III.
24. Reggio C. Orator Christianus. Romae, 1612.
25. Caussin N. Eloquentiae sacrae et humanae parallela libri XVI. Flexiae, 1619.
26. Holkoth R. In Librum Sapientiae Regis Salomonis Praelectiones CCXIII. S.l., 1586.
27. Meffret von Meissen. Sermonum Verbi Dei, quos vulgo Hortulus Reginae appellantur. De tempore, pars aestivalis. Monachii, 1610.
28. Tympe M. Leich: trost: und Busspredigen, auch Anweisung wie dieselbigen in Ausslegung Sonn: und Feurtäg: Evangelien gebraucht werden können. Münster, 1619.
29. Требникъ, сирѣчь Молитовникъ. Вильно, 1621.
30. Корзо М. А. «Казаня на погребѣ» («Требникъ», Вильно 1621) в контексте католической традиции «образцовых» поучений на погребение // *Studi Slavistici*. 2019. Vol. 16. № 1.
31. Caesarius de Heisterbach. Illistrum miraculorum, et historiarum memorabilium. Coloniae, 1599.

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ
И ЕЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ.
ЧАСТЬ 1. ДУХИ ПРИРОДНЫХ И ДОМАШНИХ ЛОКУСОВ.
ПЕРСОНИФИКАЦИЯ СМЕРТИ И БОЛЕЗНЕЙ

© 2021 г. Л.Н. Виноградова

Д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Lnv36@yandex.ru

Работа выполнена в рамках проекта «Низшая мифология славян: Новые методы и подходы к исследованию», поддержанного грантом РФФИ (№ 20-012-00300)

Статья представляет собой краткий вариант одного из разделов будущей коллективной монографии, посвященной сравнительному изучению низшей мифологии каждого из славянских народов. В настоящем разделе рассматриваются русские демонологические верования. Работа публикуется в двух частях: 1. «Духи природных и домашних локусов. Персонификация смерти и болезней»; и 2. «Поверья о черте. Демонологизация умерших. Люди со сверхъестественными способностями». В первой части рассматриваются поверья о духах природных локусов (леший, водяной, полевой дух, болотный дух, русалка и др.) и домашнего пространства (домовой, банник, овинник, хлевник, амбарник, ласка и др.), а также народные представления о смерти и некоторых болезнях. Вторая часть посвящена поверьям о черте, об умерших людях, возвращающихся с того света, и о живых людях, наделенных сверхъестественными способностями (ведьмы, колдуны). Задачей статьи является системное описание по унифицированной схеме всего круга наиболее известных в русской низшей мифологии демонологических образов и выявление их региональной специфики.

The article is a shorter version of a chapter from the future collective monograph that provides the comparative analysis of Slavic lower mythology. This chapter is focused on Russian demonological beliefs. There are two parts: 1. "The spirits of nature and house loci. The personification of the death and the disease"; 2. "Beliefs in devil. The demonologisation of the dead. People with supernatural power". The first part gives an outlook of the spirits of nature loci (wood goblin, water spirit, mermaid, etc.) and house loci (Brownie, bannik, etc.). It also reveals the popular perception of the death and of some diseases. The second part addresses to the beliefs in devil, in the dead people who return from the land of the dead, or in the people with supernatural power (witches, warlocks). The article is aimed at giving a systematic description of the most popular Russian lower mythology characters and at revealing their regional features.

Ключевые слова: славянская мифология, русская народная демонология, персонажи нечистой силы, этнография, этнолингвистика.

Keywords: Slavic mythology, Russian folk demonology, exorcised characters, ethnography, ethnolinguistics.

DOI: 10.31857/S0869544X0014235-1

Современное состояние славистики в области низшей мифологии характеризуется уже достаточно представительной базой накопленного фактического материала, неплохим уровнем его первичной обработки в рамках отдельных региональных традиций (составление указателей сюжетов мифологических рассказов, сборники фольклорных текстов и комментарии к публикуемым текстам, энциклопедии славянской мифологии, словари демонологической лексики и т.п.). Однако ощущается нехватка обобщающих трудов общеславянской направленности по этой проблематике. Для того чтобы подготовить базу для сравнительных исследований в общеславянском масштабе, необходимо предварительно создать по единой методике отдельные очерки по низшей мифологии каждой из этнических традиций. Представленные читателю очерки *русской демонологии* публикуются в двух частях, первая из которых посвящена духам природных и домашних локусов, а также персонифицированным образам смерти и болезней. Задачей статьи является системное описание по унифицированной схеме всего круга наиболее известных в русской низшей мифологии демонологических образов и выявление их региональной специфики.

Особенности традиционной культуры русского народа обусловлены длительным по времени и интенсивным расширением первоначальной этнической территории проживания русскоязычного населения (Восточно-Европейская равнина) за счет массовых миграций на юг и юго-восток, где русским переселенцам приходилось жить в этнически смешанных районах, заселенных неславянскими этносами. В результате этих исторических процессов постепенно складывались (на основе общности языка и традиционной культуры) разные локальные этнографические группы. Границы этнокультурных различий часто совпадают с границами диалектов. В пространстве проживания русских на европейской территории этнографы и диалектологи выделяют два типа обособленных в языковом и этнографическом смысле комплексов: севернорусский и южнорусский, между которыми располагается (главным образом в междуречье Оки и Волги) переходная среднерусская зона. Примерные границы проживания севернорусской группы населения проходят от Волхова на западе до Мезени на востоке, от Белого моря на севере до верховьев Вятки и Камы на юге. А южнорусский этнографический комплекс распространен от Десны на западе до правобережья Волги и Суры на востоке и от Оки на севере до среднего Дона на юге. Но кроме этих наиболее крупных этноязыковых групп русского народа на окраинных территориях сложились еще и отдельные подгруппы со своими культурными особенностями. Так, на псковско-смоленских землях в русской народной культуре отмечается значительная близость с севернорусской и белорусской этнографическими традициями. В Среднем Поволжье сформировалась группа русских переселенцев, этнография которых по ряду признаков совпадает с культурной традицией неславянских народов Поволжья. В Приуралье отмечается совмещение среднерусского и севернорусского этнокультурных комплексов.

Поскольку население Русского Севера в меньшей степени было затронуто массовыми миграционными процессами, его этнокультурные традиции оказались более устойчивыми и единообразными на значительной территории, хотя они испытали весьма заметное влияние со стороны финно-угорской этнической культуры. Что же касается южнорусской историко-этнографической

области, то она представляет собой стыковую зону многочисленных контактов русскоязычного населения с финно-угорскими, балтийскими, тюркскими народами, и кроме того, особую роль в освоении этой территории сыграли выходцы из Украины. В условиях тесных контактов русских и украинцев на землях Центрального Черноземья сформировались некоторые смешанные группы населения, привнесшие в местную культуру свои этнические особенности, в результате чего произошел синтез украинских и южнорусских фольклорно-этнографических комплексов.

Демонология природного пространства. Среди духов природных локусов особые позиции в русской мифологии занимают такие персонажи-«тяжеловесы», которые наделяются множественными мифологическими характеристиками, признаками, функциями и фигурируют в большой группе диалектных текстов, повсеместно распространенных и бытующих в многочисленных вариантах на один и тот же сюжет.

Для севернорусской традиции таким лидирующим персонажем оказывается, прежде всего, **леший**, в народных названиях которого проявляется его основная функция — быть хозяином лесного пространства (*лесной хозяин, лесной царь, леший царь*). Вопрос о его генезисе в народных поверьях отражен слабо; известна лишь версия апокрифического происхождения о свергнутых с небес ангелах, которые упали в леса; либо считалось, что лешими становятся похищенные нечистой силой проклятые дети. Наиболее типичными вариантами описания внешности лешего являются: во-первых, антропоморфный тип (мужик, старик с белой бородой, человек огромного роста в белой одежде; либо голый человек, заросший волосами); во-вторых, антропозооморфный облик (человекоподобное существо с рогами, хвостом, копытами); в-третьих, он может появляться перед людьми в виде лесных животных или птиц (принимает вид медведя, дикого козла, зайца, тетерева, ворона, сороки); по единичным свидетельствам, оборачивается хвойным деревом или пнем. Отличительной чертой человекоподобного лешего является отсутствие бровей и ресниц. В его облике отмечается признак чего-нибудь «левого»: волосы на его голове зачесаны налево; правая пола одежды, в нарушение обычая, запахнута на левую сторону; левый лапоть надет на правую ногу и т.п. Одним из наиболее устойчивых свойств лешего выступает его способность менять свой рост: то он становится выше деревьев, то выглядит ростом с траву. Вторая характерная для него черта — активное звуковое поведение в лесу: громкий хохот, крик, свист, уханье, хлопанье в ладоши.

Именно за севернорусским типом лешего закреплён статус хозяина лесного пространства, владыки над лесными зверями: он следит за поведением людей в лесу, наказывает за избыточный сбор грибов и ягод, за хищническую порубку деревьев, не дает охотникам отстреливать много дичи; требует от людей, застигнутых ночью в лесу, чтобы они просили у него разрешения на ночлег, и проч. К числу его основных вредоносных действий относится стремление сбить человека с пути, завести его в глушь. Вторая наиболее известная злокозненная функция этого персонажа — похищение людей, которых родители прокляли, обругав словами «Чтоб тебя леший унес!». В остальном он описывается как сравнительно безвредный дух, любящий подшутить над людьми своим внезапным появлением или испугать их громким хохотом.

Большая группа сюжетов посвящена теме взаимоотношений лешего с охотниками и пастухами, которые были убеждены, что удача в промысле и в благополучном выпасе домашнего скота на лесистых участках всецело зависит от

лешего, — надо лишь заключить с ним договор о помощи, пообещать угощение и взять на себя обязательства правильно вести себя в лесу.

Парным женским соответствием к образу лешего выступает *лешачиха*, *лесовиха*, определяемая как жена лешего. По севернорусским представлениям, у всех нечистых духов есть жены, которые называются соответственно *чертихой*, *лешухой*, *шутовкой*, *водянихой* и т.п.

В южнорусских верованиях мифоним *леший* имеет достаточно широкое распространение, но сами поверья о нем занимают в этой мифологической системе малозначимые позиции. В отдельных районах южнорусских губерний «совершенно не знают о лешем, так как места безлесные, в других слыхали о лешем, но сами сообщить о нем ничего не могут» [1. С. 157].

В качестве вариантных названий этого персонажа в южнорусских быличках служат термины: *лесовой черт*, *лесовик*, *гаркун*, *щекотунчик*. В представлениях о внешнем виде этого персонажа отмечается смешение с образом черта. Например, лешего представляли себе в виде едущего на тройке мужика, заросшего черной шерстью, на голове рожки, вместо ног копыта (тульск.). Привычными местами его обитания считались не только лесные чащи, но и поле, луг, а также болота (калуж., рязан., саратов.). Характерным для этого лесного духа вредоносным действием было щекотание человека (тульск., саратов., пензен., нижегород.). Функция быть хозяином и покровителем лесных обитателей в южнорусской традиции отражена слабо; практически отсутствуют рассказы о договорных отношениях пастухов и охотников с лешим. Вместе с тем повсеместно у русских сохраняется минимальный ядерный набор типичных для этого персонажа мифологических характеристик: преимущественная локализация в лесном пространстве; интенсивное звуковое поведение в лесу; способность менять свой рост с очень высокого на очень низкий; стремление завести человека на бездорожье.

В целом поверья о лешем у жителей южнорусских областей фиксируются редко, представления о нем выглядят размытыми и неопределенными [2. С. 82].

Похожая ситуация складывается и в отношении образа **водяного**, который в севернорусской мифологии занимает, по сравнению с лешим, не столь значимые позиции, но главная его функция — быть хозяином воды и распорядителем всех водных обитателей — обозначается в местных поверьях вполне отчетливо; ср. его названия: *водяной дедушка*, *водяной хозяин*, *царь-водяник* и т.п. Считалось, что в каждом водоеме обитает свой дух-распорядитель, который следит за правильным поведением людей, пользующихся ресурсами принадлежащего ему водного пространства. Сельские жители, промысел которых был связан с водой (рыбаки, мельники, плотогоны), искали покровительства у водяного: приносили ему жертвы, заключали договор о помощи, соблюдали правила поведения на воде. Это обеспечивало им удачу в работе, большие уловы рыбы, сохранность возведенных плотин и водяных мельниц. Власть водяного хозяина над рыбными запасами своего водоема проявляется в сюжете популярных севернорусских быличек о том, как один водяной проиграл в карты другому водному духу определенную породу рыб, и она с тех пор исчезла в источнике проигравшего. Черпая воду из источника, люди спрашивали разрешения у «царя водяного».

Главной вредоносной функцией этого персонажа повсеместно считалось стремление утопить тех купающихся людей, которые заходят в воду без настоящего креста, кто купается после захода солнца или слишком шумно ведет

себя в воде и т.п. Чтобы не злить водяного, люди боялись спасать утопающих. Об утонувших говорили, что их забрал к себе водяной, и они якобы продолжают жить под водой в подчинении у него.

Только для районов Русского Севера характерны рассказы на сюжет о так называемых чудесных коровах водяного, который держит их на дне водоема и по ночам выпускает пастись на прибрежных лугах. Все они черного цвета или пестрые, большие, гладкие, откормленные, дойные. Мечтой каждого крестьянина было заиметь такую корову, дающую по два ведра молока с одной дойки, но они исчезали при виде человека. Если кому-то удавалось оббежать вокруг одной из коров с иконой в руках, то она становилась его счастливой добычей (олонец., архангел.).

Преимущественно в северо-западных районах России встречается сюжет о водяном как воплощении злого рока, который поджидает человека, обреченного на смерть в воде. Сидя на берегу, этот персонаж произносит фразу: «Пришла пора, а человека нет», или: «Рок есть, а человека нет»; вслед за этим приходит некий человек искупаться — и гибнет в воде.

По широко известным на Русском Севере поверьям, у водяного есть жена — *водяниха, водяница*, основным занятием которой считалось расчесывание длинных волос золотым гребнем, сидя на берегу реки.

В южнорусской мифологии и поверья о водяном менее популярны, однотипны по содержанию, представления о его мифологических функциях весьма размыты, часто он просто отождествляется с чертом, ср. варианты его названий: *черт, сатана, враг*. А в некоторых центральных и юго-восточных областях (Нижегородской, Кировской, Владимирской) рассказов о водяном, по утверждению этнографов, нет вообще [3. С. 89]. В целом, по русским поверьям, от водяного зависит участь купающихся и рыбаков, владельцев водяных мельниц, а также всех тех, кто сплавляется по воде в лодке. Большинство южнорусских рассказов о нем сводится к коротким сообщениям о случаях, когда водяного можно было увидеть в полдень или полночь над поверхностью воды или на берегу; бывало, что он попадался в сети рыболовов; в лунные ночи он любит шумно плескаться в воде, хлопая по воде руками и т.п.

Еще меньше собрано в русской мифологии поверий о **полево́м духе** (*полевой, полевик, полевой хозяин*), сведения о котором спорадически встречаются в северо-западных и некоторых южных областях. Там, где он наделяется функциями «хозяина» безлесных участков, пастбищ, сенокосных угодий и злаковых полей, к нему обращались с просьбой скотину охранять, хлебные всходы беречь. При отсутствии своих собственных, надежных идентифицирующих характеристик, полевик часто смешивается с другими демоническими образами. Подобно лешему, он сбивает с пути детей, вынуждая их блуждать в злаковом поле среди густых колосьев. Подобно духу-охранителю пограничных участков поля (*межевику*), он ездит ночью верхом на коне или на тройке по границам разных участков, проверяя, не заночевал ли кто на межевой полосе, и наказывает нарушителей этого запрета. Подобно полуднице, он контролирует правильное поведение людей во время полевых работ, наказывая тех из них, кто не прекращает трудиться в полдень. По свидетельству жителей Ярославской губернии, полевик появляются ночью в виде блуждающих огоньков: слышно, как они свистят, хлопают в ладоши, кричат, сбивают пешеходов с пути.

Поверья о **болотном духе** (*болотник, болотяник, болотница, зыбочник, ко́бечный*) в русской мифологии представлены в виде немногочисленных

кратких сообщений о том, что в топких местах обитает некая нечистая сила неопределенного статуса и облика, которая старается затащить человека или домашний скот в трясины. По вечерам болотные духи зажигают в самых топких местах огоньки, заманивая к себе прохожих (новгород.). Болото как одно из наиболее опасных природных локусов считается привычным местом обитания чертей и бесов; ср. поговорки: «Было бы болото, а черти будут», «Всякий черт свое болото хвалит», «Не ходи при болоте, — черт уши обколотит» и др.

На Русском Севере к категории духов природных локусов причисляется большая группа персонажей, единственной функцией которых является обитание на правах «хозяина» в пределах узкоограниченных земных и водных участков: *боровик*, *моховик*, *подкустовник*, *ельник*, *стоговик*, *межевик*, *оржавеник*, *омутник* и др. Представления о них распространены в этом регионе повсеместно, и это можно признать яркой отличительной особенностью местной мифологической традиции.

Лишь условно к группе духов природного пространства может быть отнесен женский персонаж — **полудница**, **полуденица**, характерный для русских поверий северо-западных и центральных областей, так как в этом образе главным является признак персонификации полдня как опасного времени, а не функция быть хозяином конкретного локуса. Местом обитания полудницы считались засеянные злаковые поля, где она появляется в виде высокой красивой длинноволосой женщины в белом (архангел., вологод.), иногда в виде страшной уродливой старухи (рус. сибир.), проверяя, не работает ли кто-нибудь в поле в полуденное время. Нарушителей запрета строго карает: пугает, сворачивает шею, щекочет до смерти, насылает солнечный удар, отсекает серпом или косой голову и т.п. По вологодским поверьям, «добрая полудница» закрывает в полдень громадной сковородкой злаки и травы от палящих солнечных лучей, а «злая» — оборачивает эту сковороду тыльной стороной и прижигает растения [4. С. 263]. Полудница часто выступала в роли мифического страшилища для запугивания детей, чтобы те не ходили в полдень в ржаное или гороховое поле; им говорили, что там сидит *полудница* с раскаленной добела сковородкой и зажаривает на ней непослушных детей.

К числу сравнительно редко упоминаемых в мифологической прозе ночных духов, появляющихся в природном пространстве, относятся **блуждающие огоньки** (*бесовы огни*, *блудячий огонь*) — лесные, болотные, кладбищенские, — о которых ходила молва, что это души умерших грешников, либо духи-охранители подземных кладов. Считалось, что они могли сбить пешехода с пути, завести его на бездорожье. Поверья о них встречаются спорадически в севернорусской и южнорусской мифологии.

Русалка — один из наиболее многозначных по мифологическим характеристикам персонажей русской демонологии, поскольку в разных регионах он наделяется разными признаками. С термином *русалка* могут соотноситься в разных регионах представления: о духе воды, леса или поля; о проклятой родителями девочке, похищенной нечистой силой и удерживаемой в бане до возраста невесты; о разных категориях умерших (души некрещеных детей, женщин-утопленниц, молодых девушек, не доживших до свадьбы или умерших на Троицкая неделя).

На Русском Севере и в восточноевропейских областях России вплоть до Нижнего Поволжья мифоним *русалка* фиксируется не повсеместно, а в качестве вариантов этого термина часто используются названия

других (типичных для местной традиции) женских персонажей: *водяниха*, *водяная чертовка*, *омутница*, *росомаха*, *шутовка*, *хитка*; ср. новгородское свидетельство: «Всё одное — что росомаха, что русалка» [5. С. 57]. Внешний вид этих русалок описывается как непривлекательный и пугающий: голая девка или баба с отвисшей грудью, черноволосая, лохматая, бледная. Единственная ее устойчивая характеристика — привычка, сидя у воды, расчесывать длинные волосы золотым гребнем (мотив, характерный для большинства севернорусских женских духов природных локусов); при виде человека она ныряет в воду. Зафиксирован ряд свидетельств о вторичном (более позднем) прикреплении термина *русалка* к типичным севернорусским женским персонажам: «Сидит на берегу девка гола и чешет волосы. По-деревенски — *воденик*, а по-ученому — *русалка*» [6. С. 452]. Считалось, что по ночам эти мифические женщины преследуют человека, которому удалось похитить их чудесный гребень; проникают в бани, где моются или стирают белье; купающихся поздно вечером могут утопить; предвещая беду, произносят пророческие слова: «Год от года хуже будет!» Вредоносная функция щекотать людей до смерти для образа русалки этой региональной традиции не характерна. О происхождении этого персонажа в севернорусских поверьях ничего не говорится, лишь изредка встречаются представления о том, что русалки — это души девушек, умерших перед самой своей свадьбой (новгород.).

В целом северо-восточный вариант образа русалки лишен собственных индивидуальных мифологических признаков, которые отличали бы его от других женских персонажей этой же региональной традиции, где русалка отождествляется с *лешачихами*, *водянихами*, *чертовками*, *шишигами* и другими женскими образами.

Более определенно вырисовываются специфические «русалочьи» признаки в мифологии западно- и южнорусского региона. Термин *русалка* известен здесь повсеместно¹; лишь в редких случаях используются варианты названий русалки: *щекоталка* (рязан.), *щекотуха*, *мавка* (орлов.).

Почти повсеместно распространены на этой территории поверья о происхождении русалок из душ женщин-самоубийц, утопленниц или умерших просватанных невест. В единичных случаях фиксировались представления о них как о проклятых родителями детях (воронеж.): «Мать праекланё дочеря, — ана палучится русалка» [2. С. 77]. Широко известны также представления о сезонном пребывании на земле этих персонажей: они появляются в земном пространстве в период с Духова дня до Русальского заговенья (до первого дня Петровского поста); либо в период от Вознесенья до Духова дня; на Ивана Купалу. В ряде мест зафиксированы обряды «проводов» или «изгнания» русалок на Русальное заговенье, т.е. в первое воскресенье после Троицы (воронеж., орлов., рязан., тамбов., саратов., нижегород.).

По внешнему виду эти персонажи описывались чаще всего как молодые, красивые, длинноволосые девушки, нагие или в белой одежде. Считалось, что в семицко-троицкий период они появляются возле водоемов, в лесах, в ржаном или конопляном поле; любят качаться на деревьях; водят хороводы, играют и поют красивые песни. Крайне редко фиксируется в этой мифологической традиции мотив «русалка расчесывает свои длинные волосы, сидя у водоема»

¹ В некоторых районах слово *русалка* употребляется вне мифологических верований — для обозначения ряженого персонажа, участвующего в обрядах «проводов весны» или «вождения коня» в первый день петровского поста (саратов., нижегород., пензен., астрахан.); либо русалками называли всех ряженных вообще, в том числе свадебных (рязан.).

(курс., орлов.). Вопреки общераспространенному мнению, образ русалки как девушки с рыбьим хвостом не является типичным ни для севернорусской, ни для южнорусской мифологии и объясняется, скорее всего, книжным влиянием.

К числу вредоносных действий русалки повсеместно относится стремление зашекотать человека до смерти. Реже упоминаются такие ее злокозненные функции, как насылать болезни на людей и скот; делать во ржи «заломы», в результате чего портился урожай зерновых. В целом образ южнорусской русалки совпадает по основным признакам с одноименным женским персонажем украинской и белорусской мифологии.

Демонология домашнего пространства. Абсолютное первенство по степени значимости и популярности в русской мифологии принадлежит домашнему духу-«хозяину», **домовому**, поверья о котором распространены повсеместно и оформлены в виде многочисленных быличек, сказок, легенд, заговоров, запретов. Мифонимы *домовой*, *домовик* фиксируются практически во всех регионах России, а наряду с этим в северных и центральных областях часто используются наименования со значением ‘хозяин, отец, старейшина’: *батюшка домовой*, *домовой хозяин*, *большак*, *дедушка-домовеюшко*, *хозяйнушко мохнатый*, *домовитушко* и под. В южнорусской традиции встречаются случаи обозначения домового терминами со значением ‘черт’: *дурной* (тульск., воронеж.), *анчутка* (орлов., тамбов.), *шут* (воронеж., липец.) [2. С. 89, 95].

Генезис этого персонажа чаще всего связывается с первопредками рода, с душой последнего умершего хозяина дома или старшего члена семьи. Реже встречается версия о его происхождении из падших ангелов или из спрятанных от Бога детей Адама. В круге представлений о внешнем виде домового выделяются три основных варианта: считалось, что он невидим; если показывался людям, то выглядел как седой старик или мужчина среднего возраста; мог принимать вид умерших или живых членов семьи, а также оборачиваться разными животными (кошкой, собакой, теленком, зайцем и т.п.). Жители южнорусских областей верили, что домовый выглядит как антропоморфная фигура, заросшая длинной шерстью, по цвету которой хозяева старались подобрать себе лошадей и другой домашний скот, чтобы их любил домашний дух.

В русской мифологии отмечается чрезвычайно высокий статус этого персонажа, воспринимаемого как высший авторитет, глава всей семьи, как распорядитель всего хозяйства. В связи с этим повсеместно бытовали поверья о необходимости присутствия своего собственного духа-опекуна в каждом доме; о том, что без него ни один дом держаться не может, иначе хозяйство придет в упадок. Признавая принадлежность домашнего «хозяина» к существам потусторонней природы, люди, тем не менее, выделяли его особым образом среди персонажей нечистой силы: считалось, что «домовой от людей отстал, а к нечистой силе не пристал»; что он, в отличие от других духов, не боится ни креста, ни освященной воды, ни божьего имени. Согласно воронежским поверьям, домовый – это посланник Бога: «При рождении человека Бог посылает ему ангела для защиты, черта для искушения и домового для ведения хозяйства» [7. С. 152]. При переезде в новый дом практиковался обычай приглашать домового с собой, чтобы семью не покидала удача.

В поверьях о местах локализации домового в пространстве дома наблюдаются заметные диалектные различия: по севернорусским данным, этот персонаж

привык сидеть в нижней части дома (подполье, подклеть, место под голбцом²), а по южнорусским свидетельствам — в верхней (чердак, место возле печной трубы). Кроме того, жители Русского Севера типичным местом обитания этого персонажа считали хлев или другие места содержания скота. Общерусскими являются представления о том, что в качестве наиболее любимого его места в доме выступает пространство возле печи (печной угол, запечье, подпечье).

Вторым признаком, отличающим этого персонажа в поверьях жителей севера (или северо-запада) и юга России, является наличие или отсутствие у него семьи: по севернорусским данным, как и у всех духов-«хозяевах», у домового есть жена и дети. Это отражается чаще всего в фольклорных приговорах — обращениях к домовому: «Царь-домовой и царица-домовица, примите нашу хлеб-соль!»; «Дом-домовой, пойдем со мной, веди и домовиху-госпожу, — как умею, награжу!» [7. С. 139]; «Домовой-домовик и маленькие домовята, сберегите мою скотину в поле, напоите, накормите и домой пригоните» [7. С. 144]. В южнорусских поверьях домашний дух обычно выступает как бессемейный персонаж.

Основной состав приписываемых домовому стереотипов поведения совпадает в разных русских региональных традициях. Считалось, что он следит за порядком в доме, охраняет его от воров, требует от домочадцев почтительного к себе отношения и соблюдения установленных правил поведения. Там, где они нарушены, домовый наваливается на спящего человека; душит его, шиплет, оставляя синяки; стаскивает одеяло; пугает ночными звуками (стуками, топотом, скрипом половиц, звоном падающей посуды и т.п.); сгоняет с места ночлега заночевавшего в доме чужака. Согласно общерусским верованиям, домашний дух дает о себе знать по ночам, предвещая общесемейное или индивидуальное для отдельного члена семьи будущее. Он давит ночью спящего, ожидая от него вопроса: «К добру или к худу?», и затем подает соответствующий знак-прогноз.

Самой устойчивой мифологической функцией этого персонажа повсеместно считается воздействие на домашний скот (благодарное или вредоносное). Если содержащиеся в хозяйстве животные пришли к нему по нраву, он заботится о них, кормит, поит свежей водой, чистит и холит, расчесывает гривы лошадям. В противном случае он гоняет животных по хлеву, мучает их, заезживает до пота, заталкивает под ясли и т.п. В этом случае хозяева вынуждены избавляться от не полюбившейся домовому скотины и приобретать новую, которая бы пришлась ему по нраву.

Чтобы расположить к себе домового, принято было в определенные праздники (Рождество, Чистый четверг, Пасха) угощать его молоком, кашей, хлебом, специально испеченными булочками; эту еду оставляли в местах предполагаемого обитания домашнего духа-опекуна. Обязательным считалось «закармливать» его перед Великим постом; этот смоленский обычай сопровождался вербальным приглашением: «Царь домовой, царица домовая, с малыши детками, милости просим с нами заговлять» [7. С. 147].

В мифологии Русского Севера одна из функций домового — быть духом-«хозяином» домашнего пространства переносится и на образы многочисленных персонажей-охранителей конкретных локусов внутри дома и во дворе. Считалось, что в доме обитают незримые духи, именуемые: *подпольник*, *запечник*, *домаха/домовая хозяйка*; а во дворе: *банник/байниха*, *амбарник*, *дворовик*,

² Голбец — небольшой чуланчик возле печи, пристроенный в нижней части избы

овинник, гуменник, хлевник, подрижник, колодечник и т.п. Для южнорусских верований подобные персонажи не характерны.

В некоторых районах Русского Севера и частично в центральных областях России наблюдается отождествление домового с образом маленького пушного зверька — **ласки**, которой приписывается функция опекуна домашнего скота; этот персонаж заботится о нем, если полюбит, либо загоняет до пота, если хозяин содержит скотину не в масть ласки. По архангельским и вологодским свидетельствам, «дед-домовой — это ласка [...] она скотину нову не любит, завьет гриву-то»; «ласка и есть доможирка, белый зверек, как цего-то не ко двору, то скотина плохая будет, — ласка сделает» [3. С. 45].

К числу духов, появляющихся по ночам в домашнем пространстве, по севернорусским данным, относится редко упоминаемый персонаж — **игоша**, — душа мертворожденного некрещеного ребенка, которому приписываются признаки беспокойного домашнего духа, пугающего домочадцев по ночам.

В этой же региональной традиции бытовали поверья о **кикиморе** как о женском мифическом существе, обитающем в жилом пространстве человека и приносящем ему мелкие неприятности. Постоянным признаком внешнего вида этого существа является маленький рост: она выглядит как маленькая скрюченная старушка, лохматая и в ветхой одежде. Происхождение кикиморы связано с похищенными нечистой силой проклятыми детьми или с мертворожденными некрещеными младенцами. Кое-где считалось, что это жена домового: «В каждой избе *хозяйка* есть — кикимора» (вологод.) [5. С. 126]. По некоторым данным, кикимора «заводилась» лишь в тех домах, которые построены на «нечистом» месте, например, где был похоронен висельник (вятск.). Либо считалось, что кикимора — это некая нечистая сила, которую насылают на дом своего недруга колдуны и ведьмы. В этом случае ее появление в доме воспринималось как предвестие беды: она разбрасывала домашние предметы, била посуду, хлопала дверями, выдергивала волосы у спящих домочадцев. Основными ее ночными забавами считались прядильно-ткаческие занятия: она допрядала кудель, оставленную хозяйкой на ночь без благословения, портила готовую пряжу, мусолила и путала нитки.

Святочные духи. Поверья о разгуле нечистой силы в святочный период широко известны у восточных славян, но особые святочные духи, наделенные специфической терминологией (*святъё, святке, куляшй, шуликуны*) и индивидуальными признаками, зафиксированы только в севернорусской демонологии. Общими для них характеристиками можно признать, во-первых, принадлежность к категории нечистых духов (к мелким бесам); во-вторых, приуроченность пребывания на земле в период с Рождества, когда они выходят из водоемов, и до Крещенского сочельника, когда они возвращаются обратно в воду; в-третьих, привычка появляться во множестве (толпами, ватагами, артелями), преследовать гуляющих поздно вечером людей, пугать участников святочных гаданий, происходящих вне дома и т.п.

Образы-персонификации смерти и болезней. Русские поверья о **Смерти** как мифическом существе встречаются спорадически в разных регионах, не образуя четких диалектных различий. Основные названия персонажа: *Смерть, Смертушка, Белая баба, Белая*. Устойчивые признаки внешнего вида этого существа (скелет или высокая, худая женщина в белой одежде с косой в руках) носят следы книжной и иконописной традиции. Накануне чьей-либо смерти «белую женщину» (с косой или безоружную) видят жители села идущей

по улице и громко причитающей. По некоторым севернорусским представлениям, она — как и вся нечистая сила — произошла из падших ангелов, но поскольку отказалась служить Сатане, Бог дозволил ей жить у ворот ада илирая и повелел приходить к нему за указаниями, кого из людей и когда лишать жизни (новгород.). Кое-где на Русском Севере верили, что Смерть незримо присутствует в каждом доме и показывается лишь тем из домочадцев, кому суждено вскоре умереть. Может появляться в виде двойника человека, которого ждет близкая смерть. Лишь изредка упоминаются в народных рассказах способы убийства людей: Смерть «подсекает косой», «пилит пилой», «отрубает руки-ноги-голову». Гораздо чаще этот персонаж выступает в роли предвестника смерти: персонифицированная Смерть в виде женщины в белом является больному накануне его кончины, молча стоит или громко причитает; стучит в окно или окликает свою жертву, оставаясь невидимой; проникает через закрытые ворота, входит в избу, пристально смотрит на человека и исчезает. Довольно широко распространены в разных областях России сказки и былички на сюжет «Смерть-кума», известный также в украинском и белорусском фольклоре: бедняк просит первую встречную женщину стать кумой на крестинах его новорожденного ребенка; ею оказалась Смерть, которая помогает бедняку разбогатеть [8. С. 132. № 332].

Из числа многочисленных людских **болезней**, упоминаемых в русских поверьях, в качестве мифологических персонажей выступают прежде всего персонифицированные образы Лихорадки, Оспы, Чумы, Холеры; а среди скотьих повальных болезней наиболее известен персонаж, именуемый *Коровья смерть*.

Самым популярным из всех персонифицированных болезней оказывается в русской мифологии образ **Лихорадки** (множества сестер-лихорадок), который представлен в разных фольклорно-изобразительных жанрах: в быличках, заговорах, легендах книжного происхождения, в иконографии и лубочных картинках. Эти болезнетворные духи, наделяемые в разных региональных традициях множеством эфемистических названий (*трясавица, напастница, кумаха, добруха, весенница, ворогуша* и др.), описываются как женщины в белом, простоволосые, худые; иногда как единичная фигура сгорбленной косматой старухи с клюкой. Основное их свойство — появляться во множестве (от семи до 77). Считалось, что они обитают в воде, болоте либо в лесу, под землей, а на переломе зимы и весны выходят вредить людям. По своему происхождению, это дочери царя Ирода, проклятые им и перешедшие на службу Сатане. Большая часть сведений о внешнем виде лихорадок и об их вредоносных действиях содержится в текстах народных заговоров, где они наделяются признаками, отражающими симптомы заболевания: *трясея, огня, знобeya, желтея, гнетea, сухота* и т.п.

Целый ряд однотипных признаков отмечается в русских поверьях о **холере, оспе и чуме**. Они описываются то как молодые женщины в белом, то как старые уродливые бабы со злобным взглядом; появляются откуда-то «из-за моря»; странствуют по земле, распространяя повальные болезни. С этими персонажами связан сюжет о том, что случайно встреченная проезжим крестьянином путница просит подвезти ее до ближайшего села; после оказанной ей услуги в селе начинается «моровое поветрие», от которого вымирают все жители в округе. Согласно некоторым представлениям, эти эпидемии воспринимались как послание Божье за людские грехи.

Заключение. Если иметь в виду весь персонажный состав русской демонологии в целом, то в него входят, во-первых, персонажи о б щ е р у с с к и х

в е р о в а н и й: домашние, лесные, полевые, болотные и водяные духи; русалки; летающий змей; возвращающиеся с того света покойники; черт; колдуньи и ведьмы; знахари и знахарки. Кроме того, для большинства русских региональных традиций характерны поверья о персонифицированных образах Смерти и духов болезней; о вихре как одной из ипостасей злого духа; о персонажах-страшилищах, которыми запугивали детей; о блуждающих огоньках; о человеке-оборотне (волколаке); о духах—охранителях подземных кладов; о людях, в которых вселился бес (кликуши, бесноватые); о мифическом ребенке-подменыше; о душах умерших некрещеных детей. Наряду с этими поверьями в разных регионах России бытовали представления о неких специфических персонажах, характерных для одной конкретной этнокультурной зоны. Так, в составе персонажей севернорусской демонологической традиции значительное место занимают многочисленные духи «хозяева» конкретных природных и домашних локусов (категория духов типа *genius locus*): *моховик, боровик, подкустовник, омутник* и т.п.; *амбарник, подовинник, подрижник, запечник* и т.п. В этой же (севернорусской) персонажной системе фигурируют особые календарные (святочные) духи: *шуликуны, кулиши, святке*; женские образы с трудноуловимыми, многовариантными мифологическими характеристиками: *кикймора, росомáха, шиши́га, удéльница*. Большой популярностью пользуются поверья о вселяющемся в человека вредоносном духе, именуемом *икота, пошибка*, которые делают человека бесноватым. Преимущественно на Русском Севере и северо-западных землях бытовали поверья о *полуднице* — женском полевом духе, появляющемся в полдень. Весьма значительное место в севернорусской персонажной системе занимают поверья о проклятых детях, похищенных лесными духами, а также о чертенятах — мощниках колдунов и ведьм.

Особенности южнорусской демонологии проявляются не столько в наличии особых узлокальных персонажей, не известных в других региональных традициях, сколько в качественно иных мифологических характеристиках одних и тех же общерусских демонических образов. Заметно различаются, например, северно- и южнорусские варианты образа русалки. В западных и южных областях России этот персонаж имеет статус календарного сезонного духа, появление которого приурочено к троицко-семицкому периоду. Более определенно вычленяются образы волколака и умерших некрещеных детей. Иные свойства и признаки приписываются лесным духам. Иначе проявляется степень значимости персонажей внутри группы «знающих» людей: в южнорусских поверьях первенство принадлежит ведьме, а не колдуну, как в севернорусской мифологии.

Региональные отличия разных мифологических комплексов в общей этнокультурной традиции зависят не только от того или иного состава представителей нечистой силы, но и от того, какие позиции в своей демонологической системе занимает один и тот же персонаж. Например, леший в севернорусских верованиях и лесной дух в южнорусских — это персонажи принципиально разных «весовых категорий»: первый концентрирует в себе большой круг мифологических характеристик, мотивов, сюжетов, представленных во множестве разножанровых текстов; он принадлежит к числу повсеместно известных демонов; суеверные рассказы о нем бытуют во множестве вариантов. А аналогичный по названию персонаж южнорусской низшей мифологии (*леший*) упоминается лишь в немногих поверьях; сведения о нем фиксируются редко, не повсеместно и лишь в кратких текстовых вариантах. Так что при попытках выявить специфику конкретных локальных типов народной демонологии

приходится учитывать и эти количественные показатели. Во второй части статьи будут рассмотрены еще три большие группы мифологических персонажей: разные категории чертей; демонизированные образы умерших и живые люди, наделенные сверхзнанием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Ушаков Д.* Материалы по народным верованиям великороссов // Пермские епархиальные ведомости. 1896. № 2–3.
2. *Титова О. Ю.* Ареальное исследование мифологических представлений русских Центрального Черноземья (конец XIX – начало XX в.). Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 2015.
3. Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / Сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Хромова, Ю. М. Шеваренкова. СПб., 2007.
4. *Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива ИРГО. Петроград, 1914. Вып. 1.
5. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. О. А. Черепанова. СПб., 1996.
6. *Криничная Н. А.* Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. СПб., 2001. Т. 1. Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах».
7. *Власова М.* Русские суеверия. Энциклопедический словарь. М., 2000.
8. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979.

ИНТЕГРАЦИЯ МАЛОЙ РОССИИ И ЕЕ СТАТУС В ТРУДАХ Г.Ф. КАРПОВА (1839–1890)

© Я.А. Лазарев^{1*}, В.С. Ившин^{2**}

¹*Канд. ист. наук, старший научный сотрудник
Лаборатории эдиционной археографии УГИ УрФУ (г. Екатеринбург)*

²*Лаборант-исследователь
Лаборатории эдиционной археографии УГИ УрФУ (г. Екатеринбург)*

9lazarev@gmail.com.*; *v.s.ivshin96@gmail.com.*

Статья подготовлена в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования по теме «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования» № FEUZ-2020-0056

В статье анализируется интерпретация процесса интеграции «Малой России» и ее статус в трудах Г.Ф. Карпова в контексте идейно-политических воззрений и дискуссий его эпохи. Авторы показывают актуальность историографического наследия историка.

The article analyses the interpretation of the process of integration of «Little Russia» and its status in the works of Gennady F. Karpov in the context of ideological and political views and discussions of his era. The authors show the relevance of historiographical heritage of the historian.

Ключевые слова: казачество, Г.Ф. Карпов, Н.И. Костомаров, Харьковский университет, украинский национальный нарратив, государственная школа.

Keywords: Cossacks, Gennady F. Karpov, Nikolai I. Kostomarov, Kharkov University, Ukrainian national narrative, state school.

DOI: 10.31857/S0869544X0014066-5

Процесс интеграции в состав Российского государства земель, вошедших в российский политический лексикон XVII–XIX вв. как «Малая Россия», а также их статус до сих пор остаются дискуссионной и политизированной темой в изучении российско-украинских отношений. Такая отличительная черта научных дискуссий является результатом того, что данные территории в рамках актуального украинского национального нарратива рассматриваются в качестве воплощения украинской раннемодерной государственности («Украинская казацкая держава», «Гетманщина», «Гетманская Украина»). Данный нарратив, сохраняя влияние в украинской и отчасти российской и западной

историографиях, задает изначально негативную интерпретацию процесса интеграции Малой России, имевшей печальные последствия для украинской (казацкой) государственности и прав местных сословных корпораций. Откровенная телеологичность данной схемы [1. С. 20–21], мешающая подлинно научной реконструкции процесса интеграции, только с недавних пор стала подвергаться методичной деконструкции на основании широкого спектра архивных источников и разбора историографических «фантомов», сложившихся в XIX в. [2–5]. Отмеченный ревизионизм, наметившийся пока только в российской историографии, является определенным развитием выводов, сделанных в 70-х годах XIX в. Г.Ф. Карповым.

Имя Геннадия Федоровича Карпова (1839–1890) хорошо известно среди исследователей российско-украинских отношений второй половины XVII в. В большей степени свое имя в анналы мировой украинистики Карпов вписал благодаря плодотворной археографической работе, связанной с публикацией важнейших документов по истории российско-украинских отношений 1654–1659 гг.¹ Однако, кроме этого, Карпов известен историческими работами, в которых он подробно разобрал начальный период интеграции территории Малой России в состав Российского государства. В этих работах Карпов полемизировал с видными историками и деятелями украинского национального движения П.А. Кулишом (1819–1897) и Н.И. Костомаровым (1817–1885), а также критически отзывался о работе одного из влиятельных «украинофилов» О.М. Бодянского (1808–1877). Последнее предопределило важную дихотомию в оценке научного вклада историка.

С одной стороны, все исследователи, начиная с дореволюционной поры, признавали несомненные заслуги Г.Ф. Карпова в деле публикации исторических документов по истории российско-украинских отношений и критике опубликованных источников (казацкие летописи, анонимный памфлет XIX в. «История русов») [6. С. 322–324; 7. С. 1568, 1574, 1591, 1614–1615, 1617]. С другой стороны, его взгляды на процесс интеграции Малой России, характер взаимоотношений российского правительства с местными сословными корпорациями (особенно, с казачеством) зачастую характеризовались как «великодержавные», «реакционные»/«националистические», «консервативно-шовинистические», взгляды «ярого сторонника обрусения Украины», «деятельного борца с “украинским сепаратизмом”». Особенно досталось Карпову в советское время [8. С. 356, 431–432; 9. С. 76–77, 152; 10. С. 144; 11. С. 713]. С определенной корректировкой эти оценочные суждения воспроизводятся в современной украинской и российской историографиях [12. С. 231; 13. С. 52–62; 14. С. 111; 15. С. 6]. Единичные призывы историков позднесоветского времени или на современном этапе о необходимости изучения/актуализации научного наследия Карпова не нашли достойного выражения в историографии [16–17]².

Таким образом, в российской и украинской историографиях сложился очень противоречивый образ историка: профессионального источниковеда и публикатора и, одновременно, заметно ангажированного исследователя. Подобные диаметрально противоположные взгляды на личность Г.Ф. Карпова

¹ При деятельном участии Г.Ф. Карпова были подготовлены к печати X–XI и XIV–XV тома «Актów, относящихся к истории южной и западной России».

² Редким исключением можно признать небольшую статью О. Петренко, в которой историк охарактеризовал «государственный» подход Г.Ф. Карпова к интерпретации источников как правильный, но диаметрально противоположный романтически-националистической, так называемой «народной» концепции Н.И. Костомарова (см. [18. С. 3–4]).

актуализируют, по меньшей мере, два главных вопроса: насколько отмеченные оценочные суждения могут быть соотнесены в одной личности; насколько политическая/ангажированная позиция историка могла исказить историческую действительность в его сочинениях? Понимание данных проблем возможно только при тщательной реконструкции взглядов Карпова в контексте идейно-политических воззрений и дискуссий его эпохи.

В качестве важной отправной точки наших поисков следует выбрать два ценнейших биографических источника — некрологи, написанные известными дореволюционными историками В.О. Ключевским и Е.В. Барсовым³. Оба как члены (а Барсов еще и как секретарь) Императорского общества истории и древностей российских с достоинством почтили память ушедшего соратника (с 1866 г.) и казначея данного общества (с 1878 г.) [20. С. 10; 21. С. 40]. При этом Ключевский был давно и хорошо знаком с Г.Ф. Карповым со времен учебы в Московском университете под наставничеством С.М. Соловьева, а также во время работы на высших женских курсах⁴. В «отчете о прерванной смерти деятельности» Карпова Ключевский отметил, что покойного всегда волновали две больших темы — «образование Московского государства, завязка и закрепление государственного единства русского народа» и «воссоединение Малороссии с Великой Россией в царствование Алексея Михайловича» [21. С. 41, 44]. В рамках последней темы Карпов «с чисто великорусскою осторожностью» распутывал «исторический миф» о гетмане Б.М. Хмельницком, который был полон «предрассудков и недоразумений», а также тщательным образом анализировал историю Малой России XVII в. В поисках «затерявшейся исторической правды и разрушении тенденциозного вымысла» Карповым была подготовлена и защищена докторская диссертация (1870) [21. С. 43; 23], в которой он критически проанализировал ключевые источники по истории региона. По словам Ключевского, в этой работе наглядно проявилось следующее исследовательское кредо Карпова: «вести изложение исторических фактов в неразрывной связи с тщательным критическим разбором источников». При этом, в научной работе обнаруживалась «тесная связь честного политического убеждения с направлением его (Карпова. — *Я.Л., В.И.*) ученых трудов» [21. С. 44]. Отмеченная «тесная связь» проявилась в том, что Карпов, несмотря на «твердое патриотическое настроение», в ходе самых жарких дискуссий и обсуждений сохранял «резвый и наблюдательный взгляд на исторические дела и лица», хотя за оценки личности Б.М. Хмельницкого «покойному больно доставалось от затронутых им местных предрассудков и возбужденных негодований за его будто бы слишком московское, предубежденное отношение к малороссийскому герою XVII в. и его делу» [21. С. 44].

Схожие оценки высказал и автор другого некролога — Е.В. Барсов. Однако основное внимание он сконцентрировал на политической позиции Г.Ф. Карпова, для которого «дело воссоединения юго-западной Руси с великою» было не только предметом научных дискуссий, а и «вопросом живым — о настоящем и будущем России» [24. С. 214]. В отличие от Ключевского, Барсов полагал, что для Карпова, глубоко проникнутого «национальным чувством», «всякий противник государственного единства был как бы его личный недруг». Именно это «национальное чувство» Карпов «вносил в свою работу наперекор иным

³ Всего в память о Г.Ф. Карпове было опубликовано более десяти некрологов в ведущих журналах того времени, включая «Журнал Министерства народного просвещения», «Исторический вестник», «Киевскую старину», «Московские ведомости». См. [19. С. 17].

⁴ В.О. Ключевский и Г.Ф. Карпов совместно читали общий курс по российской истории на Московских высших женских курсах. См. [22. С. 164].

воззрениям, встречавшим сочувствие в некоторых слоях нашего общества», что «требовало с его стороны значительной доли гражданского мужества». На эту позицию накладывалась научная прямолинейность Карпова, который в дискуссиях «часто “резал правду”», и поэтому переживал «немало тяжелых минут в своей жизни» [24. С. 215].

Таким образом, оба историка, знавшие не понаслышке Г.Ф. Карпова, отметили определенную политическую ангажированность последнего («патриотическое настроение»/«национальное чувство»), которая получила определенный общественный резонанс среди читающей публики (скорее всего, украинских интеллектуалов, о которых прямо не упоминалось). Впрочем, по мнению В.О. Ключевского и Е.В. Барсова, это не мешало добротной исследовательской работе и не обедняло исторические сочинения Карпова. Так ли это было на самом деле? Все-таки мы имеем дело с жанром некролога, для которого могла быть характерна определенная тенденциозность. К этому мы добавим исключительное влияние С.М. Соловьева на взгляды историка, его научные интересы и начальное развитие карьеры, что также отмечалось современниками [21. С. 42; 24. С. 212]. Последнее могло свидетельствовать о принадлежности Карпова к так называемой *государственной/юридической школе*, для которой было характерно определенное упрощение исторической действительности ради политизированной схемы развития Российского государства.

Для понимания политической позиции Г.Ф. Карпова по поводу интеграции Малой России и общественной реакции на нее нам важно обратиться к другому уникальному и слабоизученному источнику — его первой (публичной) лекции, прочитанной в стенах Харьковского университета.

Появлению Г.Ф. Карпова в Харьковском университете предшествовала защита магистерской диссертации под руководством С.М. Соловьева «История борьбы Московского государства с Польско-Литовским (1462—1508)» (март 1867 г.). Работа получила высокие отзывы, а также была удостоена впоследствии Императорской академией наук «малой» Уваровской премии за 1868 г. [25. С. 286]. Одним из рецензентов поданной на конкурс работы был специалист по истории Древней Руси, историк и археолог А.А. Куник (1814—1899), отметивший высокую источниковедческую работу с московскими делопроизводственными источниками, а также подробное изложение Карповым этапов борьбы Москвы и Литвы в 1462—1508 гг., чем последний «оказал немаловажную услугу русской и исторической науке, вообще» [26. С. 117]. Главным недостатком, по мнению Куника, было отсутствие в исследовании библиографического обзора источников, которыми пользовался Карпов, а также «неполнота» и «преждевременность общих выводов» [26. С. 115—116].

Практически сразу же после защиты в апреле 1867 г. молодой и подававший большие надежды специалист получил приглашение занять должность доцента и возглавить кафедру русской истории в Харьковском университете, в котором Карпов должен был читать курс по российской истории XVII — первой четверти XVIII в. [27. С. 615; 28. С. 333]. По старой университетской традиции, при вступлении в должность следовало подготовить и прочитать публичную (ознакомительную) лекцию, в которой перед собравшейся публикой (в том числе будущими коллегами) полагалось раскрыть свое научное кредо и поделиться планами на будущее.

С самого начала выступления Г.Ф. Карпов отметил, что приглашение со стороны университета рассматривает как большой аванс для самого себя: «Причину

предложения мне кафедры [...] я не могу приписать моим незначительным трудам по русской истории; эта причина объясняется тем, что я имел честь быть учеником товарищей и друзей Т.Н. Грановскаго и занимался историей под руководством С.М. Соловьева» [27. С. 615]. Важным признанием своего научного вклада Карпов видел в том, чтобы «хотя в малом уровниться с этими прекрасными образцами». Именно поэтому он предупредил слушателей, чтобы они не ждали «никаких новых взглядов на науку, никаких новых теорий» и планировал «излагать [...] науку так, как она выработана лучшими из ее представителей», где главное место занимал его учитель С.М. Соловьев [27. С. 617].

По этой причине были не удивительны рассуждения Карпова в духе немецкой идеалистической философии Ф.В. Шеллинга и Г.В. Гегеля о том, что подлинное развитие человечества заключается в достижении некоей ключевой идеи. Также, следуя за философами-идеалистами, Карпов разделял все «действующие» народы на «играющих или сыгравших ту или другую роль на мировой сцене», которые в своем развитии воплощают различные общественные и государственные институты, высшей формой чего являлось *государство*, неотделимое от *народа* [27. С. 617–618].

По мысли Г.Ф. Карпова, все старые и новые социальные теории и идеи, которые «развивает и прилагает теперешнее европейское общество» являются развитием основных идей: «старые по времени в христианстве и древней цивилизации, а более новые [...] в реформации и великой революции» [27. С. 616]. Следуя за С.М. Соловьевым, Карпов полагал обоснованным считать историю «первой из наук политических», которая суть «народное самосознание» [27. С. 617–618]. В этой связи «особенный же жизненный интерес» история приобретает, когда речь идет о «народах действующих теперь», что позволяет понять текущее состояние не только мыслящему человеку, а и честному политическому деятелю, который ищет в ней «руководства и оправдания своих деяний» [27. С. 618]. В поиске истинного смысла событий становится важным постоянный поиск и публикация исторических памятников жизни народа, сбор и группировка исторических фактов. Однако «первоклассная политическая роль» делает историю уязвимой со стороны тех, кто пытается оправдать ею свои цели в настоящем, допуская «злостное искажение», или, что еще хуже, когда люди неблагодарные, не умея подогнать исторические факты под свои изначальные положения, считают, что «занятие и изучение историей вредно» (в качестве примера указывалась ревизия содержания учебников во Франции периода Реставрации, когда была вычеркнута вся революционная эпоха) [27. С. 618–619].

Следовательно, для Г.Ф. Карпова было абсолютно неприемлемо замалчивание любых, даже самых неудобных эпизодов в истории государства. Если такие эпизоды (включая «самые скандальные и неприличные») отделяются «от причины их явления и от связи с другими событиями», то тем самым принижается не только все положительное, что было в развитии государства, но и снижается качество преподавания и интерес к отечественной истории [27. С. 620]⁵.

В своем «методе преподавания русской истории» Г.Ф. Карпов полагал нужным следовать следующим принципам. Во-первых, опираться на юриспруденцию, имевшую руководящее значение для политики и, следовательно, для истории как «науке политической» [27. С. 622–623]. Приоритет юридических

⁵ В данном случае Г.Ф. Карпов указал на поверхностное изучение российской истории первой половины XVIII в. – царствование Петра I, регентство Бирона и правление Анны Леопольдовны [27. С. 620].

наук подразумевал акцент на изучении юридических источников («памятников») и генезиса таких ключевых феноменов как церковь и государство. Во-вторых, следовало прибегать к помощи филологии для «разработки истории во всех ее частях». Филологии отводилась вспомогательная роль – правильное прочтение письменных источников [27. С. 622–623]. В понимании исторического развития народов, как «борьбы различных начал», заканчивающейся победой одной из сторон и обретением различных юридических форм, Карпов шел в русле «государственной школы» за С.М. Соловьевым [27. С. 624]. Однако здесь проявилось его творческое понимание популярной исторической схемы. Например, в качестве «оригинальных общественных порядков» Карпов указывал казацкие. К этому прибавлялось то, что изучая «борьбу начал», историк должен был находиться в положении беспристрастного зрителя, признающего («до окончания процесса») правоту обеих сторон. Также историк не имел права выносить какой-либо приговор. Толька «дальнейшая судьба сторон» могла это сделать, после чего можно было «высказать свой взгляд на события и [...] сочувствие даже к стороне падшей», которая не смогла собрать необходимые ресурсы для победы [27. С. 624–625].

В то время для историков «государственной школы» было характерно отрицательное отношение к казацким порядкам. Например, С.М. Соловьев считал казаков разбойничьими шайками, праздной дружиной, несовместимой с государственными началами⁶. Именно из-за этого казацкие порядки должны были исчезнуть с усилением государства: «Ибо эти государства (а разумею русское и польское) были еще так слабы, что допускали существование подле себя дружины, но вместе с тем были уже и так сильны, что не позволяли дружине иметь на себя внутреннее влияние. Вот почему в описываемое время казачьи общества представляли дружину праздную, запоздалую, которой грозило уничтожение при усилении роли государства» [29. Т. LXII. С. 162]. Сам Соловьев не делал особой разницы между малороссийским и великороссийским казачеством. Единственное отличие между ними заключалась в том, что великороссийское казачество подчинилось сильному Московскому государству: «Малороссийское казачество носило один характер с казачеством великороссийским, то есть казачеством, признавшим над собою власть Московского государства. И здесь, и там, первоначально и преимущественно, казак – человек бездомный, изгнанник из общества» [30. С. 177]. Согласно Соловьеву, процессу интеграции Малой России дали старт только челобитные малороссийского казачества царю Алексею Михайловичу [29. Т. LXII. С. 242, 259, 268–269]. Царь подтверждал данные челобитные о «казацких вольностях» в качестве своей «милости», «предоставляя себе право – при известных обстоятельствах и уничтожить эти вольности без всякого клятвopеступления». Дальнейшая судьба региона была связана с «разбродом составных начал» до такой степени, что «почти вся вторая половина XVII века представляет смутное время для Малороссии, подобное Смутному времени Московского государства в начале века. [...] Общественное развитие было задержано; общество продолжало обнаруживать черты детства. Последующие события XVII и даже XVIII века должны подтвердить правду сказанного» [32. Т. 11. С. 183–184]. На этом основании Соловьев пришел к выводу, что институты казацкого самоуправления не были способны породить самостоятельное государственное начало, так как «смутное

⁶ На момент учебы Г.Ф. Карпова С.М. Соловьев уже опубликовал несколько специальных работ, а также подготовил тематические разделы в своей «Истории» по теме интеграции Малой России в состав Российского государства (подробнее см. [29–32]).

время» для Малороссии могло закончиться только с приходом «чужих искателей», одним из которых являлась Москва, прекратившая беспорядки в регионе [32. Т. 11. С. 184].

Таким образом, в методологическом взгляде на историю и в понимании исторического развития Г.Ф. Карпов четко обозначил преемственность с историками «государственной школы» (в особенности, в изложении С.М. Соловьева). Однако, в отличие от своих предшественников, он внес ряд корректировок в структуру изначально жесткой и телеологичной схемы. В первую очередь речь шла о важности изучения всех нюансов в генезисе государства и общественных институтов, включая неудобные эпизоды истории. Эти нюансы следовало рассматривать только в тесной связи с другими событиями и на основании внимательного анализа исторических источников. Подобные интеллектуальные операции был способен осуществить только историк, беспристрастно наблюдающий процесс «борьбы начал», признающий обоснованность существования каждой из сторон до окончания этой борьбы. Именно так было возможно подлинное понимание ценности современного Карпову государства и его торжество. Отмеченная интеллектуальная установка привела Карпова к тому, чтобы, в отличие от своего учителя, специально выделить «казацкие порядки» в качестве оригинального варианта развития государственности [27. С. 624].

Несмотря на указанные методологические нюансы бывший выпускник Харьковского университета (1879) и историк-архивист П.Н. Буцинский считал, что прочитанная Г.Ф. Карповым лекция якобы сделала последнего «непопулярным профессором» и прилепила к нему ярлык «консерватора», «националиста и русофила», который не соответствовал требованиям «тогдашнего либерального времени», [28. С. 332]. По иронии судьбы диссертация Буцинского, посвященная гетману Б.М. Хмельницкому, не была допущена к защите в Харьковском университете из-за наличия в ней заимствований из исследований Карпова и посредственной работы с историческими источниками⁷.

Отмеченные выше методологические установки Г.Ф. Карпова в полной мере проявились при написании докторской диссертации, посвященной критическому разбору источников по истории Малой России. Данная работа была успешно защищена и опубликована в 1870 г. Это исследование вместе с очерком «Г. Костомаров как историк Малороссии» (1871) вызвала заметный научный резонанс. Однако именно публикация докторской диссертации стала ключевой в научной судьбе и последующей пристрастной коммеморации Карпова в историографии.

В диссертации Г.Ф. Карпов обозначил следующие проблемы в изучении истории Малой России и, в особенности, трактовок процесса ее интеграции в состав Российского государства. Основную проблему историк видел в том, как велась археографическая работа по изданию исторических источников по данной проблематике его предшественниками и современниками. Вышедшие на тот момент публикации документов страдали выборочным, фрагментарным, неполным и неточным характером издания. Такая поверхностность проявлялась не только при подготовке к изданию важных исторических документов,

⁷ В данной ситуации обращает на себя внимание тот факт, что диссертация П.Н. Буцинского была допущена к защите в Киевском университете в 1883 г. благодаря протекции Н.И. Костомарова. Последний, помимо прочего, убедил видного киевского историка и идеолога украинского национального движения В.Б. Антоновича (1834—1908) подготовить положительный отзыв, несмотря на написанную им ранее критическую рецензию на диссертацию Буцинского, в которой отмечалась поверхностная работа с источниками и историографией (см. [33. С. 438—439]).

но и в некритическом отношении к недостоверным источникам (например, «Истории русов»). Согласно Карпову, следствием этого стала неправильная интерпретация процесса включения Малой России в состав Российского государства, особенно характера переговорного процесса 1654 г. (перемыславского и московского этапов). По этой причине в историографии стали появляться искаженные и надуманные утверждения о характере и условиях присоединения региона. В этой связи был логичным призыв Карпова опираться в исследованиях не только на нарративные источники, такие как летописи и хроники («Истории русов», летописи Грабянки и др.), содержащие многочисленные неточности и труднопроверяемые факты, а сосредоточиться главным образом на введении в научный оборот делопроизводственных источников московских приказов («статейные списки» царских посланников, реестры, отчеты, дипломатические донесения и др.)⁸.

И все же центральное место в диссертации Г.Ф. Карпова занимала дискуссия с Н.И. Костомаровым. Историки, обращавшиеся к анализу этой дискуссии, в основном акцентировали внимание на разнице исторических концепций обоих авторов, изображая ее как концептуальное противостояние «государственной» школы в лице Карпова и «народной» (национальной) концепции Костомарова. Вместе с тем, критика, адресованная Костомарову, была источниковедческого и археографического характера. Согласно Карпову, источниковедческий подход Костомарова характеризовался фрагментарным и выборочным использованием исторических фактов и источников, а его работы — запутанной системой ссылок, составленных с «особой оригинальностью и темнотой» до такой степени, что «при такой допущенной для себя полнейшей свободе относительно источников, мог в тексте своего сочинения писать что угодно» [23. С. 128]. Особенно Костомарову доставалось за то, что он проигнорировал источники, опубликованные в «Истории России» С.М. Соловьева, и опирался по преимуществу на материалы летописи С. Величко, а также популярный анонимный памфлет первой четверти XIX в. — «Историю русов», отличавшийся откровенной неточностью многих приводимых сведений. Карпов убедительно показал, что оба источника, на которых выстраивалась костомаровская концепция вхождения Малой России в состав Российского государства, противоречат актовым материалам московских приказов XVII в., хранившихся на тот момент в архивах Министерства иностранных дел и Министерства юстиций Российской империи.

В дальнейшем Н.И. Костомаров парировал эти серьезные замечания апелляцией к своему известному источниковедческому постулату, согласно которому историк в работе с историческим источником должен опираться на «могущественный орган доводов» — «здравый смысл»: «Если б до нас не дошло никакого известия о том, что на Переяславской раде читались условия, на которых Малороссия приступила к соединению с Московским государством, то я и тогда был бы убежден, что они там читались (курсив наш. — Я.Л., В.И.)» [34. С. 3].

Как нетрудно догадаться, ключевым «камнем преткновения» между двумя историками стал характер интерпретации истории Переяславской рады 1654 г. и последующего переговорного процесса об условиях интеграции Малой России и ее статусе в составе Российского государства. Н.И. Костомаров считал, что регион входил в состав Российского государства на основе *договора равных сторон*, в том время как Г.Ф. Карпов, напротив, подчеркивал, что

⁸ Подробнее см. последнюю главу докторской диссертации Г.Ф. Карпова [23. С. 158–179].

«древняя отчина» — Малая Россия — «возвращалась» в *подданство* российскому государю, который становился сувереном над присоединенной территорией [35. С. 10]. Законодательное оформление настоящего процесса проходило, по мнению Карпова, через подтверждение прав каждой отдельно взятой сословной корпорации Малой России (Войска Запорожского реестрового, православной шляхты, духовенства и части городов, обладавших Магдебургским правом). В данном случае Карпов заметно корректировал казакоцентричную схему украинской истории, которая была характерна в том числе и для С.М. Соловьева [30. С. 179; 32. Т. 10. С. 580–581].

Помимо жесткой критики Н.И. Костомарова Г.Ф. Карпов мимоходом затронул О.М. Бодянского — известного слависта и украинофила [7. С. 1634]. Карпов признавал заслуги Бодянского по изданию малороссийских летописей и ряда других источников «несомненной важности», в основном тех, что сам использовал при написании диссертации [23. С. 43]. Сутью критики Бодянского являлось «поспешное», по мнению Карпова, издание им источника «третьестепенной важности» (в отличие от делопроизводственных документов) — «Истории русов» [23. С. 43]. При публикации этого анонимного памфлета Бодянский не учел характер источников такого рода, а также исторический контекст появления данного памятника, руководствуясь только тем, что «давно уже Малороссияне желали видеть напечатанной Историю Русов» [23. С.42–44]. Со своей стороны Бодянский оправдывался «тогдашним положением дел» и нехваткой времени, из-за чего «избрал, что было по моим силам в ту пору и в тех обстоятельствах» [36. С. 218–219, 223–224]. Но при этом не преминул в ответ обвинить Карпова в предвзятости, ссылаясь на упоминавшуюся выше вступительную лекцию: «С народом и с его руководителем и приемниками его обходится (Карпов. — Я.Л., В.И.) по собственному своему Уложению. А Уложение его вот на чем почит: “Методом преподавания истории [...] должно быть юриспруденция, по тому что все люди борются за свои интересы, и История есть не что иное, как борьба, а, стало быть, судебный процесс”» [36. С. 227]. Бодянский эмоционально писал, что главенство этого «Уложения» привело Карпова к представлению об истории как «судебном процессе», когда историк сам решил, «какой из Руси жить, и которой умереть», «оправдывая всякое насилие, явную несправедливость, нарушение торжественных договоров, прав и льгот» [36. С. 228]. Как видно, Бодянский весьма превратно понял подход Карпова.

Итак, под прицел острой и справедливой источниковедческой критики Г.Ф. Карпова попали ключевые источники для украинского национального нарратива, а также важные их трансляторы — популярные и известные в научных и общественно-политических кругах персоны — Н.И. Костомаров и О.М. Бодянский. В целях сохранения своего научного реноме оппоненты Карпова избирали аргументы в духе академического романтизма (Костомаров) или предпочитали навешивать политические ярлыки (Бодянский). К сожалению, дальнейшей настоящей дискуссии между историками не получилось.

Защита и публикация докторской диссертации Г.Ф. Карпова по времени совпали с проблемами, возникшими у него в Харьковском университете. В основном они касались баллотировки Карпова на должность экстраординарного профессора по кафедре русской истории⁹, окончившейся неудачным образом и последующим уходом Карпова из университета. Последнее дало основание

⁹ Но не ординарного профессора, упоминание чего можно встретить в специальных исследованиях (см. [14. С. 112]).

позднейшим исследователям утверждать, что таким образом украинская интеллигенция изгнала непопулярного ученого, грубо нарушившего этические нормы научной дискуссии, чья непримиримая позиция была осуждена местными историками (Ю.А. Киселева) [14. С. 112].

Однако, как показывает сам процесс баллотировки, все было далеко не так однозначно. На первом этапе, состоявшемся 17 октября 1870 г. на уровне совета историко-филологического факультета, Г.Ф. Карпов уступил с небольшим отрывом (голоса «за» — 3, «против» — 4) [25. С. 286]. Затем историк был допущен для последующего баллотирования на общеуниверситетском совете, состоявшемся 26 октября 1870 г. Большинством голосов его кандидатура была отклонена (из 35 голосовавших: 21 проголосовали «против» и только 14 голосов «за») [25. С. 20]. Несмотря на неудачную баллотировку, ввиду отсутствия иных кандидатур, Карпов продолжил занимать должность профессора по кафедре русской истории. Университетское начальство лишь 28 ноября 1870 г. признало должность вакантной, предложив Карпову замещать ее до дальнейшего распоряжения [25. С. 63–64]. Последнее могло свидетельствовать о благосклонности университетской администрации, но такая «временная» позиция не совсем устраивала историка. В марте 1871 г. он уволился из Харьковского университета по собственному прошению, полагая, что причиной всему была его дискуссия с Н.И. Костомаровым [14. С. 112; 25. С. 200].

С мнением Г.Ф. Карпова можно отчасти согласиться. Действительно, на тот момент Харьковский университет был одним из центров украинофильства и украинского национального движения, где Н.И. Костомаров имел весомый моральный авторитет. Поэтому уже сам «раздражительный»/«резкий» тон замечаний, отмечавшийся еще дореволюционными исследователями (даже критически настроенных к Костомарову)¹⁰, ставивших под сомнение авторитет популярного украинского историка, мог вызвать негативную реакцию в том политизированном университетском сообществе. Однако не стоит сбрасывать со счета и тот факт, что Карпов был уже отцом двоих детей, а его супруга Анна происходила из состоятельной купеческой семьи Морозовых, которая первоначально отнеслась прохладно к ее выбору, но потом, вероятно, сменила гнев на милость, так как с переездом в Москву материальное положение историка улучшилось и он мог целиком посвятить себя научной работе [7. С. 1617].

Именно благодаря этой спокойной и плодотворной работе в течение 1870-х годов появились две объемные фундаментальные статьи Г.Ф. Карпова, осмыслявшие процесс интеграции Малой России и ее статус в составе Российского государства. Главное место среди них занимал текст статьи «Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великой Россией», состоявшей из четырех частей, разбитых на два номера «Журнала Министерства народного просвещения» за 1871 г. В этой статье Карпов показал, основываясь на делопроизводственных источниках московских приказов¹¹, что представляла собой украинская сторона в переговорах с российским правительством. Последняя являлась не монолитным казацким государством, а совокупностью сословных корпораций (казаков, шляхты, духовенства и части городов, обладавших Магдебургским

¹⁰ Например, первоначально очень благосклонный к деятельности Н.И. Костомарова и его взглядам («федералистский подход») К.Н. Бестужев-Рюмин расценивал замечания Г.Ф. Карпова как переходящие из сферы науки в «жгучую среду не всегда научной полемики», хотя в самой диссертации было «много хорошего» [6. С. 321].

¹¹ Данные документы затем были подготовлены и опубликованы Г.Ф. Карповым в X томе Актов Южной и Западной Руси (подробнее см. [37]).

правом), имевших разные особые права, которые они старались подтвердить у российского царя в процессе переговоров. Подтверждения носили характер *подданства*, как пожалования от российского царя отдельно взятой малороссийской корпорации. Помимо этого, отметим также ключевые моменты, на которых акцентировал внимание историк, вводя в научный оборот новые источники.

Во время первого (перяяславского) этапа переговоров царское правительство признало формат взаимоотношений, в котором исключительная роль на управление Малой Россией отводилась бы институтам самоуправления Войска Запорожского реестрового, включая право собирать налоги с неказацкого населения в царскую казну, «потому что здешние люди к вашим (московским. — *Я.Л., В.И.*) обычаям не привыкли». Также казацкая верхушка стремилась минимизировать присутствие царской администрации на территории региона, надеясь, что царские воеводы с гарнизоном будут расположены только в Киеве. Наконец, российская сторона должна была гарантировать не только казацкие права, а и выплату жалования всем реестровым казакам [35. С. 11–13]. Сам Карпов полагал, что на данном этапе переговоров, верхушка Войска Запорожского реестрового говорила о правах и вольностях казацких без какой-либо конкретики, ставя российскую сторону перед фактом относительно своих претензий желаемого формата взаимоотношений.

Во время второго (московского) этапа переговоров казацкие послы устроили настоящий политический торг относительно содержания своих прав и центров присутствия царской администрации. Основной упор казацкой стороной делался на исключение царской администрации из региона как из ключевых городов (так называемые *большие города*)¹², так и вообще из любых. Это объяснялось тем, что «воевода права бы ломати имел и установы какие чинил, и то бытии с великою досадою» [35. С. 29]. Российская сторона в целом хоть и готова была принять обозначенные условия, но только при предоставлении документальных доказательств, обосновывающих такие претензии. Историком также подчеркивалось, что в ходе обсуждения условий интеграции региона царское правительство не собиралось вмешиваться в местное самоуправление [35. С. 28]. Для подкрепления прошений о подтверждении «прежних прав» казацкие посланники смогли предоставить лишь несколько списков королевских привилеев, которые были даны Войску польскими королями под Зборовом 1648 г. и другие. Они возымели обратный эффект. Москва усомнилась в легитимности претензий казацкой стороны на монопольное управление в регионе, так как предъявленные документы касались только взаимоотношений польско-литовского правительства с казаками. Кроме того, Карпов указывал, что в Зборовском договоре не было намека на то, что реестровому казачеству следовало выплачивать какое-либо жалованье [35. С. 31, 33].

Отталкиваясь от сделанных наблюдений, Г.Ф. Карпов пришел к логичному выводу, что изначально «как бы говорившее за всю страну» Войско Запорожское на деле «било челом» главным образом о своих правах, которые рассматривались изначально шире тех привилегий, что давались в польское время. Соответственно, все остальные малороссийские корпорации отходили на второй план в угоду одной сверхпривилегированной военизированной сословной группы. Однако такую модель царское правительство отказалось принять, решив ориентироваться в сборе налогов на выборных от городов, самоуправляющихся по Магдебургскому праву [35. С. 72]. В итоге 27 марта 1654 г. российское

¹² Сначала Киев и Чернигов, а затем Киев и Переяславль.

правительство подтвердило не казацкие «статьи», а выдало серию жалованных грамот каждой отдельно взятой малороссийской корпорации (Войско Запорожское реестровое, самоуправлявшиеся города, православная шляхта и церковь). Что же касается казаков, то в их жалованной грамоте подтверждались только те положения, на которые Москва с самого начала переговоров давала полное согласие (судебный иммунитет, выборы гетмана, выплата жалованья, размер реестра и др.) [38. С. 252]. Из статьи Карпова выходило, что отмеченный политический кульбит российской стороны проистекал в том числе из-за политической активности городских корпораций с «магдебургиями», которые стремились оградить свою автономию от казацких институтов самоуправления. В тексте статьи 1871 г. этому аспекту была посвящена буквально пара страниц. Сам автор специально оговаривался в подстрочном комментарии, что особой роли украинских городов в процессе интеграции Малой России будет посвящен отдельный очерк [38. С. 246; 39].

Этот специальный очерк вышел в 1877 г. Одной из ключевых задач при написании данного текста являлось стремление показать, «что во времена полного преобладания казачества в Малороссии, города жили сколько было то возможно, по прежнему самостоятельно» [39. С. 1]. В детальной реконструкции переговорного процесса с казацкой стороной Г.Ф. Карпов обратил внимание на политический торг по поводу присутствия царских воевод в регионе вообще (вплоть до полного их отсутствия). В промежутке между переговорами с казаками свое слово сказала делегация мещан из Переяславля, которая прибыла вместе с казацкими послами, но до поры до времени (14 марта 1654 г.) оставалась в тени. Делегаты подали две челобитные на подтверждение городских привилегий на самоуправление по Магдебургскому праву, а также подтверждение прав городским цехам. В качестве документальных подтверждений своих прав 17 марта они представили привилей Сигизмунда III на самоуправление 1620 г. Его содержание подробно разобрал Карпов. Согласно привилею, в польское время мещане были неподсудны никаким судам, кроме как основанным на магдебургском праве. Вместе с тем, в городском судебном процессе участвовали только выборные городские магистраты (бурмистр, войт, лавники), они же выполняли фискальные функции, а не «казацкие урядники». Наконец, в поданном документе указывалось, что в городах, обладавших Магдебургским правом, находились «королевские чиновники», располагавшиеся «в городском замке». Последние выполняли надзорные и судебные функции. Это подразумевало контроль за исполнением интересов польской короны при сборе податей, охранение прав городской корпорации, а также выполнение роли апелляционной инстанции в спорах с другими сословными группами [39. С. 13–14].

На этом основании Г.Ф. Карпов полагал, что сравнивая «городские привилеи с тем, что просило войско за города, правительство должно было заметить, что казацкие притязания на управление всем в Малороссии не имеют ни малейшего основания» [39. С. 16]. По этой причине российское правительство настояло на том, что помимо Киева «устроенные люди» будут еще отправлены и в Переяславль (что произошло только в 1659 г.) [39. С. 17]. Как показал Карпов, политическая активность городских корпораций после окончания основных переговоров не закончилась. Делегация Переяславля, а затем и Киева, отстаивая свои права, прямо указывали, что сложившаяся монополия казацких институтов самоуправления прямо затрагивает их материальные интересы (вопросы землевладения, торговли). Ради этого они просили царское правительство пойти на прямой конфликт с украинской казацкой элитой. На это в ряде случаев российская сторона не пошла [39. С. 23–24, 34–35, 40]. Тем

не менее, суммируя все перипетии переговоров с городскими корпорациями, Карпов акцентировал внимание читателя на следующем своем выводе: малороссийские мещане «радовались соединению Малороссии с Великой Россией, потому что надеялись, при помощи власти великого государя, освободится от казацких насилий» [39. С. 24].

Итак, Г.Ф. Карпов пришел к выводу, что активность переяславских мещан заметно изменила расстановку сил во время мартовского этапа переговоров, а также в процессе интеграции нового региона в состав Российского государства. Политическая активность городов, обладавших «магдебургиями», создала не только прецедент, а и потенциально новую опору для российской воеводской администрации в управлении регионом. Документы, приводимые делегацией переяславских мещан в подтверждение своих прав, явственно демонстрировали необоснованность казацких притязаний. На этом основании могла выстроиться совершенно иная модель управления регионом с опорой на привилегированные города в фискальном аспекте и на казацкие институты в военном плане. Однако из-за политического авторитета Б.М. Хмельницкого и потребности в военной поддержке от Войска Запорожского реестрового в противостоянии с Речью Посполитой российское правительство не решилось на прямое столкновение с казаками и продавливание решений, принятых в Москве весной 1654 г.

Социологическая модель, предложенная Г.Ф. Карповым, резко выделялась из сложившегося украинского национального нарратива, подразумевавшего романтизацию казачества как выразителя государственной идеи нации, а также упрощенное понимание процесса интеграции региона и статуса его земель. Последнее подразумевало наличие некоего договора равных сторон, который планомерно нарушала российская сторона. Впервые в историографии Карповым было показано, что основу автономии Малой России составляла совокупность *прав и обязанностей* нескольких сословных корпораций, которые имели отличные политические интересы и не были связаны в рамках единой этнической/национальной идентичности. Эти права гарантировались царем как сувереном, и подразумевали принцип практически полного невмешательства в самоуправление в обмен на налоговые поступления и исполнение военных функций. Однако «право сабли» позволило гетманам, как лидерам казачества, эти изначальные договоренности корректировать по своему усмотрению, что нарушало суверенные права московских царей и предопределило непростой характер процесса интеграции Малой России. Надо сказать, что это было и определенной новацией в рамках «государственной школы».

Увы, но эти важные и дискуссионные работы ученого не вызывали прежней бурной реакции со стороны историков и публицистов. Затихшую дискуссию сам Г.Ф. Карпов попытался оживить, критически проанализировав трехтомное сочинение П.А. Кулиша «Отпадение Малороссии от Польши» [40]. Особенностью данного сочинения было негативное отношение к Б.М. Хмельницкому и малороссийскому казачеству вообще, а также использование исключительно польских источников. Если в критическом отношении к казачеству позицию Карпова можно назвать близкой к оценкам Кулиша, то с негативной интерпретацией фигуры Б.М. Хмельницкого Карпов мириться не мог [16. С. 110–111]. Еще с докторской диссертации он считал казацкого лидера героической личностью, «истинным представителем своего народа» [23. С. 4]. Публичный ответ Карпова («В защиту Богдана Хмельницкого...») в большей степени относился к публицистическому сочинению. Однако даже в нем историк не изменил

своим принципам. Карпов критиковал Кулиша в том числе в поверхностном использовании источников, а также полном игнорировании им российских делопроизводственных документов московских приказов [16. С. 111].

Ближе к концу XIX в. работы Г.Ф. Карпова перестали упоминаться в историографии, хотя (по большей части докторская диссертация 1870 г.) перечислялись в подстрочных ссылках для справки, ценность которых заключалась в источниковедческом анализе некоторых источников по украинской истории (казацкие летописи, анонимный памфлет «История русов») [42. С. 243; 43. С. 281]. Собственно такая тенденция сохраняется и в современной украинской историографии [44. С. 74–75].

В то же время важные концептуальные наблюдения Г.Ф. Карпова относительно характера интеграции Малой России и критика действий казацкой элиты растворились в ярких и негативно окрашенных оценках. Посягнув на важные фигуры украинского национального движения (прежде всего, Н.И. Костомарова), Карпов оказался очень неудобной персоной для конструктивной критики, так как за его острыми замечаниями стояла фундаментальная проработка московских архивов, что было слабой стороной его оппонентов. Увы, но этого оказалось недостаточно в условиях укрепления социологической схемы украинского национального нарратива, особенно в советское время [45]. Ключевую роль здесь, на наш взгляд, сыграло то, что Карпов не оставил после себя какой-либо «школы». Во многом этому способствовало то, что историк не был интегрирован в университетские сообщества, из которых он мог бы рекрутировать учеников. Соответственно, его имя не вошло должным образом в анналы университетских историй и коллективную память, притом, что современники рассматривали Карпова в качестве основателя критического направления в изучении источников по украинской истории, продолжавшего дело С.М. Соловьева [7. С. 1616, 1637]. Следовательно, последующая упрощенная и ангажированная критика концептуальных построений Карпова по поводу процесса интеграции Малой России и ее статуса в составе Российского государства не затрагивала уважаемые исторические школы и в таком виде сохранилась до сегодняшнего дня.

Отталкиваясь от сложившейся историографической традиции в оценке научного вклада Г.Ф. Карпова, обращает внимание тот факт, что в целом политизированный исследователь-«государственник» сумел сохранить подлинно нейтральное отношение к реконструированным им событиям, не ставя схему выше фактов, полученных при кропотливом анализе источников, не искажая историческую действительность. В то же время историки, следовавшие схеме украинского национального нарратива, в обосновании своей социологической модели доверялись источникам сомнительного происхождения.

Поддержанию подлинно научного имени историка не помогли старания его супруги А.Т. Карповой (Морозовой) (1849–1924), пожертвовавшей в 1890 г. в Императорское общество истории древностей российских сумму в 11500 рублей на учреждение ежегодной именной премии имени Г.Ф. Карпова [21. С. 40]. Особым условием получения этой стипендии, была публикация первоисточников с акцентом на историю Малой России [21. С. 40]. Эта премия, присуждавшаяся 21 раз, помогла в научной карьере и повышении научного авторитета таких известных исследователей, как украиниста В.О. Эйнгорна (1861–1947) и слависта М.К. Любавского (1860–1936) [16. С. 30–31], но не памяти самого Карпова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.
2. *Кочегаров К.А.* Взаимоотношения России и запорожского казачества с середины XVI века до 1654 года // Переписка гетманов Левобережной Украины с Москвой и Санкт-Петербургом. 1654–1764 гг.: сборник документов. М., 2017. Т. 1. Гетманство Богдана Хмельницкого. 1654–1657 гг.
3. *Киселев М.А., Лазарев Я.А.* Военно-административные преобразования в «Малой России» накануне шведского вторжения 1708 года // Славяноведение. 2018. № 2.
4. *Лазарев Я.А.* Факторы, механизмы и ресурсы устойчивого контроля над территорией «Малой России» во второй половине XVII в. // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 2.
5. *Алмазов А.С.* Воеводская администрация Нежина: особенности функционирования в середине XVII – начале XVIII в. // Quaestio Rossica. Т. 6. 2018. № 2.
6. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся, за время: 8-е января 1654–30-е мая 1672 года. Сочинение Геннадия Карпова [Рецензия] // Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1874. Т. 176.
7. *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2. Кн. 2.
8. *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М., 1941.
9. *Марченко М.И.* Украинская историография с древних времен до середины XIX века. Киев, 1959.
10. *Станиславская А.М.* Исторические взгляды Н.И. Костомарова // Очерки исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2.
11. *Коваленко Л.А.* Историография Украины // Очерки исторической науки в СССР. М., 1960. Т. 2.
12. *Кравченко В.В.* Україна, імперія, Росія. Вибрані статті з модерної історії та історіографії. Киев, 2011.
13. *Брехуненко В.* Переяславська рада 1654 року в російській історіографії // Переяславська рада 1654 року (Історіографія та дослідження). Київ, 2003.
14. *Киселева Ю.А.* Историография и этика (харьковские сюжеты) // Харківський історіографічний збірник. 2012. Вип. 11.
15. *Яковлева Т.Г.* Социально-политическая борьба на Украине в 60-е годы XVII в. Внутренние и внешние факторы Руины: Автореф. дис. ...док. ист. наук: 07.00.03. СПб., 2004.
16. *Тодийчук О.В.* Украина XVI–XVIII вв. в трудах Общества истории и древностей российских. Киев, 1989.
17. *Викторов Ю.Г.* Украинская историография о взаимоотношениях Московского государства и Запорожского Войска в 1648–1654 годах и ее источниковая база: Дис. ...канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2009.
18. *Петренко О.* Карпов contra Костомаров: із історії однієї наукової дискусії // Історія України. 1999. № 19.
19. Источники словаря русских писателей / Сост. проф. С.А. Венгеров. Петроград, 1914. Т. III. Карамышев –Ломоносов.
20. Протоколы заседаний Императорского общества истории и древностей российских // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1879. Кн. I.
21. К протоколу чрезвычайного заседания 18 ноября 1890 г. // Протоколы заседаний Императорского Общества Истории и Древностей Российских за 1888–1891 гг. М., 1892. Кн. 1.
22. *Сосницький Д.А.* Василий Ключевский и его научные связи (по рукописным материалам РНБ) // В.О. Ключевский: воспоминания и исследования. СПб., 2017.
23. *Карпов Г.Ф.* Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии относящихся, за время: 8-е января 1654–30-е мая 1672 года. М., 1870.
24. *Барсов Е.В. Г.Ф. Карпов (некролог)* // Журнал Министерства народного просвещения. 1890. № 5.
25. Протоколы заседаний Совета Императорского Харьковского университета и приложения к ним. Харьков, 1871. № 5.
26. *Куник А.А.* Разбор сочинения Г. Карпова: «История борьбы Московского государства с Польско-Литовским 1462–1508 г.» // Отчет об одиннадцатом присуждении наград графа Уварова 25 сентября 1868 года. СПб., 1869.
27. *Карпов Г.Ф.* Вступительная лекция // Протоколы заседаний Совета Харьковского университета и приложения к ним. Харьков, 1867. № 7.

28. *Буцинский П.Н.* Карпов Геннадий Федорович // Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). Харьков, 1908.
29. *Соловьев С.М.* Очерки истории Малороссии до подчинения ее царю Алексею Михайловичу // Отечественные записки. 1848–1849. Т. LXI–LXII.
30. *Соловьев С.М.* Малороссийское казачество до Хмельницкого // Русский вестник. 1859. Т. 23.
31. *Соловьев С.М.* Гетман И. Выговский // Отечественные записки. 1859. Кн. 11.
32. *Соловьев С.М.* Сочинения. История России с древнейших времен. Кн. V–VII. Т. 10–13. М., 1990–1991.
33. *Стариков Г.* Листи Дмитра Багалія до Опанаса Бичкова // Український археографічний щорічник. 2018. Т. 18. Вип. 15.
34. *Костомаров Н.И.* Ответ Г. Карпову // Беседа. 1871. № 1.
35. *Карпов Г.Ф.* Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великой Россией (начало) // Журнал министерства Народного Просвещения 1871. № 11.
36. *Бодянский О.М.* Объяснение // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1871. Кн. 1.
37. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1878. Т. X.
38. *Карпов Г.Ф.* Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великой Россией (окончание) // Журнал министерства Народного Просвещения. 1871. № 12.
39. *Карпов Г.Ф.* Малороссийские города в эпоху соединения Малороссии с Великой Россией // Летопись занятий археографической комиссии. СПб., 1877. Вып. VI.
40. *Кулиш П.А.* Отпадение Малороссии от Польши (1340–1654). В 3 т. М., 1888–1889. Т. 1–3.
41. *Карпов Г.Ф.* В Защиту Богдана Хмельницкого. М., 1890.
42. *Василенко Н.П.* К истории малорусской историографии и малорусского общественного строя // *Василенко М.П.* Вибрані твори у трьох томах. Київ, 2006. Т. 1.
43. *Василенко Н.П.* Малороссия // *Василенко М.П.* Вибрані твори у трьох томах. Київ, 2006. Т. 1.
44. *Бовгира А.* Козацьке історіописання в рукописній традиції XVIII ст. Київ, 2010.
45. *Плохій С.М.* Великий переділ: Незвичайна історія Михайла Грушевського. Київ, 2011.

СТРАННИЧЕСТВО ГЕРОЕВ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ПАТЕРИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕЧАТНОЙ РЕДАКЦИИ 1661 ГОДА)

© 2021 г. Ю.А. Ростовцева

*Канд. филол. наук, главный редактор библейского портала ekzeget.ru**rostoyuliya@yandex.ru*

Статья посвящена странническим мотивам в Киево-Печерском патерике редакции Иннокентия Гизеля (1661). Иллюстрируется, как от редакции к редакции передвижение насельников обители обрамлялось специальной риторикой, призванной показать иноческую добродетель странничества. Эксплицируются три типа странничества в составе памятника: странничество-паломничество, странничество-скитальчество и странничество с целью занятия уединенной молитвой. На текстологическом материале доказывается, что, описывая пространственные перемещения насельников Киево-печерского монастыря, составитель имел своим источником «Слово о странничестве» преподобного Иоанна Лествичника.

The article discusses the journey motives in the Kiev-Pechersk paterikon edited by Innokenty Gizel (1661). The article illustrates how the movement of the monastery's inhabitants developed from one text revision to another text revision showing the monastic virtue of a spiritual journey. Three types of a spiritual journey are explicated: pilgrimage, wandering, and journey for the purpose of practicing solitary prayer. Based on textual material, it is proved that when describing the spatial movements of the inhabitants of the Kiev-Pechersk monastery, the compiler used the «Word about the spiritual journey» by Saint John Climacus as a source.

Ключевые слова: странничество, паломничество, скитальчество, Киево-печерский патерик, «Лествица» Иоанна Синайского.

Keywords: journey, pilgrimage, wandering, Kiev-Pechersk paterikon, «Ladder» by John of Sinai.

DOI: 10.31857/S0869544X0014069-8

Странничество – это образ жизни (временный или постоянный) и особая монашеская добродетель, о которой преподобный Иоанн Синайский писал подробно в третьем Слове «Лествицы». Любопытно, что труд подвижника объясняет spiritualis phaenomenon как приравнивая его к исключительно духовным практикам («странничество есть недерзновенный нрав»), так и географическому перемещению и даже уединению: «поспешая к жизни уединенной или странничеству». Сегодня мы можем только догадываться, какое место занимала добродетель странничества в ценностной иерархии насельников

Киево-печерского монастыря в Средние века. Вместе с тем можно заметить, что для составителей редакций Патерика она представляла неотъемлемую часть духовного портрета насельников обители. Неким эталоном при этом, безусловно, являлось «Слово о странничестве» из упомянутого классического произведения аскетической литературы, цитаты из которого во множестве встречаются на страницах памятника. Представляется, что жизнеописания киево-печерских святых оставляют возможность для экспликации трех видов странничества: 1) паломничества, 2) вынужденного перемещения или скитальчества и 3) странничества с целью занятий уединенной молитвой.

С паломничества начинается духовный путь основателя русского монашества – преподобного Антония Печерского, на заре своего духовного пути предпринявшего путешествие во Святую гору: «Человѣколюбивый же Господь возложи ему на сердце въ страну Греческую ити и тамо пострищиса, странствуа за странствовавшаго Господа» [1. С. 316]. Путешествие это, как известно, поначалу не предполагало возвращения на Русь, поэтому употребление глагольной формы «странствуа» с семантикой кратности и длительности пути может показаться избыточным. Эта кажущаяся избыточность обусловлена аскетической риторикой. Этимологическим источником словесной формулы, в которую обрاملено путешествие преподобного Антония, является «Слово о странничестве» «Лествицы» Иоанна Синайского.

«Внег(д)а на(с) бѣсове ѿко велице исправленіи хвалать или и ч[e]л[o] в[ѣ]щы о странничестве н[а]ше(м) тог(д)а мы на(с) ра(д)[и] с н[ѣ]б[ѣ]се на зе(м)лю странствовавшаго восприиме(м) на память» [2. Л. 46]

Странничество первого русского монаха, его *Imitatio Christi*, очевидно, было особенно дорого национальному самосознанию составителя Киево-печерского патерика. Так, к примеру, обращает на себя внимание тот факт, что автор редакции 1661 г. (она же редакция Иннокентия Гизеля, Печатная редакция), повествуя о путешествии Антония, оставляет страннический компонент в тексте, несмотря на то, что в редакции Сильвестра Коссова (1635), которая по наблюдению Н. П. Георгиевского [3. С. 258], наряду с Кассиановской 2-й редакцией послужила основой для Редакции печатной, тема странничества редуцирована «albowiem skoro jeno podrost wlepila się mu w myśl święta góra Athos» («Когда подрос, прочно поселилась в его голове мысль о святой горе Афон») [4. Л. 77].

Со странствиями связано духовное самоопределение основателя русского общежительного монастырского устава – преподобного Феодосия, у которого желание совершить паломничество предшествует выбору иноческого пути. С путешествием по святым местам Печатная редакция соотносит житие печерского инока Ефрема Евнуха (Каженика, Скопца), после совершения над ним пострижения испрашивающего благословения у преподобного Антония посетить греческие страны. Любопытно, что вторичное посещение Ефремом Кажеником Константинограда составитель редакции 1661 г. также обрамляет страннической мотивикой, описывая данное пространственное перемещение как акт свободной воли и проявление избрания страннического пути героем.

Заметим, что агиографу могло быть известно существительное «паломник» и связанное с ним понятие «паломничества». По наблюдению А. Поппэ, слово «паломник» встречается на Руси, начиная с исхода XII в. [5]. Между тем составитель Жития настойчиво связывает предпринимаемое Ефремом путешествие с подвигом странничества и делает это не однажды:

«Сего ради и якоже самъ преподобный Антоній **странствоваше** путешествуа от Русіи къ святой горѣ: також де и сей преподобный отецъ нашъ Ефремъ гораше духомъ ко сятымъ мѣстамъ... Молаше оубо преподобнаго Антоніа да подасть ему благословеніе въ страну Греческую ѡтити: той же не хота лишитиса ему мзды **странничества**, ѡтпусти его съ благословеніемъ и молитвою» [б. л. 121об.].

Житие Ефрема Скопца в составе редакции 1661 г. — лишь одна из иллюстраций того, что в движении текста Киево-Печерского патерика можно наблюдать некое наращивание страннической риторики. Если в редакции Иосифа Тризны (40—50-е годы XVII в.) известие о посещении Греческих земель иноком только включает в себя слова «мзда странничества» [7], в редакции Иннокентия Гизеля уже присутствует сравнение страннического подвига Ефрема с подвигом Антония Печерского: «Сего ради и якоже самъ преподобный Антоній странствоваше путешествуа от Русіи къ святой горѣ: також де и сей преподобный отецъ нашъ Ефремъ...» [б. л. 121об.].

Следующая группа страннических мотивов в Киево-Печерском патерике связана с вынужденным географическим перемещением. Она также обусловлена *Imitatio Christi*. Будучи по временам скитальцем, удалявшимся от гонителей, стремившихся причинить Ему гибель прежде начертанного часа, Христос заповедовал ученикам Своим: «Егда же гонать вы во градъ семь, бѣгайте въ другій» (Мф. 10:24) Удалением от междоусобной брани после смерти князя Владимира агиограф объясняет второй поход преподобного Антония на Святую гору. При этом составитель Кассиановской 2-й редакции также использует глагол «бѣгати»: «Антоний же, видѣ таковое кровопролитие [...] паки бѣжа въ Святую Гору» [1. С. 316]. Благодаря этому глагольному употреблению повествование о святом Антонии приобретает мотив принудительного ухода из Руси, изгнанничества. Любопытно, что «неуклюжий рассказ о двукратном путешествии Антония на Афон», как назвал повествования о посещении Святой Горы основателем Киево-Печерского монастыря А.А. Шахматов, появляется во второй Кассиановской редакции из стремления редактора преодолеть хронологические противоречия своих источников [8]. Для нас же здесь принципиально значимо то, что в качестве своеобразного компиляционного шва составитель жития избирает именно странствие святого.

Вынужденное путешествие имеет место и в житии другого печерского подвижника — Феодосия. Преследуемый собственной матерью, переходит он в соседний город, где до поры живет у священника, совершая «обычное свое дело» печения просфор. Примечательно, что читателем Патерика жизнь Феодосия до прихода в монастырь воспринимается как странствие. Репрезентативно в этой связи наблюдение А.М. Ранчина: «Движение Феодосия, *странствие* в мире заканчивается с приходом в пещеру Антония» [9].

Другим примером «скитальчества» является эпизод ухода в Тмутаракань преподобного Никона, заимствованный составителем Печатной редакции Патерика 1661 г. из Редакции Сильвестра Коссова. Если историками этот поступок святого интерпретируется в связи с гневом князя Изяслава о пострижении в монашество сына боярина Иоанна и одного из княжеских приближенных, редакция Сильвестра Коссова связывает удаление преподобного Никона на Тмутараканский полуостров с его желанием безмолвия «Ś. zaś Nikon udał się na wyspę Tmotorokańską y tam znalazzsy miejsce czyste nie daleko miasta na bogomyślności usiadł» («И пошел Никон на остров Тмутараканский и там

нашел место чистое невдалеке от города, на богомыслие сел») [4. Л. 77]. Таким образом, житие преподобного Никона в польской редакции объясняет перемещение святого не воздвигнутыми репрессиями, а странничеством — уклонением от мира. Но если польский вариант содержит лишь сухое упоминание об удалении святого на безмолвие — в редакции Иннокентия Гизеля оно обрамлено страннической мотивикой: «Великій же сей Никонъ о(т)иде во островъ Тмуроканскій, и ѡбрѣтъ мѣсто чисто близъ града вселися тамѡ, безмолвствуа и служа Б[о]гу нелѣнностно, труды к трудомъ прилагаа, и народы оудивлаа страннымъ своимъ житіемъ» [6. Л. 113об.]. Знаменательно, что Никон избирает для уединения «место, лишенное случаев к утешению и тщеславию», т.е. именно такой географический локус, который преподносится как наиболее выгодный для совершения духовного подвига в «Слове о странничестве».

В странническом контексте преподносится и другой эпизод из жизни подвижника. В период междоусобицы, когда Изяслав был изгнан из Киева Всеволодом и Святославом, инок, видимо, оставшийся на стороне изгнанного Изяслава, был вынужден снова уехать в Тмутаракань, — говорится в статье О.В. Творогова [10]. Совершенно аполитично, духовно смотрит на уход святого Никона из обители составитель Печатного патерика 1661 г., в котором через посредничество редакции Иосифа Тризны появляется следующее известие: «По семь видѣвъ бл[а]женный сей безмолвникъ смѣтеніе суще въ кн[я]зѣхъ Россійскихъ, изгнану бывшу Изѣславу из Кіева, и сѣдшу тамѡ брату его Свѣтославу, стужи ѡ семь не могій терпѣти матежа, да не умное свое храненіе погубить: и вожделѣ паки о(т)ити въ преждереченный островъ» [6. Л. 114об.]. Итак, вновь вынужденное пространственное перемещение героя патерика объясняется в связи с его «уклонением от мира».

Так Киево-Печерский патерик преподносит пример не только странничества в географическом смысле, но и странничества в смысле метафизическом, духовном. И если одним из определений странничества, по слову святого Иоанна Лествичника, является «жизнь уединенная», то создатель Киево-Печерской обители является одним из ярчайших примеров странничества в древнерусской агиографии. Он уклоняется общежития, говоря «самъ хочу жити единъ, якоже и прежде ѡбыкохъ» [6. Л. 5об.]. Именно в пещере, где преподобный Антоний, по слову агиографа, «оуединенъ сый», странствование его к Богу восходит «от силы въ силу» [6. Л. 8]. Наиболее репрезентативное выражение тема добродетели странничества находит в пространной «Похвале преподобному отцу нашему Антонию Печерскому». Достоинно внимания в данном случае, что риторическим материалом для прославления вновь является «Слово о странничестве», парафраз из которого содержит «Похвала».

Похвала преподобному отцу нашему Антонию Печерскому	«Слово о странничестве» («Лествица»)
«Егда же не иное дѣло трудивъ избра, кромѣ еже копати пещеры, негли паматствова в словесѣхъ, яже Лѣствичникъ ко инокомъ изрече: Да будетъ, глагола, оудаленіе наше во страны смиреннѣйшыа, мало славнѣйшыа, и всего оутѣшеніа міра сего далечайшыа» [5. Л. 21].	«Еже ѡ мѣсть и(с)хож(д)еніе, виѣоутѣшнаа г[лаго]леть и нетщеславнаа, за(не) оумо(м) невозвышатиса, но терпѣти в смиреннѣйшы(х) и безоутѣшны(х) и в мѣсте(х) далече ѡ(т)столащы(х) ѡ(т) чел[о](в)[ѣ]къ» [2. Л. 45об.]

Агиограф задается вопросом: «И какова же мѣста иноческому житію смиреннѣйшаа, мало славнѣйша, и всего оутѣшеніа мірскаго далечайшаа могутъ быти, яко пещеры, не мню» [б. л. 21–21об.]. Так, добродетель странничества преподносится не только как повод к прославлению преподобного Антония, но и как причина основания всей Печерской обители, появившейся благодаря желанию тесного и скорбного пути ее основателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Киево-печерский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. IV.
2. *Св. Иоанна Лествичника*. Лествица с толкованиями. Нач. XVII в. Отдел рукописей РГБ. Ф. 173. I. Ед. хр. № 38.
3. *Георгиевский Г. П.* Печатный печерский патерик // Русское обозрение. М., 1893. Т. 21. Май. С. 258.
4. Киево-Печерский патерик. Редакция Сильвестра Коссова // Kossow, Silwestr. Paterikon abo zuwoty ss. Oycow Pieczarskich. W Kiiowie, 1635.
5. *Поппэ А.* Радение игумена Даниила об устроении Церкви на Руси: Кипрский эпизод // *Studi Slavistici*. 2009. V. VI. С. 9.
6. Патерик Киево-Печерский. М., 1759.
7. Киево-печерский патерик. Редакция Иосифа Гризны. Рукопись конца 40-х первой половины 50-х годов XVII века. РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304. Ед. хр. № 714. Л. 195об.
8. *Шахматов А. А.* Киево-Печерский патерик и Печерская летопись // Известия отделения русского языка и словесности императорской академии наук. СПб., 1897. Т. II. Кн. 3. С. 818.
9. *Ранчин А. М.* Житие Феодосия Печерского: традиционность и оригинальность поэтики // Вертоград златословный. М., 2007. С. 169.
10. *Творогов О. В.* Никон (Великий) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. С. 280.

DOI: 10.31857/S0869544X0014067-6

J. BARTOŇ, R. DITTMANN. Český obrozenec překládá Písmo: překladatelské dílo Františka Novotného z Luže – edice Janova evangelia. Praha, 2018. 160 s.

Й. БАРТОНЬ, Р. ДИТТМАНН. Священное Писание в переводе представителя чешского национального возрождения – издание Евангелия от Иоанна

Чешские библейские переводы, представляющие наиболее раннюю и наиболее авторитетную в славянском мире традицию перевода Библии на национальный литературный язык, не обойдены вниманием филологов и историков. Библиография посвященных переводам чешской Библии работ не менее авторитетна и объемна, начиная еще с трудов Й. Добровского и заканчивая актуальными исследованиями последнего десятилетия. Однако, если не учитывать работы, посвященные современным чешским библейским переводам XX в., дистанцированным от предшествующей традиции, то приходится констатировать, как справедливо замечает один из авторов рецензируемого труда Й. Бартонь, что внимание исследователей преимущественно сосредоточено на диапазоне от старочешских переводов до Святовацлавской Библии рубежа XVII–XVIII вв.

Тем более ценным является издание Й. Бартоня и Р. Диттманна, содержащее текст и лингвистическое исследование одного чрезвычайно интересного и до сих пор практически неизвестного новозаветного перевода «межвременья» в истории чешской Библии, т. е. периода с конца XVIII в. до конца XIX в. Целый ряд возникших в этот период католических библейских переводов до сих пор остается не исследованным с языковой точки зрения и малоизвестным даже специалистам. Между тем такое исследование являлось бы вдвойне актуальным – как для истории собственно библейских переводов, так и для истории чешского литературного языка периода национального возрождения.

Книга состоит из трех основных частей: Й. Бартоню принадлежит историко-филологическое и лингвистическое исследование евангельского перевода Франтишека Новотного, Р. Диттманном обстоятельно охарактеризована орфография текста и правила ее передачи

в издании, совместными усилиями авторов в третьей части издан текст Евангелия от Иоанна в переводе Новотного (в частично нормализованной орфографии, в соответствии с современной пунктуацией и словоделением). Издание включает также иллюстрации, библиографию, именную указатель, указатель евангельских цитат и аннотацию на английском, немецком и русском языках.

Авторы характеризуют издаваемый и анализируемый текст как «малый» перевод, стоящий особняком от так называемой главной линии католических библейских переводов после Святовацлавской Библии. Упоминания в историко-филологических работах о существовании перевода Евангелия, выполненного священником Франтишеком Новотным из Луже, историком и филологом эпохи национального возрождения, сподвижником Й. Добровского и Й. Юнгманна, до сих пор ограничивались лишь информацией об изданном в 1810 г. тексте Евангелия от Матфея. Исследование Й. Бартоня выявило, что бытовавшие ранее сведения являются характерным недоразумением, нередко возникающим вследствие историко-библиографического описания *non de visu*: в издании Новотного титульный лист присутствовал лишь у напечатанного первым Евангелия от Матфея, тогда как все остальные Евангелия, изданные несколько позже, титульных листов не имели вовсе; соответственно, у целой книги никогда не было и общего для всех четырех Евангелий титульного листа. Приведенное еще в «Истории чешской литературы» Й. Юнгманна (1825) название труда Новотного, повторяющее титульный лист первого из четвероевангелий, способствовало в дальнейшем складыванию версии о том, что остальные части перевода по каким-то причинам не были изданы; при этом некоторые причастные к этой версии исследователи были

знакомы только с первой частью издания, а другие воспроизвели не вполне точную информацию своих предшественников, не видев книгу воочию. Й. Бартонь виртуозно распутал этот узел противоречивых данных, обнаружив пять полных экземпляров издания и один экземпляр, содержащий только Евангелие от Матфея. Были восстановлены и обстоятельства выхода книги из печати: перевод был завершен еще в 1805 г., однако, по всей вероятности, из-за финансовых проблем в пражскую типографию книга попала только в 1809 г. В 1810 г. Евангелие от Матфея было напечатано в Праге, остальные три Евангелия печатались в Младе Болеславе в течение 1811 г. Новотный предполагал издать не только четвероевангелие, но и весь Новый Завет, о чем, в частности, упоминал в своем письме к Й. Добровскому в 1814 г. Воплотить это намерение ему не удалось вследствие недостатка средств; рукописное наследие Новотного, среди которого могли бы быть и остальные новозаветные переводы, было безвозвратно утрачено после его внезапной кончины в 1826 г.

Уникальность труда Новотного в истории чешской библиистики как в текстовом, так и в языковом отношении связана с сознательным стремлением автора к совершенствованию чешского евангельского перевода через привлечение не только латинского, но и греческого текста. Опираясь на Вульгату в качестве основного источника, в случаях ее расхождения с греческим текстом Новотный приводит соответствующий греческому чтению чешский перевод, напечатанный мелким шрифтом. В издании Й. Бартоня и Р. Диттмана воспроизводится система специальных помет Новотного, изложенная последним в отдельном «Историческом комментарии» к переводу. Этот «критический аппарат» включал в себя указания на отсутствие совпадающих чтений в греческом и латыни, на *variae lectiones*, на многозначность приводимых греческих лексем, на принятые в чешском переводе предпочтительные греческие чтения и т.д. Подобная система открывала заинтересованному чешскому читателю возможность следить за нюансами смысла и его языкового представления в той или иной традиции текста.

Основными чешскими источниками Новотного издатели считают два официальных католических перевода под редакцией Ф.Ф. Прохазки: Новый Завет 1786 г. и Библию 1804 г., преемственно связанных как со Святовацлавской, так и с Кралицкой Библией. Анализ перевода Новотного, проделанный Й. Бартонем и нашедший отражение как в опубликованных ранее статьях, так и в первой части рецензируемого издания, принес еще один нетривиальный результат, касающийся и текста, и языка: Новотный учитывал не только греческий,

но и церковнославянский источник, а именно Елизаветинскую Библию 1751 г. Владевший церковнославянским языком Новотный считал его образцом для некоторых языковых инноваций, внесение которых в чешский литературный язык способствовало бы оформлению его высокого книжного стиля, а церковнославянский евангельский текст рассматривал как источник для библейской критики текста.

К системным языковым инновациям Новотного, мотивированным церковнославянским языком, Й. Бартонь относит: беспредложный генетив в конструкциях сравнения и отрицания на месте номинатива с предлогом *než(li)* и аккузатива соответственно; творительный беспредложный в значении субъекта действия и орудия действия вместо конструкций с предлогами *skrze* и *v* соответственно; широкое использование причастных конструкций (причастий прошедшего времени на месте финитных форм глагола и причастий настоящего времени, презентных предикативных причастий в конструкции со вспомогательным глаголом *býti* или с фазовым глаголом на месте глагольных форм, презентных именных причастий на *-cí* в разных синтаксических функциях на месте глаголов); использование отглагольных существительных на месте глагольных конструкций, супина на месте инфинитива, возвратных глаголов с частицей *se* вместо конструкций с пассивным причастием. Отдельного упоминания достойны именные причастия прошедшего времени на *-(v)šl*, появление которых в чешском литературном языке эпохи национального возрождения до сих пор связывалось с влиянием русского языка: самыми ранними считались шесть примеров таких форм в выполненном Й. Юнгманом в 1800–1804 гг. переводе «Потерянного рая» Д. Мильтона. Перевод Новотного, возникший в то же время (скорее всего, до 1805 г.), содержит 54 примера причастий на *-(v)šl*, инспирированных, вне всякого сомнения, не русским, а церковнославянским языком и соотносящихся с подобными причастными формами в Елизаветинской Библии.

Церковнославянский язык оказал существенное влияние и на лексику перевода. Опираясь на традиционный католический чешский текст, переводчик тем не менее зачастую делает выбор в пользу архаичных для современного ему языка лексем, присущих старо- и среднечешским литературным текстам. Эти лексемы, с одной стороны, вполне понятны читателю, исходя из контекста и современных чешских производных лексем, а с другой — выступают (очевидными для переводчика) коррелятами церковнославянских лексем, с которыми имеют общую этимологию. Издатели перевода справедливо указывают, что многие предпочитаемые

Новотным лексемы одновременно принадлежат церковнославянскому и старочешскому лексическим фондам.

Ориентация на церковнославянский язык, по мнению авторов, лежит в основе языка перевода Новотного и составляет суть его понимания так называемого библейского стиля. Церковнославянский текст стал для переводчика тем посредником между чешским и классическими языками, который, с одной стороны, облегчил задачу по возможности максимального уподобления греческим синтаксическим структурам, с другой — отвечал потребности сформировать в чешском языке высокий книжный «священнописменный» (svatopísemský) стиль, к которому стремился Новотный. Его инновации на этом пути, как отмечают авторы, довольно гибки и непрямолинейны, во многих случаях вариативны и экспериментальны.

Труд Новотного остался в стороне от «главной линии» чешских католических библейских переводов XIX в., однако ориентация на

церковнославянский язык и текст объединяет его еще с двумя текстами: Новым Заветом с толкованиями апологета кирилло-мефодиевской идеи Ф. Сушила 1864—1872 гг. и церковнославяно-чешским Новым Заветом Н. П. Апраксина 1892—1897 гг. Планирующееся авторами издание остальных трех Евангелий в переводе Новотного позволит выяснить, существовала ли преемственная связь между всеми этими «славянизированными» чешскими текстами. Еще одной, безусловно, актуальной задачей на будущее авторы считают исследование взаимоотношений перевода Новотного со старочешскими текстами и с Кралицкой Библией. Таким образом, завершение издания откроет новые перспективы исследований по истории как чешского литературного языка, так и церковнославянского, а также для специалистов в области межславянских литературно-языковых связей.

© 2021 г. *И. В. Вернер*
Inna.verner@mail.ru

Конференция «Смех и юмор в славянской и еврейской культурной традиции»

2–4 декабря 2020 г. состоялась международная конференция «Смех и юмор в славянской и еврейской культурной традиции», организованная Центром славяно-иудаики Института славяноведения РАН и Центром научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер». Конференция впервые прошла в онлайн-формате и стала уже двадцать четвертой ежегодной встречей исследователей, с 1995 г. работающих над международным проектом «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия». На конференции докладчики обсудили широкий круг вопросов, связанных с понятием смеховой культуры, с проблемами восприятия смеха и смешного в книжной и народной культуре, с отражением юмористического и комического начала в разных жанрах фольклора, театра, художественной литературы и публицистике, в бытовом и обрядовом поведении, с ролью шутов и юродивых в традиционной культуре и др.

В конференции приняли участие 35 человек из России, Белоруссии, Израиля, Канады, Латвии и Литвы, в том числе пять сотрудников Института славяноведения РАН.

Конференция открылась презентацией очередного выпуска ежегодника «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия» – «Семья и семейные ценности в славянской и еврейской культурной традиции» (под ред. С.Н. Амосовой, О.В. Беловой (отв. ред.), А.И. Грищенко, И.В. Копченовой, В.В. Мочаловой, М.В. Ясинской. М., 2020), в котором были представлены лучшие материалы предыдущей конференции цикла «Концепт семьи в славянской и еврейской культурной традиции» (29–31 января 2020 г.).

Первый блок докладов был посвящен осмыслению концепции смеховой культуры в иудаизме и христианстве в эпохи поздней античности и Средневековья. Первые два доклада объединены попыткой прояснить, чем отличалось библейское и талмудическое понимание смеха от современного понятия. *Аркадий Ковельман* (ИСАА МГУ, Москва) провел параллели между насмешками Иисуса в Новом Завете и издевками рабби Йегошуа в Талмуде над фарисеями, показывая, что характер сатиры и иронии у них различается: в одном случае это критика еврейского общества извне, а в другом – изнутри. *Ури Гершович* (ИСАА МГУ, СПбГУ, Москва) подчеркнул сложность современного истолкования примеров смеха и иронии в талмудической литературе, которые использовались либо как средство для решения важных галахических проблем, либо как ирония и самоирония, либо как остроумная игра метафор, а тексты часто не дают возможности понять тон высказывания мудрецов. *Михаил Каранев* (КНИТУ, Нижнекамск) и *Анна Лунева* (СПбГУ, Санкт-Петербург) в совместном докладе проследили отношение к «смеху», «веселью» и «зрелищам» в иудейской и христианской традициях в период с III в. до н.э. по III в. *Дильшат Харман* (РГГУ, Москва) посвятила доклад юмористическому обыгрыванию темы прихода Машиаха в миниатюрах «Агады Хилека и Билека» (вторая половина XV в., Южная Германия), поместив шуточный подход к изображению Машиаха в контекст эпохи и коснувшись сходств и различия устройства средневековых и современных шуток о приходе мессии. *Светлана Мамонова* (МГУ, Москва) обратилась к механизму текстопорождения маргиналий фольклорного или бытового содержания в древнерусских рукописях, несущих на себе отпечаток комизма, а также к возможным мировоззренческим основам, которые побуждали писцов создавать тексты подобного рода.

Следующий блок докладов был посвящен теме смехового начала в обрядовых практиках славян в ситуациях межкультурного взаимодействия с иноязычными этносами и формирования смеховой культуры нового советского общества. *Татьяна Гревцова* (ЮНЦ РАН, Ростов-на-Дону) рассмотрела игровые и шуточные обряды и ритуалы на второй и третий день свадьбы на территории бывшей Области Войска Донского как способы трансляции важнейших для свадьбы культурных смыслов. *Валентина Запорожец* (РУДН, Москва) продолжила тему смеховой культуры в праздновании свадебного обряда и представила материалы собственных полевых исследований во Владимирской,

Ярославской областях, Краснодарском крае и Москве, посвященные эротической направленности ритуальных действий второго свадебного дня. *Глеб Пилипенко* (ИСл РАН, Москва) разобрал нарративы о коммуникативных неудачах, связанных с ними анекдотических ситуациях и смещении кодов, записанные во время полевых лингвистических исследований в Боснии и Герцеговине, Сербии, Латвии и в других странах, затронув как контакты близкородственных славянских языков, там и взаимодействие с неродственными языками (например, с венгерским, испанским). Предметом анализа в докладе *Сергея Алпатов* (МГУ, Москва) стали символические реалии, образы и мотивы, связывающие празднично-ритуальные хронотопы Песаха и Первомай, сюжеты народных игр «в покойника» и советских карнавалных шествий, топику и стилистику дворовых песен и русской пародийно-сатирической поэзии начала XX в. *Демьян Валув* (СмолГУ, Смоленск), основываясь на материалах Смоленской губернии и Западной области, реконструировал процесс организации и проведения антирелигиозных (антирождественских и антипасхальных) карнавалов и шествий 1920–1930-х годов, выявив их региональные особенности и проследил реакцию на них населения.

Следующий блок докладов был объединен темой смеховой культуры в еврейском фольклоре. *Светлана Амосова* (ИСл РАН, Москва) проследила лингвистические механизмы смены имени с еврейского на славянское по материалам еврейских анекдотов и шуток. *Валерий Дымшиц* (ЕУСПб, Санкт-Петербург) рассмотрел паронимические анекдоты в еврейском фольклоре, с одной стороны, как маркеры процесса модернизации еврейского общества, с другой – как следствие проживания еврейского населения в ситуации мультилингвизма. В совместном докладе *Мария Каспина* (РГГУ, Москва) и *Наталья Киреева* (РГГУ, Москва) рассмотрели фигуру рыбацкого ребя Хаима-Занвля Абрамовича (1902–1995) с точки зрения восприятия юродивого в еврейской и нееврейской среде. *Лариса Привальская* (независимая исследовательница, Москва) проследила на материале еврейских анекдотов на идише (1895–1926) тему «выхода из еврейства»: типы индивидуумов, решившихся на подобный шаг, конкретные способы достижения цели и модели восприятия этого явления в коллективном фольклорном сознании. *Лара Лемпертене* (Национальная библиотека Литвы, Вильнюс) представила недавно найденные документы Этнографической комиссии института ИВО в Вильнюсе (в коллекции Центра иудаики Национальной библиотеки им. Мартинаса Мажвидаса) в контексте исследования народной смеховой культуры (сказок, пуримшпилей и т.д.). *Анна Штерншиц* (Ун-т Торонто) обратилась к материалам советского еврейского антифашистского юмора времен войны, отложившимся в архивах Кабинета еврейской культуры и газеты «Эйникайт», записанным исследователями еврейского фольклора в эвакуации, в Красной Армии и гетто и не сохранившимся в устной истории. *Галина Зеленина* (РГГУ, ШАГИ РАНХиГС, Москва) посвятила доклад смеховому началу в текстах движения отказников и еврейского национального движения 1960–1970-х годов в СССР, проанализировав корпус текстов пуримшпилей.

Большой блок докладов был посвящен смеху и юмору в литературе и публицистике как евреев, так и окружающих их народов в широком историческом контексте с XVII до XX в. *Максим Пулькин* (ИЯЛИ КарНЦ РАН), Петрозаводск) показал, как старообрядческий публицист Евфросин (ум. после 1691) использует в своих программных произведениях против старообрядческих самосожигателей сатиру и иронию. *Галина Элиасберг* (РГГУ, Москва) обратилась в сообщении к образу простака и приемам сатиры в комедиях драматургов эпохи Гаскалы Ш. Эттингера, А.-Б. Готтлобера и отца еврейского театра А. Гольдфадена. *Георгий Прохоров* (ГСГУ, Коломна) выделил три грани концепта «еврей» (еврей смешной, страшный, полезный) в литературных произведениях Г.Р. Державина, Н.В. Кукольника и Ф.М. Достоевского. *Константин Бондарь* (Тель-Авивский ун-т) классифицировал пародийные приемы изображения речи евреев у русских и украинских писателей XIX–XX вв. с целью создания и усиления сатирического, обличительного или «этнографического» эффекта. *Элина Васильева* (Даугавпилсский ун-т) связала формирование типичного образа еврея в комедийной латышской литературе XVIII–XX вв. с традициями комедии дель арте и персонажами Панталоне и Дзанни. *Дмитрий Прохоров* (КФА им. В.И. Вернадского, Симферополь) обратился к сатирическим и юмористическим произведениям караимского писателя и поэта Арона Ильича Катька (1883–1942), которые являются ценным источником фольклорного и этнографического характера. В докладе *Максима Гаммала* (ИСАА МГУ, Москва) предпринята попытка анализа языковых и стилистических особенностей караимской литературы рубежа веков на примере пьесы Аарона Леви «Ахьр Зэман» («Светопредставление»). Предметом анализа в докладе *Виктории Мочаловой* (ИСл РАН, Москва) стали очерки австрийского писателя, литературоведа и фольклориста еврейского происхождения Карла-Эмиля Францоца (1848–1904), в юмористическом ключе отражающие быт и нравы обитателей восточноевропейского ареала еврейской диаспоры и сложные взаимоотношения в поликультурном регионе Галиции, Подолии и Буковины. Доклад *Маргариты Фабрикант* (НИУ ВШЭ, БГУ, Москва) был посвящен репрезентациям еврейского юмора в сатирическом романе белорусского писателя А. Мрыя «Записки Самсона Самасуя» (1929) как полю формирования общего для славян и евреев понимания социальных

изменений 1920-х годов. *Николас Драйер* (Ун-т Бамберга, Альтдорф-бай-Нюрнберг) рассмотрел еврейскую культуру юмора на примере еврейских литературных произведений и анекдотов эпохи Гаскалы, советского и постсоветского периодов, сравнивая структурные сходства в юмористическом подходе и выделяя культурные и литературные традиции.

Последний блок докладов рассматривал смеховую культуру в изобразительном искусстве. *Вилма Градинскайте* (Литовский национальный художественный музей) проанализировала развитие шаржа в Литве в 1920–1940 гг., пытаясь ответить на вопросы, какие концептуальные и эстетические задачи ставили перед собой художники-карикатуристы, каковы были требования публики к юмористическому изображению и как оно формировало взгляды и мировоззрение общества. *Иван Грибков* (МИСиС, Москва) рассмотрел комикс о Холокосте как одну из важнейших форм рассказа о трагедии в условиях поколенческого разрыва, выход за традиционные границы нарратива о Холокосте на новые культурные и возрастные аудитории. *Юлия Жердева* (Самарский национальный исследовательский ун-т им. академика С.П. Королева) на основе коллекции ученического рисунка (1000 листов оригинальной акварельной карикатуры) периода Первой мировой войны, сохранившейся в собраниях Самарского областного художественного музея и Государственного центрального музея современной истории России, исследовала литературные и визуальные источники образности ученической карикатуры, влияние на нее народной смеховой культуры. Предметом исследования *Андрея Бобрихина* (Екатеринбургский музей изобразительных искусств) является «наивное искусство», творчество художников-любителей, запечатлевших жизнь еврейского местечка как идеализированный мир, в котором также воплотилась визуализация «еврейского юмора».

В 2021 г. по материалам конференции выйдет одноименный том статей в ежегоднике академической серии «Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия».

© 2021 г. *И. В. Конченова*
irinakop@rambler.ru

DOI: 10.31857/S0869544X0014068-7

Slavyanovedenie № 2, 2021

ARTICLES

<i>Florya B.N.</i> (Moscow). The Second Statute of Lithuania about the inter-confessional relations in the Grand Duchy of Lithuania.....	3
<i>Konoplyanko K.S.</i> (Moscow). The genesis of anabaptism in the Kingdom of Poland and in the Grand Duchy of Lithuania in 1550–1560	8
<i>Babulin I.B.</i> (Moscow). The composition and size of the Russian army in the Chudnovsky campaign of 1660	26
<i>Kościełniak K.</i> (Poznań). The attempt to capture Poznan in 1704 made by the Saxon-Russian-Polish troops of Johann Reinhold Patkul	43
<i>Kochegarov K.A.</i> (Moscow). The Field Hetman of the Grand Duchy of Lithuania Hrehory Ogiński and tsar Peter I in the late 1708 – first part of 1709	56
<i>Kalugin V.V.</i> (Moscow). The mystery of Francis Skorina and the source of the Ostrog Bible	80
<i>Korzo M.A.</i> (Moscow). The topos of <i>consolatio mortis</i> in the writings of Symeon of Polotsk: some hallmarks of the sources for the inspiration of the theologian.....	93
<i>Vinogradova L.N.</i> (Moscow). Russian folk demonology and its regional features. Part I. The spirits of nature and house locuses. The personification of death and diseases.....	102

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Lazarev Y.A.</i> (Ekaterinburg), <i>Ivshin V.S.</i> (Ekaterinburg) The integration of “Little Russia” and its status in the works of G.F. Karpov (1839–1890).....	115
--	-----

REPORTS

<i>Rostovtseva J.A.</i> (Moscow). The pilgrimage of heroes of the Kiev-Pechersk paterikon (based on textual edition from 1661).....	131
---	-----

REVIEWS

<i>Verner I.V.</i> J. Bartoň, R. Dittmann. Český obrozenec překládá Písmo: překladatelské dílo Františka Novotného z Luže – edice Janova evangelia	136
--	-----

SCHOLARLY LIFE

<i>Kopchenova I.V.</i> The conference «Laugh and humor in Slavic and Jewish cultural tradition»	139
---	-----